А. С. АБРАМОВ

МУЖЕСТВО В НАСЛЕДСТВО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История Великой Отечественной войны явила миру множество примеров удивительного мужества и отваги советских воинов. И высшая форма проявления героизма – воздушный или наземный таран.

Пилот, идущий на таран вражеского самолета или направляющий свою машину на наземную цель, не мог рассчитывать на то, что сам уцелеет, он думал только о победе над врагом. И тем не менее благодаря мужеству и летному мастерству некоторые из таких героев остались в живых.

Автор книги собрал интересный материал об уральских летчиках, таранивших врага, достойных наследниках легендарного Петра Нестерова, впервые в мире выполнившего «мертвую петлю» и совершившего первый воздушный таран.

- Мужество в наследство
  - Мужество в наследство
  - Штурман Владимир Журавлев
  - Письмо, найденное в табакерке
  - Последняя атака лидера
    - Покинутый дом
    - Первая встреча с врагом
    - Особое поручение
    - Эвакуация
    - «Чайки» возвращаются
    - Горькие будни
    - Неужели отлетался?
    - За тридевять земель…
    - На побывке
    - Штурман полка
    - Благодарность комдива
    - Лидер атакует
    - Не забудем, отомстим!
    - Квадрат Усманского бора
    - Не все вернулись с задания
    - Один против восьми
    - Разведка в облаках
    - Беда не приходит в одиночку
    - Перед решающим сражением
    - Над Курской дугой
    - «Присвоить звание героя…»
    - Москва. Кремль

- Среди родных и друзей
- Таран пылающего «яка»
- Между жизнью и смертью

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Мужество в наследство

Александр Абрамов
Мужество в наследство

Детям и внукам моим посвящаю

…Таранить вражеский самолет совсем не просто. Одного мужества для этого недостаточно, здесь нужна еще и отличная летная подготовка. Ну, а в ночных условиях даже при идеальной погоде задача эта усложняется невероятно

Алексей Петрович Маресьев,
Герой Советского Союза

Мужество в наследство

Не так давно в одном из клубов города Горького открылся музей Петра Николаевича Нестерова. Это событие было приурочено к 70-летию с того дня, когда прославленный русский летчик впервые в мире выполнил «мертвую петлю», или «петлю Нестерова».

Красную ленточку при входе в музей разрезала дочь знаменитого авиатора – Маргарита Петровна. Она передала в дар музею книги об отце, фотографии из семейного альбома, личные вещи, гипсовый бюст летчика.

Петр Нестеров окончил артиллерийское училище и был произведен в офицеры, служил во Владивостоке, где и родилась его дочь Маргарита. Там он увлекся авиацией. Звание военного летчика получил после окончания в Петербурге офицерской воздухоплавательной школы. Еще во время учебы в ней Петр Нестеров, приезжая летом на каникулы в Нижний Новгород, летал на построенном им планере собственной конструкции. А в 1913 году пилотировал самолет, с которого впервые в России проводились киносъемки с высоты более 1500 метров. Для того времени подобные съемки были сенсацией.

Свою «мертвую петлю» Нестеров выполнил на аэроплане «ньюпор» 27 августа 1913 года, за что был произведен в штабс-капитаны, а киевское общество воздухоплавания наградило его золотой медалью.

П. Н. Нестеров (четвертый справа) у самолета «фарман»

Это было время, когда Россия построила первые тяжелые самолеты-гиганты: «Илья Муромец», «Русский витязь», «Гранд».

Век мировой авиации открыл наш соотечественник изобретатель контр-адмирал Александр Федорович Можайский. Созданный им воздухоплавательный снаряд (самолет) был

построен в натуральную величину в 1882 году. В декабре 1903 года пионеры авиации американские конструкторы и летчики братья Райт – Уилбер и Орвилл – первыми в мире совершили полет продолжительностью 59 секунд на построенном ими самолете с двигателем внутреннего сгорания.

Весомый вклад в покорение воздушного океана внесли первые летчики земли русской: М. Н. Ефимов, С. И. Уточкин, Н. Е. Попов, А. А. Васильев и женщина-пилот Л. В. Зверева.

В числе тех, кто впервые разработал проблемы воздушных полетов, был великий русский ученый профессор Н. Е. Жуковский, которого В. И. Ленин назвал «отцом русской авиации». Еще в 1891 году Н. Е. Жуковский на основе наблюдений и исследований теоретически обосновал способность самолета выполнять различные фигуры, в том числе и «петлю». Но ни один летчик мира до 1913 года не дерзнул на подобный маневр. Лишь П. Н. Нестеров, обладая прекрасным летным мастерством, точно вычислил и изобразил на схеме, на какой высоте будет выполнять «петлю», сколько сотен метров должен пикировать самолет, чтобы развить достаточную скорость, когда выключить и когда вновь включить мотор, каков получится диаметр замкнутой кривой. По этим вопросам Нестеров консультировался с Н. Е. Жуковским.

…В Горьком, на родине П. Н. Нестерова, живет его дочь Маргарита Петровна. В ее скромной квартире все дышит святой памятью знаменитого отца. Хозяйка тепло и трогательно рассказывает обо всем, что связано с жизнью Петра Николаевича, показывает множество планшетов с уникальными фотографиями, журналы, книги, газеты. Она их часто берет с собой, когда отправляется на очередную беседу в клуб, школу, институт или на предприятие города. В этих беседах-лекциях Маргарита Петровна вновь и вновь воскрешает перед молодым поколением бессмертный подвиг своего отца.

П. Н. Нестеров с женой и дочерью Маргаритой. 1910 г.

– Об отце мне много рассказывала бабушка, мама, друзья семьи, – вспоминает дочь. – По натуре папа был простым и добрым, но, к сожалению, его не все понимали. Некоторые офицеры из высших чинов осуждали его за излишний демократизм. Но отец не обращал на это внимания, вместе с механиками и мотористами ремонтировал и готовил аэропланы к полетам. Нас с братом он очень любил, меня называл ласково «Дукой» или Маргунькой, а брата – «Петушком». Помнится, однажды я заболела, и меня отвезли в больницу. В тот же день отец прямо с полетов в кожанке и шлеме пришел ко мне в палату. Он тогда был в Гатчинской школе, привез мне гостинцев и много времени провел со мной. По рассказам близких, у меня сложилось довольно определенное мнение об отце не только как о смелом и талантливом авиаторе, но и как о незаурядном и разносторонне одаренном человеке. Он, например, обладал тонким музыкальным слухом и сильным баритоном красивого тембра, хорошо знал классическую музыку, исполнял арии из опер и русские романсы, довольно прилично играл на фортепиано и на мандолине.

Мариинский театр стал для отца излюбленным местом, где он проводил свое свободное время. Был период, когда отец подумывал всерьез заняться пением и даже обращался за советом к профессору, директору Петербургской консерватории Александру Константиновичу Глазунову. Тот, высоко оценив голосовые данные отца, сказал, что для концертов он уже достаточно подготовлен, но большая сцена потребует еще

кропотливой работы над собой.

Маргарита Петровна отыскала фотографию, на которой в семейном кругу снят Петр Николаевич, играющий на мандолине в нижегородском доме № 32 по улице Больничной (ныне улица Нестерова).

– Любопытный факт, – поясняет Маргарита Петровна, – в этом же доме, на первом этаже, жил знаменитый писатель Короленко.

Петр Николаевич интересовался и живописью, неплохо рисовал. Дочь хранит несколько картин, написанных отцом вместе с матерью. Их картины «Девушка над ручьем», «Демон и Тамара» не раз выставлялись в Горьковском краеведческом музее.

В нотном альбоме клавиров и партитур, помеченных автографом Петра Нестерова, сохранилась «Песня каторжника» композитора-нижегородца В. В. Дианина с дарственной надписью: «Симпатичным молодоженам Надежде Рафаиловне и Петру Николаевичу Нестеровым. От автора. 1 декабря 1908 года».

Другой экземпляр «Песни каторжника» 19 февраля 1930 года Дианин подарил Надежде Константиновне Крупской с авторской надписью. Сейчас ноты этой песни находятся в числе экспонатов, хранящихся в кремлевской квартире Владимира Ильича Ленина.

Итак, Петр Нестеров первым в мире совершил «мертвую петлю». Об этом исключительном, поразившем всех подвиге писали в Европе и Америке. Французы, например, рассматривали огромный успех русского авиатора и как торжество своей национальной промышленности: как аэроплан, так и его мотор были французского производства. Известный в то время американский авиаконструктор Кертис хотя вначале и отнесся к полету Нестерова с недоверием, все же был восхищен «безумной смелостью молодого русского авиатора».

К осуществлению своей мечты Нестеров готовился долго и кропотливо. «Петлю» свою я действительно задумал очень давно для доказательства своих принципов управления аппаратом, в корне расходящихся с господствующими взглядами», – писал он.

Однако свой приоритет Нестерову пришлось доказывать и драться за него. Достаточно, например, взглянуть на одну из страниц журнала «Огонек» № 47 за ноябрь 1913 года. Фотоснимок корреспондента запечатлел улыбающегося летчика в кабине самолета с таким любопытным комментарием: «Авиатор Рост превзошел Пегу с его «мертвой петлей», перевернувшись в воздухе 20 раз. Но сделал он это поневоле, так как на высоте 4000 метров попал в воздуховорот… и в 400 метрах от земли успел придать аэроплану нормальное положение и благополучно спуститься».

Подобная трактовка факта лишний раз подтверждает, что некоторые петербургские и московские газеты и журналы в 1913 году не затрудняли себя анализом событий, а попросту гоняясь за сенсацией, слепо перепечатывали французские публикации, отдавая пальму первенства известному французскому авиатору А. Пегу.

Этот летчик действительно сделал «мертвую петлю», но… лишь спустя 12 дней после Нестерова.

П. Н. Нестеров вынужден был выступить с протестом в газете «Свет». Не лично о себе, не о собственной славе заботился он – о чести и престиже родного Отечества была его первейшая забота.

Хотя в службе Нестерова был и такой курьезный факт: за «мертвую петлю» командование царской армии чуть было не посадило его под арест «…за риск казенным имуществом».

В воздухоплавательной школе в Гатчине Нестеров часто говорил о «мертвой петле», хотя и понимал, что его задумка многим кажется фантастической.

Однажды в рукописном «Альманахе» появился загадочный шарж с ироническими стихами:

Ненавидящий банальность
Полупризнанный герой,
Бьет он на оригинальность
Своею «мертвою петлей».

Внизу – броская надпись: «Кто он»?

По воспоминаниям, Нестеров не обиделся. Он тут же ответил на стихи экспромтом:

Коль написано «петля»,
То, конечно, это я.
Но ручаюсь вам, друзья,
На «петлю» осмелюсь я!
Одного хочу лишь я,
Свою «петлю» осуществляя,
Чтобы «мертвая петля»
Стала в воздухе живая.
Не мир хочу я удивить,
Не для забавы иль задора,
Я вас хочу лишь убедить,
Что в воздухе везде опора.

И вот, не дождавшись разрешения начальства,

«полупризнанный герой» доказал, что «в воздухе везде опора», и стал всемирно признанным авиатором.

В то время, когда российское военное ведомство запретило своим летчикам делать «мертвые петли», французские авиаторы гастролировали по России, демонстрируя перед многочисленными зрителями те же самые «петли Нестерова». И вот 14 мая 1914 года при переполненной аудитории в зале Политехнического музея в Москве после вступительного доклада профессора Н. Е. Жуковского произошла встреча Нестерова с Пегу, который публично признал первенство русского авиатора. Под гром рукоплесканий Пегу подошел к Нестерову, дружески обнял его и расцеловал. Обратившись к присутствующим, французский летчик сказал: «Я считаю для себя недостойным докладывать о «мертвой петле» в то время, когда здесь присутствует ее автор…» Приоритет русской авиации, который с такой легкостью отдавался иностранцам, был восстановлен.

Национальным героем встретил П. Н. Нестеров первую мировую войну, в которой ему суждено было совершить свой второй – уже боевой – подвиг во славу русского оружия. Подвиг, сыгравший большую роль в развитии авиации, породил целую плеяду наследников Нестерова, героев предстоящих битв…

Авиационный отряд, начальником которого был штабс-капитан П. Н. Нестеров, базировался на Юго-Западном фронте, в районе города Жолква. Летчики проводили воздушную разведку войск противника и доносили о результатах в штаб армии. Однако над русскими позициями все чаще и чаще стали появляться австрийские аэропланы. Особенно надоедал вражеский разведчик – двухместный «альбатрос». Однажды в кругу летчиков полковник Бонч-Бруевич высказал озабоченность по поводу того, что противник беспрепятственно производит аэрофотосъемку дислокации русских войск. Нестеров дал слово офицера, что неприятельский разведчик больше не будет летать над русскими позициями. До того Нестеров уже успел совершить множество боевых вылетов, причем не только занимался разведкой, но и сбрасывал на вражеские войска трехдюймовые артиллерийские гранаты. По признанию пленных австрийцев, их командование сулило крупную денежную награду тому, кто собьет самолет Нестерова.

А русский штабс-капитан тем временем готовился к воздушному бою. Он говорил своим друзьям: «Меня занимает мысль об уничтожении неприятельских аппаратов таранным способом, пользуясь быстроходностью и быстроподъемностью аэроплана». Обдумывая способы, которые можно было бы применить в предстоящей схватке с противником, он как-то

приспособил специальный большой нож в конце фюзеляжа «с целью разрезать оболочку» неприятельского дирижабля-корректировщика. В другой раз решил прикрепить к своему аппарату длинный трос с грузом, которым рассчитывал опутать винт аэроплана противника, маневрируя над ним. Нестеров считал вполне возможным сбить вражеский аэроплан ударом сверху колесами своей машины. Друзья предостерегали его, поскольку атакующий летчик сам идет на огромный риск. На это Нестеров отвечал: «Жертвовать собой есть долг каждого воина».

И вот 26 августа 1914 года над городом Жолква, где в местном замке располагался штаб русской армии, вновь появился австрийский «альбатрос». Нестеров бросился к своему «морану» и сразу взлетел. Но расстояние до вражеского разведчика было слишком велико, поэтому догнать его не удалось. К тому же русскому летчику не повезло при взлете: оборвался трос с грузом. Солнце уже близилось к зениту, когда на высоте 1000–1500 метров вторично показался «альбатрос». С земли по нему открыли беспорядочную стрельбу. Враг стал кружить над ангарами, видимо, собираясь сбросить бомбу.

Узнав об этом в штабе, Нестеров тут же примчался и вскочил в быстроходный «моран». Завидев русский самолет, австрийский летчик развернулся и, наращивая скорость, пытался уйти от преследования на свою территорию. Но тщетно. Набрав нужную высоту и зайдя сзади, Нестеров сверху нанес стремительный удар колесами своей машины по «альбатросу». Оба аэроплана потеряли управление и рухнули на землю. Победа досталась Нестерову дорогой ценой: он разбился. Случилось это в 12 часов 5 минут.

– Тот страшный день, – рассказывала Маргарита Петровна, – мне запомнился на всю жизнь. Как только я утром открыла глаза, то сразу увидела маму, она держала в руках какую-то бумагу, лицо ее было в слезах. Подойдя к моей кроватке, она проговорила дрогнувшим голосом: «Доченька, нашего папочки больше нет». Тогда мне было пять лет и я не сразу осознала весь трагический смысл материнских слов.

Совершив легендарный подвиг, Петр Нестеров предстал перед потомками как истинный патриот, как славный сын земли русской. Он вписал новую героическую страницу в историю мировой авиации. Боевой соратник бесстрашного летчика поручик Крутень писал в редакцию газеты «Новое время»: «Итак, начало боя в воздухе положено. И первым был он же, русский герой, уже носитель венца славы за первую «петлю» – Петр Николаевич Нестеров… Слава тебе, русский герой!.. Слава богу, что русские таковы!»

Даже враги преклонялись перед выдающимся подвигом русского летчика. В одном из приказов по войскам немецкий кайзер Вильгельм II заявил: «Я желаю, чтобы мои авиаторы стояли на такой же высоте проявления искусства, как это делают русские…»

После тарана Нестерова высказывались различные суждения и версии. Одни говорили, что решение Нестерова таранить противника было принято сгоряча, в пылу сражения, иные же пытались доказать, что поступок героя-летчика явился результатом неудавшейся воздушной атаки. Были и другие гипотезы. Но подлинную правду знали те, кто служил и воевал вместе с Нестеровым, кто повседневно общался с ним. До нас дошли письменные воспоминания очевидцев исторического воздушного боя. Один из свидетелей, В. Федоров, так рассказал в своих записках о первом в мире воздушном таране: «Все произошло в какие-то доли секунды. Впечатление было такое, что на мгновение оба самолета как бы замерли в воздухе. Затем австрийский самолет со сломанными крыльями стремительно рухнул вниз. Сам же Нестеров промчался несколько дальше, после чего начал спускаться правильной спиралью большого радиуса. «Жив! Жив!» – сорвалось с уст всех свидетелей… Но радость была преждевременной. Самолет Нестерова резко качнуло, неестественно накренило, и он стал стремительно падать… Отделился и упал мотор. Метрах в 60–80 от земли самолет перевернулся, и Петр Николаевич выпал из него.

Когда мы подбежали… среди обломков, между мотором и самолетом, лежало тело Нестерова. Губы его были плотно сжаты, глаза закрыты, и из головы сочилась кровь. Многие плакали, не стыдясь слез».

Внимания заслуживает письмо В. Соколова, друга и сослуживца П. Н. Нестерова, проживавшего в Касабланке. Он просил поместить свое свидетельство в выходившей в Париже на русском языке газете «Русские новости». Отрывки из письма очевидца в какой-то степени помогут дополнить и ярче высветить личность и черты характера национального героя. (Цитируется по тексту корреспондента АПН.) «…Я от своего имени и от имени боевых товарищей Нестерова (полагаю, что имею на это право) утверждаю, что план атаки австрийского самолета был обдуман во всех деталях заранее.

Нестеровский таран до его выполнения долго и во всех подробностях обсуждался летчиками…

О нестеровском таране после геройской смерти его творца узнали все… через некоторое время он был повторен ротмистром Казаковым, который… благополучно спустился в наше

расположение. Правильность расчетов Нестерова была доказана. Подвиг, совершенный Нестеровым, не был «героическим самоубийством», а применением одного из приемов воздушного боя, хоть и весьма рискованного. Пулеметов тогда на вооружении авиации еще не было. Таран Нестерова – один из вариантов планов борьбы с авиацией противника.

Нестеров принадлежал к числу тех рассудительных русских героев, которые каждое свое начинание раньше обдумывают во всех деталях, а потом выполняют его, не дрогнув перед любой опасностью.

Является вопрос, почему же… Нестеров, вместо того чтобы ударить колесами по концу крыла австрийского самолета, ударил в его центр с такой силой, что мотор самолета отломился и упал отдельно?

Здесь мнения товарищей Нестерова разделяются: некоторые указывают на неожиданный маневр австрийца, который вдруг взмыл вверх; другие, в том числе и я, считают, что Нестеров не выдержал напряжения и потерял сознание в момент атаки.

Дело в том, что Нестеров, как у нас говорили, уже «вымотался вконец». Из всех русских военных летчиков ему одному (благодаря славе, вызванной «мертвой петлей» и блестящим перелетам Киев – Москва – Петербург) удалось получить второй, добавочный самолет. Летая попеременно на двух самолетах, Нестеров проводил целые дни на разведке… Однажды, в начале августа, Нестеров, вернувшись из разведки и вылезая из самолета, вдруг свалился. Все кинулись к нему, думая, что он ранен: оказалось, что он был в глубоком обмороке. Несмотря на настояние врачей и товарищей, Нестеров не пожелал хотя бы временно прекратить боевую работу, и это заставляет думать многих из его сослуживцев, что причиной гибели Петра Николаевича был мгновенный обморок, вызванный крайним переутомлением».

Как эстафета передается из поколения в поколение подвиг П. Н. Нестерова. В годы иностранной интервенции и гражданской войны авиационный отряд Нестерова был переформирован в истребительный дивизион, а затем преобразован в 1-ю Петроградскую Краснознаменную истребительную эскадрилью. В ней служил выдающийся летчик Валерий Павлович Чкалов. «Мы с любовью и гордостью, – говорил он, – вспоминаем славного летчика капитана Нестерова. Его новаторство в теории и практике пилотажа стало достоянием многих тысяч советских летчиков».

Все дальше и дальше уходят в глубь истории события той давней поры. Однако время не властно предать забвению

бессмертный подвиг Нестерова. В Петре Николаевиче проявились не только такие черты характера, как смелость, воля, упорство в достижении цели, но и талант авиатора, вдумчивого исследователя, природный ум, благородство помыслов и беззаветное служение Отчизне.

Советские люди свято чтут память о легендарном летчике. Району и городу, где воевал и погиб Нестеров, присвоено его имя. В Москве, Горьком и Гатчине есть улицы имени Нестерова.

В Горьком, в центре Нижегородского кремля, высится массивное трехэтажное здание с колоннами. В нем до революции размещался кадетский корпус, в котором служил отец Петра Николаевича. Здесь, в бывшей квартире на третьем этаже, в 1887 году родился Петр Нестеров. На фасаде – мемориальная доска в честь больших заслуг выдающегося земляка.

В 1964 году Международная авиационная федерация учредила переходящий приз для победителя первенства мира по высшему пилотажу – Кубок имени основоположника высшего пилотажа П. Н. Нестерова. А в день 35-летия Великой Победы над германским фашизмом в городе Горьком, на берегу Волги, на новом бульваре имени Нестерова, прошел торжественный митинг, посвященный закладке памятника выдающемуся русскому летчику. Открытие монумента П. Н. Нестерова состоялось в 1987 году к 100-летию со дня его рождения.

Память о П. Н. Нестерове бережно хранят и в тех краях, где он совершил свой последний подвиг. У села Воля-Высоцкая на Львовщине, недалеко от города Нестерова, создан великолепный мемориальный комплекс. В церемонии его торжественного открытия среди многочисленных почетных гостей приняли участие дочь Петра Николаевича – Маргарита Петровна, правнук летчика Алексей и, пожалуй, единственный живой свидетель первого в мире воздушного тарана – Николай Никитич Цюпка. Он родился в конце прошлого века в селе Любеле. На митинге Н. Н. Цюпка поделился воспоминаниями о том примечательном сентябрьском дне 1914 года. Увиденная им картина запечатлелась в памяти навсегда. Ему было 16 лет. Он шел из родного села в Жолкву (так в то время назывался город Нестеров). И вдруг над его головой пролетел австрийский аэроплан, и сразу в небе появился русский аппарат, который сверху ринулся на врага, и оба самолета рухнули на землю. Лишь спустя многие годы, уже после воссоединения Западной Украины с Советским Союзом, Н. Н. Цюпка узнал, кто был тот русский смельчак.

Когда завершилась официальная часть открытия мемориала, над полем раскрылись яркие купола парашютов. Спрыгнувшие с

вертолета парашютисты приземлились неподалеку от памятника. С огромной гирляндой зелени, обвитой красной лентой, они направились к обелиску. Зазвучала торжественная мелодия оркестра. Подножие мемориала опоясала гирлянда, на гранит легли цветы.

Чеканным шагом прошли стройные колонны воинов-прикарпатцев. С Государственными флагами СССР и ВВС пролетели вертолеты. Над мемориалом, словно салютуя русскому герою Петру Николаевичу Нестерову, пронеслись сверхзвуковые реактивные самолеты. Ими управляли наследники Нестерова, продолжатели его дела. Священные минуты волнующего ритуала!

И вот взоры людей устремились к мемориалу. На фоне бескрайнего поля – красавец обелиск. Титановым отсветом серебрится гигантская «мертвая петля». Ее шлейф, взметнувшийся ввысь, венчает сияющая модель сверхзвукового истребителя…

К величественному сооружению ведет устланная бетонными плитами широкая аллея с фонарями-торшерами у кромки. На огромной гранитной плите у подножия памятника чеканные слова: «Славному сыну великого русского народа военному летчику Петру Николаевичу Нестерову от трудящихся Львовской области и воинов Прикарпатского военного округа».

На лицевой части памятника барельефы: слева – крупный – Петра Николаевича Нестерова, далее – заслуженных героев советской авиации и справа – первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина. И в этом большой символический смысл. Когда Юрия Гагарина спрашивали, с чего начинается летчик, он отвечал, что полным и убедительным ответом на этот вопрос может служить короткая, но яркая, как факел, жизнь Петра Николаевича Нестерова. Надо именно по-нестеровски, подчеркивал Юрий Гагарин, с юношеских лет смотреть в небо, по-нестеровски увлекаться мечтой о покорении воздушного океана, отдавать всего себя служению родной авиации. Вникните в смысл свершений Петра Нестерова, советовал космонавт, оцените его вклад в авиацию на заре ее становления, шаг за шагом проследите за его стартами в небо, и станет понятно, с чего начинается летчик.

В мемориальный комплекс входит и музей П. Н. Нестерова. Круглый выставочный зал с декоративным куполом выдержан в голубых и синих тонах и как бы ассоциируется со звездным небом, космосом.

Славная и светлая жизнь П. Н. Нестерова всегда служила живым примером воинской доблести и героизма. Память о нем нетленна. Отдавая дань признания и благодарности своему национальному герою, советские авиаторы как достойные

наследники продолжают его традиции.

Со времени первой мировой войны до 1937 года воздушные тараны не повторялись. После Нестерова и Казакова воздушные тараны совершили наши славные соколы в небе республиканской Испании: капитан Н. П. Жердев сбил вражеский самолет ударом своей машины, и лейтенант Е. Н. Степанов осенью 1937 года первым в мире совершил ночной таран.

Не прошло и года, как в небе Китая отличился Антон Алексеевич Губенко. Сбив семь японских самолетов, он стал грозой «воздушных самураев». Его летному «почерку» стремились подражать однополчане. Еще будучи командиром группы летчиков-испытателей, Губенко получил особо важное задание. В то время велась большая и неотложная работа по доводке нового истребителя И-16. В один из дней Губенко должен был выполнить испытательный «полет на слом». Накануне вечером к нему на квартиру зашел Валерий Чкалов, чтобы подбодрить друга перед ответственным испытанием. Он подарил Антону фотопортрет П. Н. Нестерова с надписью: «Нет равных ему!»

«Полет на слом» Губенко провел успешно. За отличное завершение испытаний новых видов авиационной техники правительство наградило его орденом Ленина.

Антон Губенко после окончания Военно-теоретической школы летчиков

Все, кто служил и воевал в огненном небе Китая рядом с Губенко, хорошо знали о его отчаянной храбрости. Но мало кто знал, что уже в 1922 году он решился на смелый поступок. Тогда, ему, сельскому пареньку, едва исполнилось четырнадцать лет. Однажды, прослышав об авиационной школе, он навсегда «заболел» небом. Долго не раздумывая, Антон тайком от всех

пишет письмо на имя председателя ЦИКа Украины Г. И. Петровского, упрашивая его принять в школу летчиков.

«Теперь-то мне этот поступок кажется дерзким, – спустя много лет рассказывал А. А. Губенко, – но тогда я не думал о таком пустяке… И вот через несколько недель меня вызвали в сельсовет и торжественно, в присутствии притихших сельчан, вручили письмо от Петровского. Я побежал с ним к сестре, на ходу читая и перечитывая».

Но только в 1927 году Антона призвали в Красную Армию. А через год он закончил военно-теоретическую школу летчиков.

Так неотступно шел к своей цели сельский парень с характером. В 1937 году капитан Губенко едет добровольцем помогать китайскому народу бороться с японскими захватчиками. И там, в воздушном бою над Ханькоу, он сбил таранным ударом вражеский истребитель. В тот день советские летчики уничтожили 36 японских самолетов. Наши потери составили две машины.

Было это так. 31 мая 1938 года, в день рождения японского императора, противник решил нанести мощный бомбовой удар по аэродромам базирования советских авиационных частей. Этим налетом высшие чины японской военщины хотели сделать своему императору своеобразный подарок. В крупнейшем воздушном бою над Ханькоу участвовало до двухсот самолетов с обеих сторон.

В круговерти жестокой схватки Губенко вдруг обнаружил, что у него иссякли боеприпасы, на исходе горючее. А японский И-96 от него уходит. Тогда Антон рискнул использовать таран. Самурай рухнул на землю, а наш летчик не только остался жив, но и сохранил машину.

В своих мемуарах «Рыцари пятого океана» генерал-полковник авиации А. Г. Рытов вспоминал, как летчики и техники встретили на аэродроме Губенко и его израненный пулями истребитель: «Подбегаем к самолету и не верим глазам: винт погнут, фюзеляж изрешечен. Как же Антон сумел довести и посадить такого калеку?

Губенко спокойно вылез из кабины, снял парашют, неторопливо обошел самолет.

– Хорошо изукрасили, – растягивая слова, вымолвил он и горько усмехнулся.

– Что случилось, Антон?

– Да вот, рубанул.

– Как рубанул? – не сразу сообразил я.

– Так вот и рубанул, – и снова усмехнулся».

«…О таране я слышал, – рассказывал потом своим боевым

друзьям Губенко, – но как это делается, не представлял. И решил попробовать.

Подошел к японцу вплотную и только было собрался полоснуть винтом по рулю глубины, как вспомнил, что не отстегнулся от сиденья. Отстал немного, чтобы рассчитать удар, потом снова сблизился и рубанул винтом по крылу. У вражеского самолета что-то отлетело от плоскости. Завалился он набок, перевернулся и начал падать. Туда тебе, думаю, и дорога… пропадай пропадом!

Мой мотор сразу застучал, и я уже приготовился к прыжку. Но потом вижу: тянет… Тяни, милый, тяни. Выпрыгнуть я всегда успею…»

Когда командир спросил Губенко, где это произошло, Антон открыл планшет, развернул карту и указал примерное место падения вражеского самолета. На следующий день китайские воины нашли разбитую машину там, где указал Губенко, а поодаль – труп японского пилота, выброшенного сильным ударом.

Так советский авиатор применил нестеровский таран в небе Китая.

23 февраля 1939 года «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нем говорилось: «За образцовое выполнение специальных заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленное геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина полковнику Губенко Антону Алексеевичу».

Вскоре А. А. Губенко назначается заместителем начальника ВВС Белорусского военного округа.

Погиб он при исполнении служебных обязанностей.

А. А. Губенко на отдыхе с женой и дочерью

В 1939 году японские милитаристы совершили бандитское нападение на Монгольскую Народную Республику. Одними из первых на помощь дружественному народу прибыли летчики 22-го истребительного авиационного полка, в котором служил командир эскадрильи старший лейтенант Витт Федорович Скобарихин.

20 июля группа истребителей во главе с В. Ф. Скобарихиным вылетела на прикрытие наших войск. Замыкающим в строю был молодой пилот Василий Вусс, он поотстал от основной группы. Под крылом зазмеилась река Халхин-Гол. И тут сквозь разрывы облаков вывалилась стая японских самолетов. Скобарихин успел заметить, что в хвост машины Вусса заходят два вражеских истребителя. Не раздумывая комэск мгновенно развернулся на 180 градусов и на предельной скорости устремился на выручку. У Скобарихина не оставалось времени для маневра, и он атаковал противника в лоб. В тот момент, когда японец, ускользая от пулеметных трасс советского летчика, резко бросил свою машину ввысь, Скобарихин использовал секундное превосходство и ударил винтом и левым крылом «ястребка» в нижнюю часть модернизированного И-97. Однополчанин Вусс был спасен. Однако от резкого столкновения у комэска лопнули привязные ремни, и он ударился головой о приборную доску. На несколько

мгновений летчик потерял сознание. Очнувшись, увидел, что его самолет несется вниз по спирали. Высота более 1500 метров. Скобарихин не торопился прибегнуть к помощи парашюта, а попытался спасти машину. Это ему удалось. Выведя истребитель в горизонтальный полет, он мастерски произвел посадку.

Боевые друзья, прибежавшие поздравить его с победой, увидели торчащие в левой плоскости самолета обломки японского шасси, куски резины от покрышки с иероглифами.

На Халхин-Голе Скобарихин участвовал в 169 боевых вылетах, провел 23 воздушных боя и сбил 11 самолетов противника.

Хорлогийн Чойбалсан торжественно вручил отважному летчику орден Боевого Красного Знамени – награду Монгольской Народной Республики. Пожав руку Скобарихину, Х. Чойбалсан с восхищением посмотрел на невысокого, с русой шевелюрой пилота и сказал по-русски одно слово: «Молодец!»

После изгнания японских интервентов с монгольской земли в Кремле М. И. Калинин вручил В. Ф. Скобарихину высшие награды Родины – Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина.

В годы Великой Отечественной войны В. Ф. Скобарихин с боями прошел от стен Сталинграда до Чехословакии. А после победы по состоянию здоровья полковнику В. Ф. Скобарихину пришлось снять военную форму. Бывший летчик-истребитель стал научным сотрудником московского музея-панорамы «Бородинская битва».

Во время боев в районе Халхин-Гола воздушные тараны применили еще два советских истребителя – лейтенанты А. Ф. Мошин и В. П. Кустов, также удостоенные звания Героя Советского Союза.

Такова краткая история воздушного тарана от подвига Петра Нестерова до грозного 1941 года.

С первого же дня Великой Отечественной войны советские соколы, вступив в смертельную схватку с фашистской армадой, смело взяли на вооружение «нестеровский таран». И хотя этот прием воздушного боя не предусматривался никакими военными наставлениями, ему не обучали ни в авиационных школах, ни в авиационных частях, советские пилоты без колебаний и страха шли на таран. Наши летчики использовали его в тех случаях, когда в критической ситуации были исчерпаны все другие средства уничтожения противника: то ли отказывало бортовое оружие, то ли кончались боеприпасы или же требовалось во что бы то ни стало преградить путь врагу к особо важному объекту, но не оставалось времени для маневра.

Примечательно: ни один фашистский ас не отважился на подобный подвиг. Чем это можно объяснить? Ведь Гитлер самоуверенно заявлял: «Славяне никогда ничего не поймут в воздушной войне – это оружие могущественных людей, германская форма боя». Да, немецкие пилоты были хорошо обучены, имели за плечами немалый боевой опыт. При численном превосходстве в начале войны они вели себя в воздухе нагло, кичились легкими победами в небе Западной Европы, считали себя самыми отважными людьми. Но, как известно, отвага отваге рознь. Одно дело – отвага советского человека, прекрасно сознающего, ради каких высоких идеалов он идет на подвиг, и совсем иное – отвага профессионального убийцы, выполняющего чужую волю.

Таран советских летчиков был вызван не отчаянием, как пытались утверждать военные специалисты на Западе, не случайным столкновением в бою, нет. Таран – это не только непревзойденный по дерзости боевой маневр, не только исключительная храбрость и самообладание, это – сознательный, глубоко прочувствованный акт самоотверженности, высшая форма проявления героизма.

Нашим летчиком в первую очередь руководила беззаветная любовь к Родине и лютая ненависть к врагу. Он бросался навстречу противнику даже тогда, когда знал, что неминуемо погибнет…

Крупный военачальник, командовавший в начале войны ВВС Ленинградского фронта, дважды Герой Советского Союза, Главный маршал авиации Александр Александрович Новиков так писал о таране: «…что касается моего мнения о роли и значении тарана в бою, то оно было и остается неизменным… Необыкновенная, я бы сказал, фантастическая стойкость духа советских летчиков в огромной мере помогла нам под Ленинградом уже в июле 1941 года почти на нет свести численное и техническое превосходство фашистской авиации.

Столкнувшись с таким необъяснимым для них явлением, как таран в небе, гитлеровские летчики стали вести себя неуверенно. Их постоянно преследовал страх перед тараном… Это было на руку ленинградским летчикам, так как оставляло за ними преимущество в маневре, позволяло владеть инициативой в воздухе и навязывать свою тактику. Страх перед тараном сковывал действия вражеских пилотов и мешал им в полной мере использовать превосходство своих самолетов. Нередко они и вовсе не принимали боя.

Таран в то время имел огромное политико-воспитательное значение. Он был еще одним убедительным свидетельством того,

что мы уже тогда, в самый тяжелый период войны, взяли верх в главном – в моральном состоянии армии и народа… Бросаясь в воздушные и огненные тараны… советские люди с потрясающей убедительностью показали свою глубокую веру и преданность коммунистическим идеалам и целям. Факт этот огромной значимости, и факт бесспорный».

Таран нес в себе вдохновляющую силу, являлся примером воинской доблести и в то же время наводил ужас на фашистских пилотов. Даже шеф немецкой авиации Геринг, хвастався тем, что «никто и никогда не сможет добиться преимущества в воздухе над германскими асами», вынужден был в специальной инструкции предупредить своих летчиков, чтобы они «…не приближались к советским самолетам ближе чем на 100 метров во избежание тарана». И не случайно спасшийся от него пленный гитлеровец признался на допросе: «О таране мы знали понаслышке и не верили в его существование. Теперь я убедился, какая это страшная вещь… Когда советский самолет догнал «юнкерс» и врезался в него, я подумал, что на меня обрушилось небо».

В зависимости от обстановки, сложившейся во время воздушного боя, наш летчик для нанесения таранного удара использовал лопасти винта, крыло или фюзеляж. Непредсказуемые ситуации воздушной схватки требовали от пилота не только высокой специальной подготовки, но и умения в считанные секунды принять наиболее правильное решение, найти неожиданный для соперника маневр и так же быстро разгадать замысел врага. От того, насколько расчетливо наносился таранный удар, зависела и жизнь нападающего летчика. Представлял ли он, что малейший просчет грозит ему гибелью?

Герой Советского Союза Спартак Иосифович Маковский, несколько лет после войны руководивший Свердловским аэроклубом, в мае 1943 года в воздушном бою над Кубанью уничтожил вражеский самолет таранным ударом. Корреспондент спросил летчика, думал ли он в это время, что столкновение может стать гибелью. Маковский сказал: «Думал ли я в тот момент о своей жизни?.. Нет, я не думал об этом. Я знал, что внизу бьются мои друзья, что им тяжело. И если гитлеровец прорвется туда, им еще тяжелее станет. Значит, надо уничтожить его, а уж каким способом, значения не имеет. Если я вообще о чем-нибудь думал в те секунды, когда дистанция между нами сокращалась, то только об одном: не дать фашисту подойти к месту боя…»

Стоит прочувствовать и по достоинству оценить ответ летчика-героя. Он думал не о себе, а о тех, кто нуждался в его

помощи.

За годы Великой Отечественной войны наши авиаторы совершили более 600 воздушных таранов. Лишь в первый военный день, 22 июня 1941 года, восемнадцать отважных соколов уничтожили фашистские самолеты таранным способом.

Вот несколько эпизодов из боевой летописи того памятного дня.

Обманчивую тишину раннего июньского утра раскололи гулкие взрывы артиллерийских снарядов. Судорожно вздрогнула земля. Небо огласилось завывающим ревом немецких бомбардировщиков.

В наш дом ворвалась война.

…Между девятью и десятью часами утра 22 июня над аэродромом 123-го истребительного авиационного полка в шестой раз прозвучал сигнал тревоги. Фашистские бомбардировщики «Юнкерс-87» обрушились на штаб соседнего подразделения. Они беспрепятственно разбойничали под прикрытием «мессершмиттов». В воздух взмыла четверка «чаек» (советский истребитель И-153). Впереди – командир звена капитан Мажаев, следом за ним – лейтенанты Рябцев, Назаров и Жидов. Неожиданно по краю облака скользнули едва уловимые тени. И тут же пропали. Прошло несколько секунд, и на мажаевское звено внезапно свалились восемь «мессершмиттов».

Завязался неравный бой. «Чайки» старались держаться вместе, чтобы при необходимости прикрывать друг друга. Хладнокровно отражали они яростные атаки противника.

Наткнувшись на упорное сопротивление, фашисты решили применить хитрость. Четыре «мессершмитта» вошли в глубокий вираж, а остальные продолжали связывать советских летчиков боем. Вдруг к немцам примкнул неизвестно откуда взявшийся «хейнкель». Схватка для мажаевского звена выдалась тяжелейшая.

Лейтенант Жидов рванулся навстречу ближайшему «мессершмитту», но в то же мгновение сзади на него насел другой вражеский истребитель. На выручку лейтенанту поспешил командир звена, однако был атакован сразу тремя самолетами.

Тогда наперерез противнику бросил машину Петр Рябцев. Грохнула немецкая пушка, потом ударил пулемет. Но Рябцев, словно не замечая опасности, несся вперед без единого выстрела. Он хотел подойти к «мессершмитту» поближе и открыть огонь с короткой дистанции. Когда до врага оставалось не более ста метров, летчик поймал в перекрестие прицела прыгающую черную свастику и нажал на гашетку пулемета. Очереди не последовало. В пылу схватки Рябцев не заметил, как израсходовал весь боекомплект.

А капитан Мажаев между тем из последних сил отбивался от фашистских истребителей. Еще минута – и они растерзают израненную «чайку». И в этот критический момент у лейтенанта Рябцева молниеносно созрело решение: «Таран!»

Сделав крутой разворот, он устремился к заходившему в хвост командирской машины «мессершмитту». Немец, видимо, понял замысел советского летчика. Два самолета на бешеных скоростях неслись навстречу друг другу. Через две-три секунды неизбежно столкновение. Тут у немца сдали нервы. Накренив машину, он попытался ускользнуть в сторону. Но было поздно! Оба истребителя, фашистский и наш, охваченные пламенем, понеслись вниз. В воздухе вспыхнуло белое пятнышко – парашют. Это выпрыгнул из горящего самолета раненный в ногу советский летчик. Гитлеровец разбился вместе с машиной…

Имя Петра Сергеевича Рябцева стало известно всей стране благодаря неутомимым поискам писателя, лауреата Ленинской премии Сергея Смирнова. Работая над книгой о защитниках Брестской крепости, он встречался с оставшимися в живых участниками этой героической обороны. Они-то и рассказали о воздушной схватке над Брестом. Писатель разыскал в архивах боевые донесения 123-го истребительного авиационного полка, где скупыми, лаконичными словами был описан воздушный таран Петра Рябцева. Не один десяток боевых вылетов совершил отважный летчик после памятной схватки 22 июня. Его последняя встреча с врагом произошла 31 июля 1942 года. Петр Рябцев пал смертью героя.

Долгое время считалось, что первые воздушные тараны в Великой Отечественной войне применили 27 и 29 июня 1941 года летчики П. Т. Харитонов, С. И. Здоровцев и М. П. Жуков. Эти три ленинградца и стали первыми Героями Советского Союза Великой Отечественной. И вдруг оказалось, что подобный подвиг совершил Петр Рябцев спустя всего несколько часов после гитлеровского вторжения. Значит, воскрешена еще одна страница героической летописи той суровой поры…

Когда Сергей Смирнов выступил в «Комсомольской правде» и по радио с рассказом о первом воздушном таране Великой Отечественной, он был буквально засыпан читательскими письмами. И тут обнаружилось, что писатель ошибался: подвиг Петра Сергеевича Рябцева тоже не был первым. Боевая история советской авиации оказалась куда более удивительной и славной, чем вначале предполагал неутомимый исследователь. 22 июня 1941 года еще трое крылатых воинов таранили машины врага: Дмитрий Кокорев, Иван Иванов и Леонид Бутелин.

…4 часа 15 минут 22 июня 1941 года. Сто двадцать немецких

бомбардировщиков под прикрытием шестидесяти «мессершмиттов» лавиной обрушились на приграничный район и аэродром 124-го истребительного авиационного полка.

В это время из воздушной разведки возвращался МиГ-3, пилотируемый младшим лейтенантом Дмитрием Кокоревым. Летчик еще издали заметил над аэродромом столбы огня. И вдруг справа по курсу увидел фашистский «Дорнье». Тот, по-видимому, производил фотосъемку.

Мгновенно оценив обстановку, Кокорев направил машину прямо на врага. Неприятельский пилот сразу же увеличил скорость и попытался оторваться от преследования. Он явно не хотел вступать в единоборство.

Дмитрий открыл огонь с дальней дистанции. Мимо! В ответ немецкий стрелок ударил по «мигу» длинной очередью. Затем хлестанул еще раз, еще… «Дорнье» лихорадочно маневрировал, торопясь уйти к границе.

Младший лейтенант безошибочно угадывал эти маневры и опережал их. Выжав до предела сектор газа, Кокорев устремился в новую атаку. Приблизившись к «Дорнье», опять длинной очередью прошил немца. Когда летчик вторично нажал гашетку, пулемет не отозвался, и Кокорев с отчаянием понял, что кончились патроны.

А враг уходил.

На секунду Дмитрия охватило мучительное напряжение. Но он уже знал, что делать. Вплотную подойдя к противнику, Кокорев инстинктивно убрал газ! Удар! Вражеский самолет беспомощно задрал нос, и Дмитрий отчетливо увидел перекошенное от страха лицо стрелка в хвостовой кабине. Тело младшего лейтенанта пронзила нестерпимая боль, и он потерял сознание.

Когда летчик очнулся, его «миг» беспорядочно скользил вниз. У самой земли Кокореву удалось перевести самолет в планирование и посадить на фюзеляж. Неподалеку догорали останки гитлеровского «Дорнье»…

Так в 4 часа 15 минут 22 июня 1941 года в районе города Замбров был совершен первый таран Великой Отечественной.

В то же утро 22 июня три истребителя И-16 поднялись в небо и взяли курс к границе. Ведущим шел старший лейтенант Иван Иванов. Едва набрали высоту, как показались шесть «юнкерсов». Они спешили сбросить смертоносный груз и побыстрее убраться восвояси. От меткой очереди истребителя один из вражеских самолетов задымил. Остальные, суматошно сбрасывая бомбы, поворачивали обратно. Тройка И-16 кинулась в погоню, но вынуждена была возвратиться: кончалось горючее. Обстановка

изменилась внезапно. Иванов первый увидел, как из-за леса вынырнул «хейнкель». Старший лейтенант развернул свою машину и ринулся на перехват фашистского бомбардировщика. Тот ожесточенно отстреливался. Иванов с беспокойством бросал взгляд на трепетавшую почти на нуле стрелку прибора: вот-вот иссякнут остатки горючего. Надо спешить!

Летчик швырнул свой И-16 в головокружительный вираж и оказался позади «хейнкеля». Считанные секунды на то, чтобы сориентироваться, бросок вперед – и самолет со свастикой, потеряв хвостовое оперение, закувыркался в воздухе.

Но радость первой победы над врагом для боевых друзей Ивана Иванова была омрачена: поврежденный советский истребитель тоже разбился. Небольшая высота не позволила пилоту воспользоваться парашютом. Остановившиеся на руке пилота часы показывали 4 часа 25 минут.

Это произошло вблизи того места на Львовщине, где в 1914 году совершил первый в истории мировой авиации таран знаменитый Петр Нестеров.

Ивану Ивановичу Иванову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В его послужном списке записано: «Погиб при таране фашистского самолета Хе-111 22 июня 1941 года в 4 часа 25 минут». И. И. Иванов был командиром звена 46-го истребительного авиационного полка Киевского Особого военного округа.

А в 5 часов 15 минут 22 июня 1941 года летчик 12-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Леонид Бутелин, возвращаясь с боевого задания, заметил, как вражеский бомбардировщик повернул в сторону полкового аэродрома. Там рядом бензосклады. Если «юнкерс» пройдет и сбросит бомбы на цель, наши самолеты могут остаться без горючего. Леонид прибавил скорость, стал догонять противника. Ему казалось, что он вот-вот поразит «юнкерса», но тот после каждой очереди лишь слегка вздрагивал и уходил то вправо, то влево. Бутелин израсходовал весь боекомплект, а бомбардировщик продолжал лететь к бензоскладам. Без колебаний младший лейтенант Леонид Бутелин направил свой «ястребок» на немецкий самолет. «Юнкерс» переломился в воздухе и рухнул, взорвавшись на собственных бомбах. Погиб и бесстрашный советский летчик.

Книгу «Первая шеренга» Сергей Смирнов завершает такими словами: «Пусть все эти имена: Дмитрия Кокорева и Ивана Иванова, Леонида Бутелина и Петра Рябцева – будут отныне и навсегда вписаны в боевую историю нашей авиации, и Родина воздаст должное памяти отважных летчиков, славных

продолжателей знаменитого русского сокола Петра Нестерова, которые грудью прикрыли небо Родины в грозный час войны».

Вот к таким неожиданным результатам привел поиск, начатый Сергеем Смирновым и подхваченный исследователями и многочисленными следопытами. Писатель разыскивал одного человека, а нашел четырех…

…В начале июля 1941 года газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями особо отличившихся авиаторов в борьбе с германским фашизмом. Среди награжденных орденом Ленина был заместитель командира эскадрильи 127-го истребительного авиационного полка старший политрук Андрей Степанович Данилов.

9 июля газета «Красная звезда» в статье «Крылатые герои Отечественной войны» писала: «На стремительных крыльях несутся герои навстречу врагу и, если нужно, с открытыми глазами встречают смерть, но прежде поражают насмерть врага.

С девятью самолетами противника вступил в бой старший политрук Андрей Данилов. Спустя несколько мгновений два из них были сбиты. Расстреляв все патроны, бесстрашный летчик направил свою машину прямо на вражеский самолет. Андрей Данилов погиб смертью храбрых.

Красная Армия осеняет своими боевыми знаменами тела павших героев. Миллионы советских людей обнажают головы перед беспримерной храбростью сынов нашего отечества…»

В тот первый военный день оперативный дежурный по штабу занес в журнал боевых действий 127-го истребительного авиационного полка лаконичную запись: «Замкомэска, старший политрук А. С. Данилов погиб в воздушном бою 22 июня 1941 года».

А он не погиб.

Возвращаясь с задания, Данилов заметил, что немецкие самолеты штурмуют аэродром соседнего авиационного полка. Стремглав ринулся старший политрук на помощь боевым товарищам. Девять вражеских бомбардировщиков оказались перед «чайкой». Вот крайний справа «юнкерс» попал в прицел. Длинная очередь – и самолет со свастикой, резко задрав хвост, валится вниз. Боевой разворот – и вновь атака. Загорелся второй «юнкерс». Но семь фашистских машин скрестили огненные трассы на одинокой «чайке». Данилова ранило в руку и ногу. Задело и голову. Однако краснозвездный истребитель не вышел из боя. Преодолевая мучительную боль, старший политрук отчаянно отбивался от наседавших гитлеровцев. Вдруг откуда ни возьмись вблизи советского истребителя вынырнул «мессершмитт». У

Данилова оставался последний шанс – таран. Он ударил своей машиной по крылу немецкого самолета. Тот, потеряв управление, закувыркался к земле.

…Очнулся летчик на ржаном поле. Вокруг него суетились жители белорусского села Черлены. Кто-то склонился над ним, напоил из котелка. Данилов огляделся. Его «чайка» почти рядом. Подбитой птицей она уткнулась в землю: не выпуская шасси, он посадил истерзанную машину на фюзеляж.

Колхозники, как сумели, перевязали летчика, пригнали подводу и отправили Данилова в медсанбат.

Осмотрев раненого пилота, хирург обнаружил в нагрудном кармашке его гимнастерки пулю, которая только по счастливой случайности не проникла в сердце: ударив в серебряную крышку карманных часов, она застряла. Эти часы и спасли жизнь Данилову.

Во время операции из тела летчика извлекли шестнадцать осколков и три пули.

Даже медикам не верилось, что изрешеченный осколками человек, перемотанный с головы до ног бинтами, еще дышит, живет.

Спустя десятилетия Данилов так вспоминал кульминационный момент этой неравной схватки: «Я увидел, как к моей машине пристраивается Ме-110. Увидел лицо фашистского летчика, краснощекого, в синей пилотке, с крылатой эмблемой. Мы встретились взглядами: он ухмылялся, торжествуя победу, и показывал мне пальцем вниз, мол, сдавайся. С его задней кабины стрелок разворачивал турельный пулемет в мою сторону. А у меня уже – ни патрона… Сектором газа и ручкой управления я резко направил «чайку» в крыло «мессера»… В санбате 3-й армии узнал, что в моем истребителе насчитали 136 пулеметных пробоин и 6 – от авиапушки. Неожиданно рядом с моими носилками поставили другие. Сказали: это твой трофей… Вижу человека в зеленом комбинезоне с забинтованной ногой. Я узнал краснощекого фашиста. Он меня узнал тоже и прошептал по-русски: «чайка»…

Так закончился для старшего политрука А. С. Данилова первый день войны. И попал летчик по ошибке в список погибших. После госпиталя Данилов прибыл в Москву, в управление кадров ВВС. Его назначили комиссаром вновь сформированной авиационной части. Он воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. На Западном фронте командовал 15-м полком ночных бомбардировщиков. В 1945 году участвовал в боях против Квантунской армии. За время войны совершил 136 боевых вылетов, сбил лично 8 самолетов

противника и 1 – в паре.

Из восемнадцати летчиков-героев, которые в первый день войны, 22 июня, совершили воздушные тараны, семнадцать погибли в боях. Лишь один А. С. Данилов, чудом спасшийся после той памятной схватки у Гродно, в которой пошел на таран, встретил светлый день Великой Победы.

В настоящее время гвардии подполковник в отставке Андрей Степанович Данилов живет недалеко от родного села Вежля – в городе Аткарске Саратовской области. Многие годы руководил одним из отделов районного управления сельского хозяйства. На его парадном мундире четыре ордена, десять медалей и почетный знак «50 лет пребывания в КПСС». Он – почетный гражданин города Гродно. Сейчас Андрей Степанович на заслуженном отдыхе.

Большое мужество и героизм проявила заместитель командира эскадрильи 135-го бомбардировочного авиационного полка старший лейтенант Екатерина Ивановна Зеленко. Она окончила Воронежский аэроклуб, а в 1934 году – Оренбургское военно-авиационное училище.

До войны была летчиком-инструктором, сентября 1941 года Екатерина Зеленко вылетела на выполнение боевого задания, штурманом экипажа был лейтенант Н. С. Павлык. В истории училища об этом сказано следующее: «Успешно выполнив задание по разведке крупного железнодорожного узла, занятого противником, Зеленко возвращалась на свой аэродром. Вдруг из-за облаков появилось несколько фашистских истребителей. Силы были неравными, но экипаж советского самолета принял бой. Зеленко сбила одного «мессершмитта», который, оставляя за собой густой шлейф черного дыма, рухнул на землю. Но фашистские истребители продолжали наседать. Тогда Екатерина Зеленко бросила свой самолет на подвернувшийся «мессершмитт». Удар винтом пришелся по хвосту вражеской машины. В разные стороны полетели ее обломки.

В этом бою был подбит и советский бомбардировщик, потерявший управление. Штурман И. С. Павлык пытался вызвать командира по радио, но летчица молчала.

Окутанный дымом самолет быстро терял высоту. Штурман принял решение покинуть машину с парашютом…

Под обломками бомбардировщика жители села Анастасьевки Сумской области обнаружили тело героини. В нагрудном кармане гимнастерки летчицы лежал комсомольский билет № 7463250…»

Отважная комсомолка была посмертно награждена орденом Ленина.

Ее именем названы океанский лайнер и улица в городе Сумы.

О Екатерине Ивановне Зеленко написано в журнале «История СССР». О ней рассказал в своих воспоминаниях генерал-полковник авиации А. Г. Рытов. «Я не знаю другого случая, – писал он, – когда бы женщина-летчица таранила вражеский самолет. Это, пожалуй, единственный в истории авиации подвиг подобного рода».

…Решившись на таран, летчики в большинстве случаев старались нокаутировать неприятеля так, чтобы сберечь собственную жизнь и машину. Но это не всегда удавалось. Иной раз пилоту приходилось покидать неуправляемый самолет и спасаться с парашютом, как это сделал после ночного тарана младший лейтенант Виктор Талалихин.

В сообщении о налете фашистских бомбардировщиков на Москву в ночь с 6 на 7 августа 1941 года говорилось: «По неполным данным, сбито 6 немецких самолетов. Наши потери – 1 самолет. Летчик, протаранивший этим самолетом бомбардировщик противника, спасся с парашютом».

Героем, совершившим ночной таран в небе Подмосковья, был заместитель командира эскадрильи 177-го истребительного авиационного полка 6-го корпуса ПВО младший лейтенант Виктор Васильевич Талалихин. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прославленный летчик-истребитель Герой Советского Союза Алексей Маресьев писал в «Комсомольской правде», что ночной таран Виктора Талалихина поразил его не столько редким мужеством, сколько летным мастерством, филигранной отточенностью пилотажа. Таранить вражеский самолет даже при идеальной погоде совсем не просто. В ночных же условиях задача эта усложняется невероятно.

Однако вскоре выяснилось, что еще раньше, в ночь с 28 на 29 июля 1941 года, ночной таран совершил летчик-истребитель московской зоны ПВО уралец Петр Еремеев. Это был уже второй на его счету вражеский самолет. Первый он сбил вовремя массированного налета фашистской авиации на Москву в ночь на 22 июля. Тогда к Москве устремилось более двухсот немецких самолетов. Налет длился пять часов – с 22 часов 25 минут до 3 часов 25 минут. Лишь немногие бомбардировщики прорвались к городу. 22 самолета противника не вернулись на свои аэродромы.

В ту ночь на перехват вражеской армады вылетел и заместитель командира эскадрильи 27-го истребительного авиационного полка старший лейтенант Петр Еремеев. Набрав высоту, он увидел, как на ближних подступах к Москве светился огненный вал зенитных разрывов. Между ними шел немецкий самолет. Петр нагнал его, стал заходить с задней полусферы.

Когда дистанция сократилась метров до ста, нажал гашетку пулемета. Гитлеровский стрелок сразу ответил яростными очередями, одна из которых пробила кабину Еремеева. Петр немного поотстал, потом вновь оказался в хвосте у фашиста, настолько близко, что его истребитель болтало отработанными газами бомбардировщика.

Спустя три дня «Правда» опубликовала очерк «Ночные истребители», в котором рассказывалось и об уральце Петре Еремееве и его победном бое: «…вокруг возникали красные разрывы нашего зенитного огня, но Еремеев не стал отступать и, наседая на хвост врага… метко расстреливал… пока не сбил первый бомбардировщик…

Какое это сложнейшее дело, какое высокое искусство – ночной взлет, поиски врага и бой на высоте, посадка.

Кто они – эти храбрейшие из храбрых, умелые из умелых? Вот старший лейтенант Еремеев Петр Васильевич… Он стоит рядом со своей боевой машиной. Карие глаза пытливы и остры, лицо опалено солнцем и ветром. Он хорошо знает не только авиацию, но и литературу, преподает историю ВКП(б) в своей эскадрилье. У него находятся исключительно глубокие, нежные и яркие слова о Родине, о жене, о дочери и сыне, и весь он – олицетворение простоты и достоинства советского человека, любящего Родину – большую семью и свою личную семью… Еремеев был ранен в голову, а через полтора часа уже на другой машине он вновь взлетел со своей посадочной площадки…»

За успешное отражение налетов на Москву старший лейтенант П. В. Еремеев был награжден орденом Красного Знамени. На митинге при вручении наград Петр Еремеев сказал: «…я считаю себя в долгу перед Родиной и буду стараться всеми силами оправдывать заботу партии и правительства. Буду бить врага беспощадно, если кончатся патроны – протараню, но не допущу стервятников к нашей любимой столице – Москве».

Отважный уралец сдержал свое слово. Вот как это было.

…Дверь, распахнутая сильным толчком, пронзительно взвизгнула, и на крыльцо штабного домика выскочил дежурный связист.

– Товарищ подполковник! – крикнул он, сложив рупором ладони. – К телефону! «Хозяин» на проводе…

Командир полка, стоявший на летном поле в окружении пилотов и техников, оглянулся и, придерживая рукой планшет, размашисто зашагал на КП.

– Ну, как воюем, как настроение? – зарокотал в трубке знакомый голос командира дивизии.

Подполковник коротко доложил обстановку.

– Та-ак, – протянул генерал. – А потери у тебя большие?

– Две машины за трое суток… Нынешней ночью не вернулся с боевого задания замкомэска старший лейтенант Еремеев.

А произошло вот что. 29 августа 1941 года, около часу ночи, до аэродрома, где базировался 27-й истребительный авиационный полк, докатился лай зениток. Поначалу глухой, еле различимый, он становился все отчетливее, все яростнее. Очевидно, немецкие самолеты настойчиво пытались просочиться сквозь заградительный огонь к Москве.

Дежурное звено «мигов» немедля взлетело и взяло курс на северо-запад.

Летчики сразу окунулись в густую, вязкую темень. Постепенно глаза пилотов стали привыкать к ночной мгле. Но вот впереди черноту неба стали вспарывать сверкающие трассы зенитных пушек и пулеметов, заметались длинные щупальцы прожекторов. Еремеев видел, как недалеко вспыхнул один из фашистских бомбардировщиков, за ним ярким факелом посыпался на землю другой. В перекрещенных лучах мелькнула движущаяся серебристая точка. Ныряя то вправо, то влево, она тщетно стремилась вырваться из-под «опеки» прожекторов. Однако лучи медленно и неотступно ползли следом за ней.

«Юнкерс», – без труда определил старший лейтенант Еремеев и устремился на сближение с ним.

«Миг» находился немного выше вражеского бомбардировщика. Опасаясь, что тот может вот-вот выскользнуть из освещенной зоны, советский летчик резко перевел машину в пике и дал длинную очередь из пулемета. «Юнкерс» мгновенно растворился в темноте, точно его и не было.

– Эх, мазила! – обругал себя Еремеев.

Интуиция подсказывала ему, что противник не успел далеко уйти, он где-то рядом. Изменять направление полета не следует, чтобы не потерять ориентировку.

Ага! Луч прожектора снова зацепил бомбардировщик, но теперь его силуэт обозначился выше истребителя. Старший лейтенант увеличил обороты винта и начал подбираться к немцу снизу…

Стремителен темп воздушного боя. Успех в нем часто зависит от мгновенной реакции, счет времени ведется на доли секунды. Чуть промедлишь или проглядишь – и потеряешь выгодную позицию, а то и вовсе проиграешь схватку.

Еремеев напряженно следил за «юнкерсом». Главное – не упустить его из виду. Выбрав момент, летчик жмет гашетку. Из носа истребителя выплеснулось несколько трассирующих очередей. Но и на этот раз, прошив мглистое небо огненными

строчками, они затухли в стороне от цели. Вот фашистский бомбардировщик резким маневром выскользнул из лучей прожекторов, его контуры становились все более расплывчатыми, почти невидимыми.

«Уходит, уходит!..» Блеснувшая под крылом речушка – знакомый ориентир. Где-то здесь город Клин… Увеличив скорость, старший лейтенант нажал гашетку. Но пулеметы молчали. Кончились боеприпасы. Еремеев, не упуская из виду едва заметное свечение выхлопных газов «юнкерса», догоняет его. Но что он может сделать без патронов? Одна мысль завладела летчиком: «Таран! Только таран!» И он, подойдя снизу, винтом сбил стабилизатор и руль поворота немецкого бомбардировщика. Тот рухнул на землю. Но и еремеевский самолет вошел в штопор. Не подчиняясь рулям управления, он катастрофически терял высоту. Поняв, что он уже не в состоянии что-либо изменить, Еремеев быстро отстегнул привязные ремни и приготовился прыгать. И тут он почувствовал, что встречный поток воздуха толкает его обратно. Невероятных усилий стоило ему выбраться из кабины и оттолкнуться.

…Еремеев очнулся. Светает. Вокруг темнеет лес, сыро. Парашют висел, запутавшись в ветвях деревьев, стропы туго натянуты.

Отстегнув лямки, летчик осторожно ощупал себя. Кажется, цел. Вот только нестерпимо ломит спину и трудно дышать. Но это чепуха, пройдет. Надо искать свой полк. К счастью, в кармане сохранился ручной компас, лишь разбилось стекло.

Еремеев засек по нему юго-западное направление и двинулся в путь.

Летняя ночь коротка. Вскоре на горизонте всплыло раскаленное солнце, а впереди замаячили очертания какого-то селения. Летчик ускорил шаг. Вдруг кто-то громко крикнул: «Стой!»

Как подкошенный упал он на землю. И сразу застучал автомат. Пули просвистели над его головой. Что делать? Еремеев решил притвориться убитым: может, перестанут стрелять. И действительно, стрельба прекратилась. Потом к нему подползли два красноармейца, встали около него, разглядывают.

– Кажись, убит, – сказал один из них.

– Жаль… А то бы «языка» притащили, – отозвался другой.

Тут Еремеев не выдержал, подал голос:

– Свой я, братцы, свой! Летчик я!

Не верят:

– Притворяешься, шпион несчастный! Не выйдет! А ну, вставай! Руки!

Еремеева обыскали и повели в штаб. Оттуда созвонились с авиаполком, и через несколько часов старший лейтенант был среди своих товарищей.

В начале августа 1941 года москвичи увидели на Манежной площади искореженные обломки самолета со свастикой. Крупная надпись на щите гласила: «Хвост фашистского бомбардировщика, сбитого под Москвой старшим лейтенантом Еремеевым».

Вскоре по указанию командования ВВС Московского военного округа во всех авиачастях были организованы беседы: «Как летчик Еремеев винтом своего самолета изрубил фашистского стервятника». Среди слушателей был тогда и младший лейтенант Виктор Талалихин.

Об этом подвиге нашего земляка в «Красной звезде» писал Алексей Толстой в своем очерке «Таран». Кстати, в Институте мировой литературы имени Горького Академии наук СССР хранится рукопись Алексея Толстого с набросками к очерку «Таран». На последнем рабочем листе авторская пометка с датой – 15 августа 1941 года. Значит, очерк о подвигах летчиков писатель готовил по горячим следам после ночных таранов Петра Еремеева и Виктора Талалихина.

Петр Еремеев родился в 1911 году в деревне Бердино Уфимского района Башкирской АССР. Закончив семилетку, он с родителями переезжает в Ашу Челябинской области. Отец, Василий Андреевич, работал слесарем в огнеупорном цехе металлургического завода. И сын Петр пришел сюда трудиться клепальщиком-молотобойцем. На заводе Петра приняли в комсомол, затем избрали секретарем комсомольской организации цеха. Здесь его приняли в партию. По путевке Уральского обкома ВКП(б) поступил в Оренбургскую военно-авиационную школу летчиков, которую окончил в 1936 году. Как один из лучших выпускников школы, был направлен летчиком-испытателем в эскадрилью особого назначения. Со временем эскадрилья была преобразована в 27-й истребительный авиационный полк 6-го корпуса московской зоны ПВО. Петр Еремеев прошел служебную лестницу от командира звена до командира эскадрильи. Летал на всех видах истребителей, быстро освоил ночные полеты.

Бывший командир 6-го авиационного корпуса московской зоны ПВО генерал-полковник авиации запаса Иван Дмитриевич Климов, под началом которого служил и воевал Петр Еремеев, хорошо помнил события тех грозных дней.

«Петр Васильевич, – вспоминал генерал, – сразу же после выпуска из военной авиашколы пришел в нашу эскадрилью особого назначения. Скромный, немногословный, старательный, он с первого дня самым добросовестным образом относился к

летной работе. Был в первых рядах отличников боевой и политической подготовки… Рос его авторитет среди летчиков, а уж у них авторитетом пользуется тот, кто отлично летает и не показывает своего превосходства над товарищами… Когда мне доложили, что Еремеев совершил ночной таран, я не сразу поверил: нам ведь не было известно случаев ночного тарана. 29 июля, когда он вернулся в полк, я разговаривал с ним по телефону. Петр Васильевич доложил, как все произошло. Затем и комиссия сообщила, что нашли обломки стабилизатора вражеского бомбардировщика и концы лопастей винта от истребителя Еремеева.

Написали представление на Еремеева за этот подвиг к ордену Ленина. От нас потребовали документы экипажа и оружие с вражеского самолета. Лишь через неделю прожектористы 14-го зенитного полка передали, что самолет найден в районе Истры. Но случилось, что на этот раз документы не были отправлены из полка. Так Еремеев остался ненагражденным. Вскоре его назначили в 28-й истребительный авиационный полк командиром эскадрильи, а в конце августа 1941 года полк вышел из моего подчинения».

…2 октября 1941 года в районе деревни Красуха в воздухе произошла жаркая схватка группы истребителей Еремеева с «мессершмиттами», пытавшимися штурмовать наши позиции. Еремеев первым врезался в боевой порядок вражеских машин.

И тут случилось непоправимое. Осколок снаряда, пробив кабину самолета, смертельно ранил старшего лейтенанта.

В тот день летчики 28-го истребительного авиационного полка открыли счет мести за гибель своего товарища – командира эскадрильи.

Более ста боевых вылетов совершил уралец П. В. Еремеев, участвовал в десятках воздушных поединков.

Отважного летчика помнят жители станции Румянцево, что между Истрой и Волоколамском. Благодарные люди собрали средства и 21 июля 1973 года открыли в поселке памятник, на котором высечено имя старшего лейтенанта Петра Васильевича Еремеева, совершившего здесь ночной таран. А комсомольцы города Истры учредили алую ленту Петра Еремеева, которая вручается победителям социалистического соревнования.

Почти через тридцать пять лет после описываемых событий историки документально установили еще один ранее неизвестный ночной таран, который также совершил уралец. На четвертый день войны, 25 июня 1941 года, в ночном воздушном бою в районе Одессы заместитель командира эскадрильи 146-го истребительного авиационного полка старший лейтенант

К. П. Оборин тараном уничтожил вражеский бомбардировщик. Родился К. П. Оборин в 1911 году в городе Перми. Член ВКП(б). После школы сначала работал учеником, затем – мастером холодной обработки металла. Окончил в Оренбурге 3-ю военно-авиационную школу летчиков и летчиков-наблюдателей, а позже – 2-ю военную школу летчиков-истребителей в Борисоглебске. На фронте – с первого дня войны в составе Одесского военного округа. Умер в госпитале от ран 18 августа 1941 года.

Итак, два уральца – К. П. Оборин и П. В. Еремеев – первые в Великой Отечественной войне совершили ночные тараны.

В 1964 году, в день 50-летия первого тарана, в Москве, в Доме авиации и космонавтики имени М. В. Фрунзе, летчики вспоминали, как они в годы войны совершали тараны. Тридцать четыре пилота применили этот прием воздушного боя дважды. Есть и беспримерные случаи. Герои Советского Союза А. С. Хлобыстов и Б. И. Ковзан таранили врага: первый – трижды, а второй четырежды. Известны имена шестнадцати летчиков, которые совершили двойные таранные удары в одном бою. Каждый из них в круговерти воздушной схватки под пушечно-пулеметным огнем вторично нанес удар по вражеской машине, так как предыдущий оказался недостаточным для уничтожения противника.

Так поступил на Южном фронте младший лейтенант Николай Зорин. Вылетев на задание, он заметил вблизи линии фронта «Фокке-Вульф-189» с двойным фюзеляжем. Фронтовики окрестили его «рамой». Этот самолет не только выполнял функции разведчика, но и зачастую корректировал огонь своей артиллерии.

После первой же атаки Зорина «рама», не приняв боя, стала удирать. Советский истребитель устремился за ней. Когда Зорин приблизился к фашистской машине, ее мощная воздушная струя отбросила истребитель назад. Тогда настойчивый летчик сделал разворот и стремительно зашел в бок немцу. Спустя мгновение винт советского самолета срезал часть левого крыла «фокке-вульфа». Теряя управление, вражеский разведчик быстро пошел на снижение. Зорин не отставал от фашиста. Земля уже совсем близко. Тем, кто наблюдал за этим воздушным боем, казалось, что оба самолета вот-вот врежутся в землю. Но младший лейтенант искусно выровнял машину и на бреющем полете второй раз ударил по крылу «фокке-вульфа». Тот сразу потерял управление и разбился. Однако и для советского истребителя двойной таран не прошел бесследно: оказались обрублены концы лопастей винта. И все же молодой летчик сумел удачно посадить машину на своем аэродроме.

…История советской авиации знает два вида таранов: воздушный и наземный. В первом случае пилот ударом своей машины (винтом, плоскостью или фюзеляжем) поражает самолет противника. И если после удара атакующий самолет теряет управление, то летчик, спасаясь, использует парашют. При наземном таране в критической ситуации летчик не покидает свою гибнущую машину, а превращает ее в огненный снаряд (поэтому наземный таран нередко называют огненным) и уничтожает на земле вражеские объекты, скопление живой силы и техники противника.

Наземный, или огненный, таран – это не только безграничная отвага, но и непоколебимая готовность к самопожертвованию во имя победы над врагом. Порой случалось, что летчики, истекая кровью от ранений, задыхаясь в дымном угаре, теряя силы от беспощадного огня, обжигающего кожу, продолжали громить мечущихся в страхе гитлеровцев. Почти всегда наземный таран являлся результатом единой воли всего экипажа гибнущего самолета. Это был коллективный подвиг.

Здесь уместно снова сделать небольшой экскурс в первые дни войны.

5 июля 1941 года в «Правде» появилось сообщение Советского информбюро: «Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя».

Случилось это 26 июня в Белоруссии, на дороге в районе Молодечно – Радошковичи. Имя Николая Гастелло облетело всю страну и стало символом мужества, бесстрашия и самоотверженности. Огненный пилот был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, он навечно зачислен в списки своей авиачасти. В Москве и Муроме, других городах нашей страны его именем названы улицы, школы, пионерские отряды и дружины, корабли с его именем на борту бороздят морские и речные просторы.

Члены гастелловского экипажа – свердловчанин А. А. Бурденюк, Г. Н. Скоробогатов и А. А. Калинин – по праву разделяют вечную славу со своим командиром. Они награждены посмертно орденами Отечественной войны I степени.

С той поры воздушных бойцов, которые уничтожали наземные цели врага по примеру капитана Гастелло, начали называть гастелловцами, или огненными пилотами.

Длительное время подвиг легендарного экипажа называли первым. Однако кропотливые исследования архивных документов позволили установить, что уже в первый день Великой Отечественной отличился командир звена 62-го штурмового авиационного полка старший лейтенант Петр Чиркин. Гитлеровцам удалось поджечь его истребитель. И тогда советский пилот направил свою «чайку» (И-153) на танковую колонну противника.

А на третий день, 24 июня, огненные тараны повторили старший лейтенант Григорий Храпай и старший политрук Саркис Айрапетов.

Но и у этих героев оказались предшественники: еще до начала Великой Отечественной, защищая на Дальнем Востоке рубежи Отечества, обрушили на врага свои пылающие машины летчики К. Н. Орлов, И. Д. Борисов и А. М. Марков. Всем им в 1940 коду присвоено звание Героя Советского Союза.

В архиве также найдено подписанное командиром корпуса Г. К. Жуковым представление к высшей награде воинов, отличившихся в боях на Халхин-Голе. В этом списке есть имя батальонного комиссара 150-го бомбардировочного авиационного полка М. А. Ююкина, который «…при выполнении сложного задания… попал под ожесточенный обстрел вражеских зенитных батарей, был подбит и, презирая смерть, направил горящий бомбардировщик на японский дзот».

Удалось выяснить, что до начала боев на Халхин-Голе М. А. Ююкин был инструктором Николая Гастелло: учил его летать и сражаться.

Поистине подвиг рождает подвиг.

За годы Великой Отечественной войны советские летчики пятьсот три раза обрушивали свои поврежденные или объятые пламенем машины на живую силу и технику врага.

За проявленные мужество и отвагу при уничтожении самолетов противника таранными ударами сотни летчиков удостоены звания Героя Советского Союза.

В специальных авиационных частях достойно сражались и наши женщины. Они зачастую не уступали в героизме мужчинам. И это бесстрашие советских летчиц больше всех поразило наших союзников – французских авиаторов. Бывший пилот из знаменитого истребительного авиационного полка «Нормандия – Неман» подполковник Леон Кюфф писал: «Мы были не только удивлены, но и восхищены, когда узнали, что советские женщины принимают участие в воздушных боях на всех фронтах. Мы видели их в бою, и нам ничего не остается, как преклоняться перед ними».

Раньше уже говорилось о подвиге Екатерины Ивановны Зеленко. А не так давно стали известны еще три летчицы, повторившие подвиг Николая Гастелло. Эти славные героини заслуживают того, чтобы их имена были высечены на граните:

Лидия Егорова – сержант, пилот 33-й отдельной авиационной эскадрильи связи. 7 декабря 1941 года в районе деревни Клущино (Московская область) объятый пламенем самолет направила на позиции врага. Родилась в 1917 году в Новокузнецке. Окончила сельскохозяйственный техникум и аэроклуб, а затем Ульяновское авиационное училище. Работала летчиком-инструктором в Могилевском аэроклубе.

Варвара Емельяненко – воздушный стрелок 103-го штурмового авиационного полка. 7 мая 1944 года, во время штурмовки неприятельских войск на Сапун-горе, экипаж под командованием младшего лейтенанта И. Г. Чайченко обрушил объятый пламенем самолет на вражеские войска. Родилась в 1924 году. Жила на Кубани.

Любовь Ольховская – лейтенант, командир эскадрильи 46-го легкобомбардировочного авиационного полка. 17 июля 1942 года направила горящий самолет на вражеские войска. Родилась в 1918 году в поселке Валки Харьковской области.

Более подробных биографических данных пока обнаружить не удалось.

Была ли у отважных пилотов возможность сохранить жизнь? Во многих случаях – да. Пока летчик держал в руках штурвал, он мог произвести посадку или спастись с помощью парашюта. Однако главным для крылатых героев было нанести гитлеровцам наибольший урон. Бесстрашные воздушные мстители умело находили вражеские цели и бросали на них свои пылающие машины: ведь гибель одного экипажа спасала жизни тысячам людей.

…Вот уже более двадцати лет продолжается поиск неизвестных летчиков-уральцев, совершивших воздушные или огненные тараны. По-разному складывались судьбы крылатых бойцов, но всех их объединяет беззаветная любовь к родной Отчизне, готовность отдать жизнь за ее честь и свободу. В жестоких схватках с фашистами большинство сложили головы на поле брани. Не исключено, что могут отыскаться новые имена отличившихся уральцев: ведь пока еще не все свидетельства военного лихолетья дошли до нас, еще не все архивные документы исследованы.

Сегодня мы можем назвать имена пятидесяти одного земляка, поразивших врага таранным способом. Восемнадцать из них стали Героями Советского Союза. Во время многолетних поисков

найдено множество документов давнего времени: наградные листы, боевые и служебные характеристики, фронтовые газеты, справки о сбитых самолетах противника, письма с воспоминаниями однополчан…

Если взглянуть на карту Урала, то мы увидим, что в числе наших земляков, уничтоживших неприятеля тараном, есть представители Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской, Оренбургской областей, Башкирской и Удмуртской АССР. В большой когорте защитников Родины фронтовики-уральцы занимают достойное место. Они победно шли на таран в небе Москвы, Ленинграда и Сталинграда, Украины и Белоруссии, во время Курской битвы и при освобождении от фашизма стран Западной Европы. И, конечно же, заслуживают того, чтобы о них знали, чтобы ими гордились земляки. О некоторых написаны книги и очерки, сняты документальные киноленты. О подвигах других известно меньше.

Павел Пологов (второй слева) среди тагильчан – выпускников Оренбургского училища летчиков. 1936 г.

Из уроженцев Свердловской области отличились Герои Советского Союза А. А. Артамонов, П. К. Бабайлов, В. А. Барковский и П. А. Пологов. Гвардии капитан Павел Бабайлов дважды таранил самолеты противника: в конце июля 1942 года недалеко от Грозного уничтожил «мессершмитт» и 21 ноября 1943 года над Керченским полуостровом, в районе села Султановка, – Ю-88. Летчик-истребитель С. Ф. Кырчанов летом 1942 года таранным ударом уничтожил «мессершмитт».

Совсем недавно к списку свердловчан добавилось новое имя пилота 15-го истребительного авиационного полка младшего лейтенанта Хабиба Сафина. 20 декабря 1943 года на 1-м

Белорусском фронте во время штурмовки вражеского аэродрома он направил подбитый и загоревшийся истребитель на стоянку самолетов.

Летопись подвигов уральских авиаторов продолжает пополняться.

Более тридцати лет не было известно имя помощника командира 42-го истребительного авиационного полка капитана В. С. Зайцева. В октябре 1943 года на Калининском фронте в неравном воздушном бою с истребителями противника, будучи ранен, он таранил вражеский самолет. Спасся с парашютом. Родился в 1913 году в Челябинской области, в поселке Катав-Ивановского завода. В. С. Зайцев погиб при исполнении служебных обязанностей в звании майора в августе 1944 года.

Двенадцать летчиков – уроженцев Перми – использовали в боях таран. Среди них Герои Советского Союза Анвар Гатауллин, В. И. Елькин, Е. Н. Иванов, Н. Ф. Краснов, А. В. Оборин и Б. Г. Пирожков, который шел на таран дважды: 14 сентября 1941 года на подступах к Москве и 5 сентября 1942 года в районе Тулы. Здесь «юнкерсы» прорывались к городу под прикрытием «мессершмиттов». Гитлеровцы повредили истребитель Бориса Пирожкова. Однако старший лейтенант сумел подчинить машину своей воле и, бросив ее вперед, словно бритвой, винтом отсек хвостовое оперение «юнкерса». Но за секунду до тарана немец успел выпустить очередь из пулемета. Адская боль пронзила грудь советского летчика, гимнастерка на правой стороне мгновенно потемнела от крови. Борис перехватил управление в левую руку. Земля неслась навстречу со страшной быстротой. Последние силы отдавал Пирожков, чтобы усмирить самолет. Взгляд его неподвижно замер на приборной доске. Голова кружилась, к горлу подступал сухой комок…

И все же он не сдался. В последний момент ему удалось вывести машину в горизонтальный полет и с огромным трудом дотянуть до своего аэродрома. Он посадил истребитель на летное поле, но вырулить на стоянку уже не смог – потерял сознание.

В тяжелейшем состоянии доставили Пирожкова в госпиталь. Тульские врачи долго боролись за его жизнь. Однако слишком серьезными оказались ранения и много было потеряно крови. Спустя сутки перестало биться сердце бесстрашного летчика. 124-й истребительный авиационный полк потерял одного из лучших командиров эскадрильи.

14 февраля 1943 года Борису Григорьевичу Пирожкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

На родине летчика, в городе Перми, именем Бориса Пирожкова названа одна из улиц. На здании аэроклуба, где он

когда-то учился, установлена мемориальная доска.

Лишь через сорок лет после войны стал известен подвиг еще одного уральца. Отличился пилот 622-го штурмового авиационного полка 8-й воздушной армии лейтенант Геннадий Демьянович Одинцов. 1 августа 1942 года при выполнении боевого задания его штурмовик был поврежден. Вражеские истребители, продолжая атаки на Одинцова, подожгли самолет. Тогда советский летчик развернул машину и направил ее на колонну фашистских танков. Это произошло в районе хутора Липологовского, что близ города Калач-на-Дону.

Долгое время биографических данных летчика обнаружить не удавалось. Лишь не так давно выяснилось, что Геннадий Одинцов родился в Ижевске, был курсантом Пермской авиационной школы, затем – Энгельсского летного военного училища.

Удмуртские школьники-следопыты из Ижевска ездили на берега Дона, чтобы разыскать район гибели своего земляка. Им помогли установить место захоронения Г. Д. Одинцова красные следопыты средней школы № 2 Калача-на-Дону.

Накануне Праздника Победы – 7 мая 1986 года – газета «Мотовилихинский рабочий» сообщила о ранее неизвестном таране, который совершил летчик-уралец лейтенант Иван Сергеевич Терехин. 7 июля 1942 года под Сталинградом он направил горящий самолет на скопление фашистских танков и автомашин с пехотой. Поиск продолжается.

Лейтенант И. С. Терехин

Итак, мы уже знаем пятьдесят одно имя наших бесстрашных земляков, таранивших врага. Восемнадцать из них совершили воздушные тараны и тридцать три – наземные, по примеру капитана И. Гастелло.

Почти все они были коммунистами или комсомольцами. И это закономерно. Сыны партии и комсомола всегда и везде шли впереди. Первыми они были и в битве с фашизмом.

Небезынтересно заметить, что последние воздушные тараны во второй мировой войне были применены в 1945 году: в апреле в небе Германии обрушили свои машины на врага летчики-истребители Ф. Петров и А. Колесников, а в августе над Маньчжурией – лейтенант И. Черепкин из 22-й истребительной авиационной дивизии.

Прошло много лет. Наступило время сверхзвуковой реактивной авиации. Кое-кто из военных историков на Западе стал утверждать, что «…вместе с эрой винтовой авиации ушел в прошлое и «русский феномен» – воздушный таран».

В самом деле, у реактивных сверхзвуковых машин нет разящего винта. Однако, как это нередко бывало, и на этот раз зарубежные прогнозисты ошиблись.

28 ноября 1973 года летчик первого класса Геннадий Николаевич Елисеев, вылетев наперехват, таранным ударом и ценой своей жизни остановил полет самолета, вторгнувшегося в воздушное пространство Советского Союза.[1]

Г. Н. Елисеев – уроженец города-героя Волгограда. Член КПСС.

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1973 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Восемь лет спустя, 18 июля 1981 года, воздушный таран на сверхзвуковом ракетоносце совершил капитан Н-ского гвардейского истребительного авиационного полка Валентин Александрович Куляпин. Он уничтожил военный самолет без опознавательных знаков, нарушивший Государственную границу Родины.

Получив команду на взлет, Куляпин в считанные минуты обнаружил и настиг иностранца. Сначала с земли поступила команда – принудить нарушителя сесть на нашем аэродроме. Однако на условный сигнал – «Идти на посадку!» – экипаж чужого самолета не реагировал, о чем Валентин доложил на командный пункт.

Герой Советского Союза майор Н. Ф. Краснов. 1944 г.

Приказ земли – «Уничтожить цель!» – последовал, когда самолет-нарушитель уже приближался к Государственной границе и пытался уйти безнаказанным. Обстоятельства сложились так, что у нашего летчика не оставалось времени, чтобы уничтожить цель иным способом, кроме тарана. И капитан Куляпин пошел на таран. Стрелки часов на приборной доске показывали 14 часов 44 минуты, когда отважный пилот, ударом ракетоносца сокрушив нарушителя, катапультировался и спасся с парашютом.[2] Поединок продолжался 14 минут.

Валентин Куляпин – наш земляк. Родился он в городе Краснокамске Пермской области. Детство и юность прошли в Перми. Учился в средней школе № 132, где в 1971 году получил аттестат зрелости. Отец его, Александр Константинович, участник войны, печатник высокой квалификации, десятки лет работает на Пермской полиграфической фабрике Гознак, сейчас – начальник цеха. О сыне рассказывает с гордостью:

> «Желание посвятить свою жизнь авиации у Валентина было огромное. Учился он всегда хорошо, но особенно много внимания уделял физической подготовке, зная, что стать летчиком можно только с отменным здоровьем…»

Валентин решил поступить в Ставропольское высшее военное училище летчиков и штурманов имени маршала авиации В. А. Судца. Однако прежде ему пришлось проявить свой напористый и целеустремленный характер, преодолевая не одно препятствие. Во время медицинского осмотра комиссия неожиданно обнаружила изъян в его здоровье. А это значит, что военная специальность летчика ему противопоказана.

Удрученный неудачей, юноша проконсультировался со специалистами, которые дали заключение: необходимо хирургическое вмешательство. И Валентин лег в больницу. После операции он был признан годным к летной работе.

Но тут возникла новая преграда. Выяснилось, что по существующим правилам в училище принимаются те ребята, которым к 1 сентября исполнилось семнадцать лет. А Валентин Куляпин родился 9 сентября 1954 года. Из-за недостающих девяти дней парню отказали в приеме.

Тогда на помощь сыну пришел отец. Он, как ветеран войны, обратился к начальнику училища с просьбой сделать исключение. Валентина допустили к вступительным экзаменам, которые он успешно сдал.

Герой Советского Союза А. Гатауллин. 1984 г.

Гвардии капитан В. А. Куляпин, выполнив боевое задание, доказал, что и на сверхзвуковом самолете можно совершить таран и при этом остаться живым. Случай в истории современной авиации беспрецедентный. За этот подвиг В. А. Куляпин награжден орденом Красного Знамени. После окончания Военно-политической академии имени В. И. Ленина Валентин Александрович назначается заместителем командира авиационного полка по политчасти в один из военных округов. В 1982 году он избирался делегатом XIX съезда ВЛКСМ. Сейчас он – гвардии подполковник.

Оба бесстрашных летчика – Г. Н. Елисеев и В. А. Куляпин, – совершившие исключительные подвиги в мирные дни, приняли эстафету мужества от своих отцов – ветеранов Великой Отечественной.

Гвардии капитан В. А. Куляпин

…Сколько бы ни минуло лет после Великой Победы, а бессмертные подвиги отважных советских авиаторов в годы прошедшей войны всегда будут изумлять потомков. И они никогда не изгладятся из памяти народной, потому что для наших крылатых бойцов существовал один девиз в жизни: служить Родине, пока бьется сердце.

Штурман Владимир Журавлев

У каждого летчика-фронтовика бывали такие боевые вылеты, которые врезались в память на всю жизнь. Штурману Владимиру Владимировичу Журавлеву особенно запомнились два таких вылета.

…Зима 1942 года. Авиационный полк дальних бомбардировщиков, в котором служил Журавлев, базировался на полевом аэродроме. Заснеженное колхозное поле, укатанное тяжелыми катками, позволяло взлетать на Ил-4 с предельной бомбовой нагрузкой. При плохих погодных условиях командование отправляло на задания наиболее подготовленные, слетанные экипажи. В тяжелых метеоусловиях многое зависело от штурмана, который определял заданное направление по единственному прибору – магнитному компасу. Но показания прибора оказывались не всегда точными из-за большой магнитной аномалии в районе боевых действий. Поэтому-то мастерство штурмана и решало успех бомбометания.

21 декабря начальник штаба подполковник Стороженко поставил экипажам очередную задачу:

– Вы должны определить дислокацию войск противника в районе Алмазная – Голубовка и нанести на карту скопление эшелонов. Затем отбомбитесь по аэродрому, что у станции Марьевка, и по возможности засечете зенитные батареи врага.

Летчики сделали необходимые пометки на полетных картах.

Экипаж Николая Дивиченко тщательно готовился к предстоящему полету. Штурман Журавлев сделал нужные расчеты, выверил курс и доложил результаты командиру.

– Как погода? – спросил Дивиченко синоптика.

– К сожалению, хвастать нечем, – с досадой ответил тот. – Нижняя кромка облаков тянется на высоте 100–150 метров, а видимость по горизонту не превышает двух километров. И за линией фронта не могу обещать улучшения. Может быть, перенести вылет?

– Спасибо! – улыбнулся Дивиченко. – Нас именно такая погода устраивает.

Командир экипажа был прав, он по опыту знал, что немецкие истребители крайне неохотно лезут в облака за нашими бомбардировщиками.

Линию фронта пересекли на бреющем. Заградительный огонь вражеских зениток оказался слишком запоздалым.

Журавлев склонился над планшетом, определяя скорость и направление ветра для более точного выхода на вражеский

аэродром.

В морозном воздухе ровно и пронзительно звенят моторы. Все шло по плану. И вдруг погода стала улучшаться. Спустя несколько минут бомбардировщик уже находился в безоблачном небе.

Штурман услышал в наушниках голос Дивиченко:

– Придется лезть вверх.

Журавлев знал, что выше пяти тысяч метров забираться без кислородных масок рискованно.

Владимир Журавлев после окончания Оренбургского училища штурманов

К аэродрому вышли точно по расчетному времени. Журавлев отчетливо увидел на белой равнине темную наезженную полосу, а по сторонам рассыпались черные колючие крестики самолетов. Не успели сбросить и половины бомбового груза, как воздушный стрелок Николай Ежов доложил командиру, что заметил вдали самолеты.

– Идем на станцию! – объявил Дивиченко.

«Эх, вот когда нам позарез нужны облака», – подумал штурман. Но облака безнадежно маячили далеко на горизонте. С земли уже засекли советский самолет, вокруг него начали рваться зенитные снаряды. Дивиченко умело выполнил противозенитный маневр, несколько сменил курс, а Журавлев внес поправки в

прицел. Зенитки неистовствуют, воздух стал похож на рваное лоскутное одеяло из пестрых разрывов.

Стрелок-радист Иван Мысиков докладывает:

– Вижу трех «мессеров», но они пока сторонятся нас, видимо, дрейфят попасть под свои зенитки.

Рукоятками прицела штурман держит эшелоны в перекрестии и ждет мгновения, когда черный индекс угла визирования сольется с индикатором угла прицеливания. От близких разрывов самолет то и дело подбрасывает, он как бы в огненном мешке. Но, невзирая на это, Дивиченко старается выдержать боевой курс. Именно в эти секунды гитлеровцы пытаются сбить бомбардировщик или заставить летчика изменить режим полета и тем самым нарушить расчеты штурмана.

Журавлев уловил момент и жмет на боевую кнопку. Сброс! Штурман дублирует аварийной ручкой механического сброса, и тут же Дивиченко начинает противозенитный маневр. Самолет держит курс на облака. Там, в облаках, их защита и спасение. Журавлев, прильнув лицом к стеклу, смотрит на эшелоны, ожидая разрывов бомб. Вот они! Четыре багрово-серых веера фугасных стокилограммовой: один за другим вспыхивают между составов. Журавлев не отрывает взгляда: первая бомба упала с недолетом между жилым домом и элеваторам, остальные рвут на части железнодорожные вагоны. Судя по всполохам огня, в составах детонируют боеприпасы. От возникших пожаров навстречу солнцу тянутся ядовитые хвосты черного дыма. Дивиченко разворачивает самолет домой.

Вдруг почувствовался резкий удар. Самолет бросило в сторону и вниз. Однако, потеряв немного высоту, машина снова выходит в горизонтальный полет. Зенитки смолкли, появились немецкие истребители. Отбиваясь от наседавших трех «мессершмиттов», стрелки открывают огонь из крупнокалиберных пулеметов.

Журавлев прикидывает, когда наконец они смогут достигнуть спасительного облака? Еще далеко. И как медленно тянется время!

– Хлопцы! – тревожные нотки звучат в голосе командира. – Заклинило руль высоты…

Экипаж надеется, что командир сумеет удержать самолет. О прыжке с парашютом никто не помышляет: внизу враги. А «мессершмитты» продолжают атаковать.

– Сколько до наших? – спрашивает Дивиченко.

– Семь с половиной минут, – отвечает штурман.

– Попробуем дотянуть, – тихо, словно сам себе, говорит командир.

В наушниках слышится хриплый, изменившийся голос Мысикова:

– Я ранен, веду огонь…

– Держись, друже… Еще немного.

Журавлев в отчаянном положении: сидит в носовой кабине и бессилен помочь товарищам. Он лихорадочно следит за приближающимися облаками и поминутно докладывает командиру о расстоянии до линии фронта.

В этот момент один из «мессершмиттов» напоролся на свинцовую струю пулемета Ежова. Члены экипажа ликуют, глядя на дымный след вспыхнувшего истребителя. Но два других гитлеровца еще с большим ожесточением продолжают поливать огнем бомбардировщик.

– Линия фронта! – объявляет Журавлев.

– Наконец-то! – облегченно вздыхает Дивиченко. Он до предела убирает обороты мотора, увеличивает угол снижения.

И тут от пушечной очереди истребителя вспыхивает левое крыло. Охваченный пламенем мотор стихает, а вслед постепенно застывают лопасти винта.

– Придется покидать самолет, – говорит Дивиченко.

– Командир! С прыжком надо повременить. Сейчас сильный встречный ветер снесет нас на вражеские позиции, – предупреждает Журавлев.

– Э-э! Черт! Опять этот ветер проклятый! – ругается командир.

Снова резкий удар. Разлетаются осколки остекления, от прорвавшихся потоков воздуха листы полетной карты и бортжурнала беспомощно кружатся по кабине.

Журавлев сказал командиру, что уже можно прыгать, но на это никто не откликнулся. «Повреждена связь», – понял штурман.

Машина вяло, как бы нехотя, стала медленно заваливаться на горящее крыло. Видно, что самолет вышел из подчинения летчика и не срывается в штопор лишь из-за достаточного запаса скорости.

Продублировав световыми сигналами команду на прыжок и не спуская глаз с ползущей стрелки указателя высоты, Журавлев торопливо заталкивает за борт мехового комбинезона планшет. Оставаться дальше в неуправляемой машине бессмысленно. Он с силой рвет аварийную ручку сброса выходного люка, в лицо ударяет тугая струя морозного воздуха. С огромным усилием протиснувшись в люк, отталкивается непослушным, необычайно потяжелевшим телом от падающего, горящего самолета. Ледяная пустота как бы окутывает штурмана, его воспаленное сознание успевает боковым зрением зафиксировать летящие мимо

хвостовую и центропланную части – обломки бомбардировщика.

Сначала Журавлев падал спиной вниз, но прежде чем открыть парашют, выкинул руку в сторону и перевернулся лицом к земле – иначе парашют не выйдет из ранца. Рванув кольцо, он через мгновение почувствовал динамический удар – повис на стропах раскрывшегося парашюта. Огляделся. Никого из друзей не увидел. «Где же они?»

Миновав ватную толщу перистых облаков, Журавлев услышал в непривычной тишине звенящий посвист вражеских истребителей. Юркие, с тонкими фюзеляжами и черно-белыми паучьими крестами на коротких крыльях два «мессершмитта» стремительно приближались к беззащитному парашютисту. Подойдя почти вплотную, самолеты стали в глубокий вираж. Журавлев ясно видел лица немецких пилотов в черных шлемофонах. Но огонь фашисты почему-то не открывали, разглядывая советского летчика.

Лишь теперь Владимир понял свою грубейшую ошибку. «Надо было идти затяжным. Слишком рано раскрыл парашют. Эта оплошность может стоить жизни», – с горечью ругал себя Журавлев.

Отчаявшись, он не раздумывая достал из нагрудного кармана комбинезона пистолет и в бессильной ярости выпустил всю обойму в сторону истребителей. Разумеется, он понимал, что его пули не могут принести гитлеровцам вреда. Видимо, в этом проявилась его естественная потребность действовать, как-то сопротивляться. Никогда раньше ему не приходилось с такой остротой ощущать свою беспомощность и бессилие. От отчаяния ему хотелось кричать…

Неожиданно вражеские истребители, завершив глубокий вираж и сделав горку, начали удаляться. «В чем дело? Не появились ли советские самолеты?» Но в небесном просторе он увидел лишь растворяющиеся очертания двух немецких машин. Не верилось Владимиру, что гитлеровцы добровольно отстанут от своей легкой добычи. И вскоре родившаяся надежда на спасение растаяла: оба «мессершмитта» вновь закружили вблизи. Журавлеву был известен излюбленный прием фашистских пилотов при встрече с советскими парашютистами – обрезать стропы крылом. Что же можно предпринять в такой смертельной ситуации? Не ждать же, пока враги расправятся с тобой. И Владимир вспомнил, как во время упражнений на тренажере, попеременно подтягиваясь на руках, раскачивал свое тело. Вот и теперь он стал делать то же самое. Расчет был прост: у «мессершмиттов» короткие крылья. Фашисты будут опасаться, как бы парашют не попал в винт истребителя, и вряд ли пойдут на

риск. Так и случилось. Самолеты проскочили в стороне от Журавлева, но, развернувшись, опять пошли на сближение. Владимир напрягся: немцам, взбешенным его сопротивлением, ничего не стоит продырявить из пулемета не только парашют, но и летчика. У штурмана еще тлела маленькая надежда – под ним были облака. Это последний шанс. Стягивая стропы и сминая упругий купол, Журавлев пытался скольжением увеличить скорость снижения. Однако истребители уже открыли огонь. Владимир ощущал себя живой мишенью: трассирующие светлячки понеслись в его сторону. Он сразу почувствовал легкий удар и ожог левой ноги. Падение ускорилось. Взглянул вверх: в белом куполе отчетливо виднелись пять небольших рваных пробоин. «Где же эти проклятые облака?» Вот они наконец? Огромные молочно-белые горы отражают холодные лучи зимнего солнца. Словно влажное покрывало, парашютиста со всех сторон окутал сплошной туман. Теперь «мессершмитты» ему не страшны. Вскоре с невидимой земли до слуха донеслась частая стрельба и разрывы артиллерийских снарядов. Значит, где-то рядом идет бой. Ветер отнес Журавлева на передний край наших войск. Владимир решил приземляться только на правую, здоровую, ногу, чтобы не доломать кость левой, если она серьезно повреждена. Вывалившись из облаков, он увидел внизу железнодорожную насыпь, припорошенную снегом. От насыпи батарея полевых орудий прямой наводкой била по ползущим танкам. Только Журавлев успел определить, что артиллеристы – свои, как набежала земля. Попал он между танками и батареей на изрытое снарядами поле. Быстро отстегнул карабины подвесной системы, отбросил лямки и распластался на снегу. По всему было видно, что его никто не заметил. Отдышавшись, вскочил на ноги и побежал к артиллерийским позициям.

Вот как вспоминал финал своего приземления Владимир Владимирович Журавлев спустя тридцать лет:

> «…подтягивая на ходу чудом уцелевшие унты, бегу к своим… Высокий темп бега поддерживали выраставшие возле меня серые фонтанчики земли от разрывов некрупных снарядов. Бежать в теплом комбинезоне и неуклюжих меховых унтах очень нелегко, но страх быть раздавленным танками прибавлял силы. Артиллерийские позиции совсем рядом. Я вновь почувствовал надежду на спасение. Вдруг, к ужасу, вижу, что у пушек суетятся расчеты, одетые в противные лягушачьего цвета маскхалаты. Черные солдатские эрзац-ремни с железными пряжками не оставляют

никакого сомнения: передо мной гитлеровцы. Не понимая, как мог перепутать направление, в нерешительности останавливаюсь и, переводя дух, лихорадочно ищу выход из создавшегося положения. Сомнения рассеяли сами артиллеристы. Не веря своим ушам, с восторгом слышу нашу родную русскую речь, пересыпаемую фольклорными словечками.

– Эй, летчик, тикай до нас, пока хрицы тебе ноги не подергали!

Раздумывать некогда. Снаряды могут накрыть и меня. И вот я в укрытии среди своих. Молоденький красноармеец объяснил мне, что артиллеристы сами экипировали себя маскхалатами из разбитых немецких интендантских складов… Я не мог понять, каким образом мне удалось выбраться из этой страшной мясорубки. За полчаса меня пытались убить трижды – в самолете, затем при спуске с парашютом и, наконец, на поле боя, на земле… В этот день мне феноменально повезло…»

За несколько дней Владимир Журавлев на попутных машинах добрался в свой полк. Здесь он с радостью встретил свой дружный экипаж во главе с Николаем Дивиченко. Оказалось, что штурман не слышал приказа командира об оставлении неуправляемой машины из-за повреждения связи. Его друзья покинули бомбардировщик чуть раньше и более тысячи метров падали затяжным прыжком. Поэтому ветер не снес их к переднему краю так сильно, как это случилось с Журавлевым.

– Хоть ты и не отзывался, – заключил Дивиченко, – я был уверен, что ты самостоятельно примешь единственно верное решение.

…И другой необычный случай оставил в памяти Владимира Журавлева особую отметину. Было это летом сорок второго, когда гитлеровцы готовились к большому наступлению на Сталинград.

Нашему командованию стало известно, что на одном из новых аэродромов противник сосредоточил множество «юнкерсов», «хейнкелей», «мессершмиттов» и транспортных машин Ю-52. В авиационный полк, в котором служил Владимир Журавлев, поступил приказ: разбомбить это скопище фашистских самолетов. Операцию назначили на 11 июля. В состав ударной группы вошли три звена бомбардировщиков.

Накануне вылета командир полка напутствовал:

– Вы должны накрыть цель плотно. Имейте в виду, что, по данным нашей авиаразведки, в районе вражеского аэродрома вам

долго не продержаться: подступы к нему нашпигованы зенитками.

Летняя ночь коротка. Не успеет остыть от зноя земля, как над ней уже поднимается палящее солнце, а посветлевшее небо кажется выгоревшим от жары, в нем редко где пятнится белое облачко. Первое звено бомбардировщиков возглавил младший лейтенант Михеев. Взлетели затемно с таким расчетом, чтобы к рассвету выйти к заданному квадрату. В ночной тишине равномерно гудят моторы. В небе – россыпь звезд.

Командир комсомольского экипажа Николай Дивиченко ведет свой самолет слева за машиной Михеева, Цаплин – справа.

Спустя некоторое время штурман Журавлев докладывает Дивиченко по переговорному устройству:

– Командир, до линии фронта – пять минут. Вскоре Дивиченко увидел на горизонте верный признак приближения передовой: в темном небе то тут то там замелькали, будто грозовые вспышки молний, осветительные ракеты. Эти дрожащие и гаснущие в ночи огни, размытые расстоянием, воспринимались как сигнал опасности.

В руках штурмана навигационная линейка, на коленях – планшет с картой. Он сосредоточенно вычисляет ветер, угол сноса и путевую скорость.

Журавлев предупредил командира:

– Пересекаем линию фронта.

Небо постепенно начало светлеть. И вдруг вблизи самолета заклубились, запрыгали шапки разрывов. Это открыли заградительный огонь немецкие зенитки. Густой паутиной потянулись с земли пулеметные трассы.

Еще раз проверены расчеты. Штурман знал: к вражескому аэродрому бомбардировщик выйдет в намеченное время.

Земля уже стала просматриваться. Занималась заря нового дня. «Как-то закончится сегодняшний вылет?» – подумал Журавлев и бросил взгляд вперед: ведущий бомбардировщик, оставляя черный дымящийся след, пошел на снижение.

– Машина Михеева вышла из строя, – докладывает он командиру.

– Сколько до цели, Володя? – звучит голос Дивиченко.

– Девяносто пять километров. Идем по графику, – ответил штурман. Он видел, как горящий самолет Михеева врезался в землю и взорвался.

…До войны Владимир Журавлев жил в Свердловске, учился в средней школе № 22 имени А. М. Горького. После десятилетки поступил на Уралмашзавод учеником токаря в механический цех крупных узлов. В свободное время увлекался легкой атлетикой и

планеризмом, стал завсегдатаем городского аэроклуба, в осоавиахимовской секции учил ребят стрельбе из пистолета и малокалиберной винтовки. Однажды ему удалось раздобыть в аэроклубе поврежденный планер и привезти его на заводском грузовике в уралмашевскую детскую техническую станцию. Под руководством опытного инструктора Ростислава Псотни группа юношей – любителей авиаспорта – планер отремонтировала. Занятия проводились на Митькиной горе, что за железнодорожным вокзалом. Планер запускали с высокого бугра с помощью резинового амортизатора. Впервые поднявшись в воздух, Володя испытал небывалое чувство восторга. Тогда он понял, что без неба ему не жить. К дню призыва в армию на груди учлета Журавлева красовались четыре значка: «ГТО» и «Ворошиловский стрелок» двух ступеней. И наступил день, когда он стал курсантом Оренбургского летного училища.

… – Командир, вижу Марьевку, – слышится в наушниках спокойный голос Журавлева. – Подходим к цели.

Только Дивиченко успел ответить штурману: «Понял», как раздался встревоженный возглас стрелка-радиста Ивана Мысикова:

– Командир! Справа выше нас «мессеры»!

– Сколько?

– Две пары.

– Ну что ж, на каждого стрелка по два фрица.

Дивиченко имел в виду второго воздушного стрелка сержанта Николая Ежова. Несколько дней назад экипаж Дивиченко вынужден был вступить в бой с «мессершмиттами», одного из которых удалось сбить. Тогда отличились и Мысиков и Ежов. Об этом сообщила фронтовая газета.

– «Мессеры» заходят с двух сторон! – кричит Ежов.

Дивиченко отреагировал моментально и, казалось, ушел от огня противника, но все же ему не хватило какой-то секунды: короткая очередь стеганула по левой плоскости самолета.

Воздушные стрелки Мысиков и Ежов, непрерывно защищаясь, вынуждали фашистов держаться от бомбардировщика на почтительном расстоянии. Несмотря на это, вражеские истребители, меняя направление атак, били по советской машине с дальних дистанций, пулеметные трассы рассекали воздух у самых моторов.

– Горит левое крыло! – звучит тревожный голос Мысикова.

Журавлев увидел, как по левой плоскости заплясали огненные язычки, потом почувствовал запах гари. Появился едкий дым, быстро заполнивший кабины. За самолетом потянулся черный шлейф.

– Спокойно, хлопцы! – сказал Дивиченко и обратился к штурману: – Как с расчетами, когда выходим на стоянки?

– Все готово, – ответил Журавлев. – Подходим к аэродрому.

– Все-таки дотянули! – сквозь кашель проговорил Дивиченко. – Приготовиться!

«Мессершмитты» исчезли, зато вновь защелкали немецкие зенитки.

Впереди на земле показались длинные ряды аккуратно выстроенных немецких самолетов. Их было так много, что сразу и не пересчитать.

– Командир, вижу цель! – пальцы Журавлева уверенно легли на кнопку бомбосбрасывателя. – До сброса пять градусов. Открываю люки.

Журавлев знал, что наступили самые опасные секунды, когда надо ловить цель в перекрестие… Зенитки ведут непрерывный огонь, разрывы так близки, что самолет то и дело подбрасывает. Но, несмотря на огненную западню, летчик должен держать режим полета неизменным, то есть таким, каким его рассчитал штурман, иначе бомбы лягут в стороне от цели. В такой ситуации гитлеровцы стремятся сбить машину или хотя бы заставить пилота изменить курс.

Заслуженный штурман-испытатель СССР В. В. Журавлев

Наконец сброс! До боли в пальцах Журавлев жмет на боевую кнопку – и бомбы летят в цель. Дивиченко выводит бомбардировщик из глубокого виража, набирает высоту. Второй заход.

А внизу бушует пожар. Одна за другой раскалываются цистерны, выплескивая, словно из раскаленного кратера, мощные струи огня.

Через дымное облако штурман успел заметить, как взметнулись султаны земли с багровыми всполохами, как в панике разбегаются фашисты.

Дивиченко упрямо ведет самолет сквозь огненные трассы.

Тем временем пламя все сильнее охватывает машину.

– Командир, я задыхаюсь… Больше нет сил, – прохрипел Мысиков.

– Держись, хлопцы! – осипшим голосом призвал Дивиченко. – Последний заход!

Журавлев, судорожно глотнув воздух, перевел рычаг на оставшуюся пару бомб. Рука автоматически нащупала боевую кнопку.

Один пулемет замолчал. Ежов не отвечал на вызов по переговорному устройству.

Вдруг самолет резко пошел на снижение. Дивиченко крикнул:

– Все!!! Прощайте, хлопцы! Тараним гадов!

И направил бомбардировщик на колонну вражеских автоцистерн с горючим.

Вместе с кнопкой переговорного устройства Дивиченко машинально нажал и кнопку своего радиопередатчика. Поэтому последние слова командира услышали экипажи других самолетов.

– Дружище, Коля! – срывающимся голосом отозвался Журавлев. – Прощайте, друзья!

Мощный взрыв потряс воздух…

Этот миг вобрал в себя и страшный удар, который Журавлев ощутил всем телом, и невероятную перегрузку до потемнения в глазах, и острую боль в спине. Его швырнуло кверху, и он потерял сознание…

В вечернем сообщении Советского информбюро от 20 июля 1942 года рассказывалось о героическом подвиге экипажа бомбардировщика под командованием сержанта Николая Дивиченко. Все четверо отважных были комсомольцами. Показав высокий образец воинской доблести, они повторили подвиг капитана Николая Гастелло. Далее в сообщении говорилось: «… объятый пламенем самолет продолжал уничтожать немецкие машины, находящиеся на аэродроме. Когда были израсходованы

все боеприпасы и стало ясно, что спасти самолет уже нельзя, Дивиченко принял решение нанести врагу последний удар и направил машину на колонну автоцистерн с горючим. Летчики, участвовавшие в этом налете, видели, как поднялись огромные клубы дыма и огня горящих автоцистерн. Смертью храбрых погибли сталинские соколы – сержант Дивиченко, штурман Журавлев, стрелок-радист Мысиков и воздушный стрелок Ежов. Советский народ всегда будет помнить героев-летчиков, до последней минуты своей жизни боровшихся за Родину». Так заканчивалось сообщение.

Весть об этом подвиге быстро разнеслась по фронту. Друзья-однополчане гордились бесстрашием четырех комсомольцев.

И вдруг случилось невообразимое: Дивиченко, Журавлев и Мысиков возвратились в свою часть! До предела изможденные, исхудавшие, в оборванной одежде, они едва держались на ногах.

После радостной встречи командир полка спросил:

– А где Ежов?

– Нет Николы… Погиб. «Мессеры», гады, – ответил Дивиченко.

Враз наступила тягостная тишина, все обнажили головы.

Вернувшись как бы с того света, летчики перевязали в санчасти раны, смазали ожоги, сбрили щетину, искупались и переоделись в новое обмундирование.

В полковой столовой на большом планшете появилось приветствие:

«Слава нашим боевым друзьям Николаю Дивиченко, Владимиру Журавлеву, Ивану Мысикову и Николаю Ежову, повторившим подвиг капитана Гастелло!»

Фамилия Ежова была в траурной рамке.

Под приветствием – плакат с призывом: «Стоять насмерть! – таков приказ Родины». В центре – красочный рисунок: пылающий краснозвездный бомбардировщик врезается в колонну фашистских танков. И тут же четверостишие:

Кто б ни был ты, учись у храбреца,
Дерись самоотверженно и смело
И все отдай победе до конца,
Как легендарный капитан Гастелло!

После возвращения из медсанбата Журавлев продолжал летать на боевые задания вместе с Дивиченко.

В августе сорок второго года «Комсомольская правда» опубликовала стихотворение Демьяна Бедного «Гордость комсомола», которое посвящалось подвигу героического экипажа

Николая Дивиченко:

В бензинный бак вогнал снаряд фашист проклятый,
Бомбардировщик наш, весь пламенем объятый,
Его геройский экипаж
Направил, совершив предсмертный свой вираж,
На вражий эшелон автоцистерн с горючим
…
Но вихревым толчком могучим
Фашистской сволочи назло
Горящий самолет в тыл вражий отнесло.
Из четырех бойцов в живых осталось трое.
Со скорбью о своем товарище-герое
Они сквозь вражий фронт пробились в свой отряд.
Глаза их молодой отвагою горят.
Бойцы, видавшие уж смерть перед собою,
С отвагой прежней рвутся к бою!
Юнцы, давно ли вы оторваны от школ?
Но уж венчает вас бессмертья ореол!
Любви к вам всей страны не выразить словами!
Приветствуя своих птенцов, гордится вами
Вас воспитавший комсомол!

Вскоре в авиаполк на встречу с летчиками приехал корреспондент фронтовой газеты. Пригласили Дивиченко и Журавлева (Мысиков был переведен в другую часть).

– Как все произошло? – спросил корреспондент. – Что вы можете рассказать об этом поразительном случае?

– Нам просто повезло, – устало улыбается Дивиченко.

– А сколько примерно километров вам пришлось пройти от места падения самолета до линии фронта?

– Километров сто сорок, – ответил Дивиченко.

– Наша газета хотела бы подробнее описать ваш подвиг, мы уже заголовок наметили – «Огненный таран четырех смелых»…

– О подробностях, пожалуй, лучше расскажет мой друг и штурман Владимир Журавлев: он первый из нас пришел в себя и вытащил меня из горящей машины.

Владимир не заставил себя уговаривать, и корреспондент торопливо начал записывать его рассказ:

«Из сообщения Совинформбюро уже известно: нас подожгли зенитки и «мессершмитты». Когда командир крикнул, что идем на таран, самолет уже несся на колонну вражеских автоцистерн. Я мгновенно нажал на боевую кнопку – к земле ушли последние две бомбы. И тут я потерял сознание.

Очнулся, видимо, от острой боли в пояснице. Удивила тишина; уже потом догадался, что заложило уши – контузия. Довольно скоро слух вернулся. Сначала я услышал сухой треск – горел наш самолет. Отстегнул привязные ремни, дополз до кабины командира. Коля был в полусознательном состоянии: с поникшей головой он недвижно висел на ремнях. Потряс его за плечо раз-другой. Он глубоко вздохнул. Жив! Быстро помог ему освободиться от привязных ремней и выбраться из горящей машины. И тут мы увидели катавшегося по земле Ивана Мысикова: он сбивал с одежды пламя. Мы поспешили ему на помощь. Потом нашли в кабине убитого Ежова, решили похоронить. Но в это время неожиданно показался немецкий мотоцикл. Мы быстро укрылись в овраге. Там, где раньше были цистерны, теперь полыхало море огня, к небу тянулась черная завеса дыма. Из оврага мы видели, как к догоравшему бомбардировщику подъехали гитлеровцы, поглядели, о чем-то посовещались и тотчас укатили. Видимо, они решили, что весь экипаж сгорел. Мы не успели вернуться к Ежову: самолет взорвался.

И вот мы стали готовиться к опасной дороге на восток: проверили личное оружие, обувь, помогли друг другу перевязать раны и ожоги. День тянулся мучительно долго. Наконец, когда все вокруг потонуло во мраке, двинулись в путь. К счастью, ночь выдалась звездная, и я без труда определил направление к линии фронта.

Меня нередко спрашивают: каким чудом вы уцелели? Совершенно искренно – мы и сами долго удивлялись. Но чудес на свете не бывает, все происходит по законам природы. Дело в том, что по счастливому стечению обстоятельств сброшенные мной последние две бомбы взорвались прямо под самолетом, с ними одновременно рванули и автоцистерны с бензином. Поэтому взрывная волна оказалась такой огромной силы, что многотонный бомбардировщик, как щепку, отшвырнуло в сторону. Он пронесся по верхушкам деревьев метров сто и свалился недалеко от оврага. Крылья сломались, но смягчили удар. Так наши собственные бомбы спасли нам жизнь».

А дальше Журавлев мог бы рассказать о продолжении битвы – битвы за жизнь экипажа.

Труден был путь к своим. Спали и отдыхали только днем в лесных чащобах или в заросших кустарником оврагах. Томила жажда, мучил голод. Населенные пункты, оккупированные врагом, обходили стороной. А в тех селах, где немцев не было, летчиков выручали местные жители, которые делились с ними последними крохами хлеба. В ночном лесу слух особенно

обострялся. Достаточно было услышать неясный шорох или хруст сушняка под ногой, как все разом, словно по команде, замирали: чудилось, что где-то рядом бродят гитлеровцы. Дневные часы в томительном ожидании вечера казались вечностью. Время как бы сливалось в нескончаемые сутки. Не раз немцы появлялись вблизи их укрытия. В такие минуты нервы натягивались, как струны, летчики всегда были готовы к рукопашной.

…Как-то ранним утром, проходя в густом кустарнике недалеко от проселочной дороги, летчики услышали позади себя окрик:

– Хальт! Хенде хох!

Оглянувшись, они увидели гитлеровца-жандарма с автоматом. На ломаном русском языке немец повторил:

– Стой! Руки вверх!

Дивиченко не растерялся. Он тихо промолвил: «Делай, как я!» и стал медленно поднимать руки. Почувствовав безопасность, гитлеровец уверенно двинулся навстречу людям с поднятыми руками:

– Карашо, рус. Зер гут. Флига плен, – его лицо расплылось в улыбке.

– Ложись! – скомандовал Дивиченко, и все враз упали на землю.

От неожиданности гитлеровец остановился, а Дивиченко выхватил из кармана пистолет и навскидку дважды выстрелил. Немец вскрикнул, взмахнул руками и замертво рухнул. Летчики обыскали его, забрали автомат, документы и скрылись в гуще леса.

Уже третью ночь друзья шли по тылам врага. Начинало светать, когда они остановились на привал. Не успели устроиться на отдых в лесных зарослях, как налетел ветер, зашумели деревья, хмурое небо пронзили молнии, грянул раскатистый гром. Спустя минуту хлынул грозовой ливень. Как ни укрывались путники под раскидистым дубом, все же промокли до нитки. Дождь длился недолго и вскоре совсем утих. Сквозь рваные тучи постепенно пробилось солнце, от разогретой земли к небу потянулся голубой парок. Теперь где-то в стороне сверкали молнии и гремел гром. Воздух, напоенный живительной свежестью, влил в истощенных людей новые силы.

Самый ловкий из экипажа Иван Мысиков забрался на дерево, чтобы обозреть окрестности. За дальним пригорком увидел утопающие в зелени соломенные крыши домов. Спустившись, он доложил:

– Километрах в двух – небольшая деревня. Но ни людей, ни живности не заметил.

Журавлев присел на корточки, раскрыл планшет с крупномасштабной картой. Рядом склонились Дивиченко с Мысиковым. Ткнув пальцем в карту, штурман сказал:

– Мы находимся в этом квадрате, но здесь никакой деревушки не обозначено!

Решили послать в разведку Мысикова.

– Главное – узнай, есть ли там немцы. Только не торопись, будь осторожен, – наставительно предупредил Дивиченко. – В случае чего – действуй по обстановке, но на рожон не лезь.

Сказал это командир не случайно. Лишь вчера их подстерегла опасность там, где ее совсем не ждали. Они зашли утром в деревню, где немцев не было. Остановились у пожилой приветливой хозяйки. Мечтали поесть, отдохнуть и по возможности раздобыть продукты в дорогу.

Случайно Журавлев узнал, что в соседнем доме живет человек, поддерживающий связь с карателями. Не мешкая ни минуты через огороды ушли в лес. Только скрылись из виду, как в деревне раздались выстрелы. Стоило им задержаться в доме еще несколько минут – могли попасть в руки врагов.

Маскируясь в кустарнике и высокой траве, Мысиков добрался до заброшенного на околице сарая, поднялся на чердак. Отсюда хорошо просматривалась единственная улица. Два дома были сожжены, на их пепелищах торчали, словно надгробья, закоптевшие печные трубы.

Не прошло и часа, как Мысиков вернулся.

– Хутор небольшой, – переводя дыхание, сказал он. – Дома закрыты, окна заколочены. Не видно ни одной живой души…

Дивиченко посмотрел на грустные лица друзей и, перемешивая русские и украинские слова, сказал:

– Що ж вы, хлопци, зажурылыс? Выше головы! Володь, мабуть, ты яку думку маешь? Кажи.

– Скажу, – ответил Журавлев. – Хаты надо проверить все, их тут немного. Но отоспаться лучше в каком-нибудь заброшенном сарае. Рисковать не стоит. Ты же, Коля, сам говоришь: береженого бог бережет.

Летчики обследовали дома, однако не обнаружили никаких признаков присутствия человека. Все свидетельствовало о том, что люди давно покинули жилье. Хутор будто вымер. Не удалось найти и ничего съестного. Пришлось голодными ложиться спать. Выбрали старый сарай на отшибе, но прежде чем залезть на сеновал, напились воды из стоявшей у сруба деревянной бочки.

Утолив жажду, Журавлев внезапно застыл, склонившись над бочкой: он увидел свое отражение в воде. На него смотрел незнакомый человек с впалыми, заросшими щеками, с глубокими

провалами глазниц. «Неужели это я?» – с удивлением огорчился Владимир.

…На рассвете седьмого дня пути показался берег Дона. Здесь проходила линия фронта. Надежда на спасение переросла в уверенность. Воодушевленные близостью своих, они скрытно подползли к реке и бросились в воду. Но гитлеровцы их заметили, стали обстреливать. Над головами плывущих засвистели пули. К счастью, людей в реке увидели и с противоположного берега. Наши минометчики с автоматчиками открыли по фашистам беглый огонь. Это и помогло летчикам добраться до своих.

Раны и ожоги у всех быстро зажили. Лишь у Журавлева порой давала о себе знать острая боль в пояснице – результат травмы, полученной при ударе бомбардировщика о землю. Когда в медсанбате врач обследовал летчиков, Владимир даже не заикнулся о пояснице: опасался, что могут отправить в тыловой госпиталь, а то и вовсе списать с летной работы. А куда он без неба?

Почти весь сорок второй год Журавлев воевал в экипаже Дивиченко. В конце декабря командир воздушного корабля погиб во время схватки с «мессершмиттами». Из подбитого и неуправляемого самолета Журавлев и остальные члены экипажа выпрыгнули с парашютами.

За время войны штурман Владимир Журавлев совершил сто пятьдесят боевых вылетов. Он сражался на Сталинградском, Юго-Западном, Белорусском и Центральном фронтах, участвовал в Курской битве. Его грудь украсили ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени и медали.

Встреча в конце войны Владимира Журавлева с выдающимся летчиком дважды Героем Советского Союза Владимиром Константиновичем Коккинаки определила его дальнейшую судьбу: он становится штурманом-испытателем новых типов самолетов. Ему довелось работать на машинах различной конструкции: А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, В. М. Мясищева. Проверяя в действии новые системы и оборудование, летал он и на боевых сверхзвуковых самолетах в сложных погодных условиях на больших высотах, нередко забирался в стратосферу. За долгие годы работы в авиации Журавлев стал штурманом высокого класса. Ему довелось перенимать опыт таких прославленных летчиков-испытателей, как М. Л. Галлай, С. Н. Анохин, Ю. А. Гарнаев, В. С. Ильюшин, чьи имена связаны с историей развития отечественной авиации.

В практике штурмана Владимира Журавлева были не только успехи. Случались и неудачи, не раз он лежал с травмами в гипсе.

Но в конце концов становился в строй и продолжал испытывать новую авиационную технику.

В начале шестидесятых годов Журавлев перешел на новую работу: вместе с ведущим летчиком-испытателем и шеф-пилотом стал выполнять сложный комплекс испытаний вертолетов генерального конструктора Михаила Леонтьевича Миля.

В последних числах мая шестьдесят пятого года в центральной печати сообщалось о мировых рекордах, установленных советскими летчиками на вертолете Ми-10. Штурманом на нем был Владимир Владимирович Журавлев. Ми-10 находился еще в воздухе, когда на его борту приняли радиограмму: «Поздравляю с рекордом! Желаю успешной посадки. Миль».

А спустя неделю мать Владимира, Евгения Станиславовна, проживавшая в Свердловске, получила письмо. «Дорогая мамочка! Посылаю фотографию нашего экипажа после установления мирового рекорда с большим грузом. 26 мая мы побили рекорд американского майора Кларка. Свой рекорд мы посвящаем трудящимся Уралмашзавода. Будь здорова. Твой сын Владимир. 5 июня 1965 года».

Как опытный штурман, В. В. Журавлев участвовал в экспериментальном рейсе на вертолете Ми-10. С Воронежского авиционного завода на сборочное предприятие транспортировался комплект крыльев для сверхзвукового пассажирского лайнера Ту-144.

Сложность задачи заключалась в том, что габариты крыла нового самолета огромны, вес – шесть с половиной тонн. Его размеры не позволяли перевезти крыло ни по железной дороге, ни по шоссе. Обсуждался вариант транспортировки на барже по реке. Однако выяснилось, что нужно будет идти через каналы, а крыло шире любого шлюза. Решили использовать вертолет. Как правило, при транспортировке вертолетом грузов больших размеров применяется внешняя подвеска со специальной платформой, но крыло для Ту-144 не помещалось на платформе. Специалисты предложили крепить крыло к днищу Ми-10.

Во избежание просчетов изготовили макет крыла и попытались с ним подняться в воздух. И тут обнаружилось: крыло все время становилось поперек потока и начинало раскачиваться. К тому же Журавлев заметил, что крыло искажает показания приборов, установленных на вертолете. Поэтому штурману пришлось вести машину по наземным ориентирам. Этот уникальный перелет был благополучно завершен за несколько часов.

Журавлева нередко направляли в командировки за рубеж.

Там он во время показательных полетов демонстрировал новейшие образцы советских винтокрылых машин. С этой же целью Владимир Владимирович посетил Японию, Швецию и Голландию, Индию и Пакистан, Иран и другие страны Европы и Азии.

Еще долгое время В. В. Журавлев руководил штурманской службой испытательного авиаподразделения.

А 22 февраля 1969 года он в составе экипажа летчика-испытателя первого класса В. П. Колошенко (впоследствии – Герой Советского Союза) вновь установил ряд мировых рекордов на вертолете В-12.

Эти достижения советских вертолетчиков внесены в таблицу мировых рекордов Международной авиационной федерации.

За установление мировых и всесоюзных рекордов на различных видах вертолетов В. В. Журавлеву, восьмому авиатору в стране, присвоено звание «Заслуженный штурман-испытатель СССР», он награжден золотой медалью ФАИ и орденом Трудового Красного Знамени.

…27 марта 1982 года коллектив уралмашевской школы № 22 имени А. М. Горького, в которой учился Владимир Журавлев, отмечал свое пятидесятилетие. На улицу Красных партизан, дом номер четыре, из разных городов страны съехались бывшие учащиеся школы. Встретились люди, убеленные сединами, многие из них не виделись десятки лет и с трудом узнавали друг друга. Какая это была незабываемая встреча!

Не было на школьном юбилее Владимира Владимировича Журавлева. После тяжелой болезни он скончался 27 декабря 1981 года.

Экипаж вертолета Ми-10 после установления мирового рекорда. Крайний справа В. В. Журавлев. 26 мая 1965 г.

Долгие годы в школе № 22 имени А. М. Горького действует музей. Юные следопыты собрали обширный материал о подвигах своих выпускников, отличившихся в годы Великой Отечественной войны или в мирном труде. Между классами идет соревнование за право носить имя бесстрашного летчика заслуженного штурмана-испытателя СССР Владимира Владимировича Журавлева.

А в музее трудовой и боевой славы Уралмашзавода есть экспозиция, посвященная бывшему токарю механического цеха крупных узлов коммунисту В. В. Журавлеву. Здесь хранится немало документов, фотографий и других реликвий, рассказывающих о его жизни, боевом пути. Среди личных вещей Журавлева – офицерский ремень, подаренный ему командиром фронтового экипажа Николаем Дивиченко, штурманский планшет, которым уралец пользовался во время полетов, – его преподнес ему дважды Герой Советского Союза Владимир Константинович Коккинаки.

Своим земляком Владимира Владимировича Журавлева по праву считают не только свердловчане, но и жители Уфы (там он родился), и златоустовцы (в этом городе прошли его детские годы), и москвичи, с которыми он жил, работал со дня Великой

Победы и до своих последних дней.

Письмо, найденное в табакерке

Есть высшее из всех гражданских прав:
Во имя жизни встретить ветер боя
И, если надо, смертью смерть поправ,
Найти в огне бессмертие героя.

Алексей Сурков

Великая Отечественная война застала Павла Бабайлова в авиационном училище. Он с детских лет мечтал о небе. Мечтал страстно, увлеченно, перечитывал все, что мог достать о летчиках. Однако далеко не сразу сбылась его мечта.

Родился Павел Бабайлов 25 февраля 1919 года в деревне Неустроевой Осинцевского сельсовета Ирбитского района Свердловской области. Семнадцати лет вступил в комсомол. Его отец, Константин Николаевич, крестьянин-бедняк, после разгрома Колчака был членом совдепа, заведовал избой-читальней.

В 1940 году Павел добровольцем ушел на Карельский фронт. Воевал разведчиком в составе лыжного батальона. И даже там его не покидала надежда когда-нибудь стать летчиком. А когда окончилась война с белофиннами, он по комсомольской путевке едет в Пермский аэроклуб, а потом поступает в военно-авиационную школу летчиков.

Павел быстро привык к строгому армейскому распорядку. Учился старательно и с нетерпением ждал, когда наконец от теории перейдут к полетам.

Но прежде чем подняться в воздух, ему пришлось вместе с товарищами как следует изучить аэронавигацию и аэродинамику, топографию и наставление по производству полетов, устройство различных типов самолетов и двигателей… Долгое время тренировались в кабине самолета на земле, учились ориентироваться по приборам, работали с пилотажным оборудованием.

Павел понимал: чтобы хорошо летать на истребителе, необходимы не только глубокие знания, но и высокое мастерство, быстрота реакции, умение проявлять находчивость в сложной и непредвиденной обстановке. И он жадно впитывал все, чему

учили наставники. Хотя поначалу упражнения проходили на земле, Бабайлову доставляло огромное удовольствие работать рулями, ощущать свою слитность с тренировочным самолетом.

С особым интересом он наблюдал за полетами бывалых летчиков, которые выписывали в небе головокружительные виражи, «петли», штопорили чуть ли не до самой земли и сразу же свечой взмывали ввысь, а затем бросали машину в отвесное пике.

И вот уже теоретические занятия, рулежки, пробежки, подскоки, полеты курсантов с инструктором по кругу – все это осталось позади. Наступил день, когда Павлу скомандовали:

– Курсанту Бабайлову приготовиться к первому самостоятельному полету!

Павел с трудом преодолел волнение. Как долго ждал этой счастливой минуты! Он быстро занял место в самолете и зычно крикнул:

– От винта!

С треском заработал мотор. Стартер взмахнул флажком.

Покачивая крыльями на неровностях летного поля, самолет набирал разбег. От упругих потоков воздуха по его следу кланялась земле трава.

Впервые Бабайлов поднялся в воздух без инструктора. Самолет покорно слушался рулей, выполняя его волю. Радостное, доселе неведомое чувство легкости охватило все его существо. Вокруг необъятный небесный простор, а он – словно птица, парящая над восходящими потоками воздуха. Это изумительное ощущение полета Павел не мог сравнить ни с чем, оно было особенным…

Ну вот, сбылось! Он – летчик! Летчик!

А потом день за днем, от полета к полету он все увереннее осваивал технику пилотирования. Он был счастлив, что добился своего, и словно бы не замечал трудностей, усталости, напряжения. И только одно могло его вывести из равновесия – ошибка, сознание, что мог сделать лучше, чем вышло… Это он переживал глубоко. И становился еще собраннее, упрямее.

Накануне выпуска Бабайлов отлично стрелял по конусу и по мишеням на полигоне. Осваивал фигуры высшего пилотажа. Последний контрольный полет он выполнил точно, безукоризненно, посадив машину на три точки у знака «Т».

Когда учеба была завершена, в его выпускной аттестации значилось: «…Теория полета – отлично, самолет И-16 – отлично, штурмовка – хорошо, воздушная стрельба – отлично… Летать любит… Теоретический курс усвоил хорошо и умело применяет свои знания на практике. Выносливый, обладает высокой

работоспособностью… Летает смело и уверенно, но без лишнего удальства. В сложной обстановке находчив и решителен. Несколько впечатлителен, особенно к неудачам… По специальности – истребитель. Может быть использован в штурмовой авиации…»

Летом 1942 года на Дону и Кубани кипели ожесточенные бои. Танковые и моторизованные соединения противника рвались в Сальские степи и на просторы Краснодарского края.

В то время в 790-м истребительном авиаполку появился молодой летчик. Ладно скроенный, широкоплечий, он чем-то напоминал былинного русского богатыря. Это был Павел Бабайлов.

Начались фронтовые будни, полные риска и опасностей. Сначала Павел летал на И-16, или, как его окрестили фронтовики, «ишачке». Потом в полк поступили «лавочкины», и Бабайлов пересел на новую машину. В первом боевом вылете ему не пришлось даже нажать на гашетку – так сложилась обстановка. Однако командир похвалил его за то, что он был спокоен, когда к линии фронта пронеслись два «мессершмитта», не отставал от ведущего, грамотно выдерживал свое место в строю.

Павел старательно перенимал опыт кадровых летчиков-однополчан, в воздушных боях действовал обдуманно, умело и храбро. Не прошло и недели, как он открыл свой счет сбитым вражеским самолетам. А спустя месяц на фюзеляже его истребителя было уже три красных звездочки – столько он уничтожил фашистских машин.

Как-то в конце дня в штаб полка приехал капитан-пехотинец. Весь личный состав собрался на краю летного поля. Комиссар предоставил слово прибывшему офицеру:

– Товарищи! – обратился капитан, сняв фуражку. – Все вы хорошо знали Тараса Стецько…

Что за странное вступление? Жизнерадостного, неугомонного Тараса знал в полку каждый. Его очень любили. И горько сокрушались, когда он пропал без вести.

Капитан откашлялся и заговорил вновь. То, что пришлось услышать, ошеломило летчиков… Оказывается, тяжело раненного Стецько подобрали фашисты. Они зверски пытали его и, ничего не добившись, выкололи ему глаза, вырезали на груди пятиконечную звезду и мертвого сбросили с самолета над нашими позициями.

В карман гимнастерки Тараса фашисты сунули записку:

«Мы никогда не уйдем из Крыма. Нас не победить! Тот, кто не понимает этого, погибнет. Страшная участь ждет каждого, кто впредь попадет в наши руки. Хайль!»

– Изверги! – не выдержал кто-то.

Выступившие затем авиаторы поклялись мстить фашистам за своего боевого товарища. В глубоком молчании расходились летчики.

Уже на следующее утро в воздушном бою Бабайлов открыл счет мести за Тараса Стецько. Вот как это было.

В небе над полевым аэродромом взвилась сигнальная ракета, за ней – вторая. Они рассыпались зелеными искрами.

Герои Советского Союза гвардии капитан П. К. Бабайлов

Бабайлов побежал к своему «Лавочкину» и посредине поля на траве машинально придавил сапогом дымившиеся остатки не успевшей сгореть в воздухе ракеты.

Механик Макласов уже был у самолета, предупредительно отбросив из-под колес колодки.

Затрещали, захлопали на малых оборотах двигатели, и вскоре над аэродромом разнесся многоголосый рев моторов.

Истребители выруливали на старт. Затем, один за другим отрываясь от земли, уносились ввысь. Во главе восьмерки «лавочкиных» летел комэск Санников. По радио он предупредил:

– Идем на перехват «юнкерсов», их прикрывают «фоккеры» и «худые». («Худыми» фронтовики называли «мессершмитты».)

За линией фронта на высоте четыре тысячи метров показались далекие темные точки. Постепенно контуры вражеских самолетов стали вырисовываться все яснее и яснее. Когда расстояние сократилось, Бабайлов уловил в звуковом хаосе эфира команду Санникова:

– Держаться сомкнутым строем. Атакуем «юнкерсов»!

Чтобы не подпустить советских истребителей к бомбардировщикам, «фоке-вульфы» и «мессершмитты» пытались

создать заслон. Но резкой атакой «лавочкины» все же прорвались к «юнкерсам» и раскололи их строй. Комэск первым выпустил несколько хлестких очередей по флагманской машине, которая тут же запылала и, растягивая книзу черную копоть, вошла в последнее пике.

Лишившись лидера, стая бомбардировщиков заметалась. Не долетев до линии фронта, «юнкерсы», чтобы не взорваться на собственных бомбах, стали освобождаться от смертоносного груза над своими позициями и уходить восвояси. «Лавочкины» бросились наперехват.

Бабайлов выбрал цель и ударил с дальней дистанции. Он видел, как пулеметные трассы прошили кабину пилота, впились в мотор. Но «юнкерс», заметно теряя высоту, поспешно уходил на запад. Бабайлов увеличил скорость. Вот уже видны хвостовое оперение, паучья свастика. Однако гитлеровский стрелок яростно огрызался пулеметным огнем, не давая советскому летчику точно прицелиться. Да и немецкий пилот попался опытный. Стоило Павлу на мгновение поймать противника в перекрестие прицела, как тотчас фашист резким маневром ускользал в сторону.

Наконец Бабайлов удачно уловил тот самый миг, когда надо нажать гашетку: свинцовая очередь, словно пилой, отсекла от «юнкерса» часть хвостового оперения. Павел не успел проследить, как бомбардировщик врежется в землю, не до того было. Сверху, со стороны солнца, на него внезапно свалился Ме-109. И вновь закрутилась воздушная карусель.

Это была для Бабайлова очень тяжелая схватка. Он едва успевал уходить от губительного огня «мессершмитта». Одна очередь стеганула по фюзеляжу «лавочкина» рядом с кабиной, другая изрешетила правую плоскость. Однако рули управления работали безотказно.

Бабайлов взглянул на приборы: горючего оставалось совсем немного, да и боеприпасы были на исходе. Надо спешить! Все решали секунды. Но как длинны эти секунды, если перевести их на мысли, на чувства, если прочесть то, что творилось в душе Павла Бабайлова. Нет, он не дрогнет, не свернет с пути. В нем кипела лютая ненависть к врагу, жила непреклонная воля к победе. Безбрежная воздушная стихия раскинулась вокруг него. Это были просторы его Родины. Гитлеровцам никогда не завладеть ими! Ни за что на свете не уступит он поля сражения неприятелю!

Мгновенный маневр позволил Павлу оказаться в хвосте у «мессершмитта». Тот вышел из-под удара, быстро скользнув вниз. Бабайлов, будто предвидя такую уловку фашиста, сразу швырнул машину в отвесное пике. Охваченный азартом боя, теперь уже

Павел не давал врагу опомниться. Беспрерывно атакуя, он ошеломил противника, сумел навязать ему свою волю. И фашист не выдержал напряжения, у него просто-напросто сдали нервы: он попытался уклониться от прицельного огня советского истребителя, но просчитался. Бабайлов успел выпустить смертельную порцию свинца.

Подбитая машина завихляла, стала терять высоту. Было заметно, как вражеский пилот предпринимал все меры, чтобы вывести ее в горизонтальный полет. Видимо, поняв безнадежность своих усилий, немец воспользовался парашютом. И в тот момент, когда в небе вспыхнул белый купол, неуправляемый «мессершмитт» сорвался в штопор… На следующий день Бабайлов получил очередной приказ выруливать на старт. В последнюю минуту к машине подбежал механик с ведерком краски.

– Погодите! – пытался он задержать летчика. – Я же не успел нарисовать звездочки…

– Потом, – отмахнулся Павел и, на ходу застегивая лямки парашюта, вскочил на центроплан…

А когда Бабайлов возвращался с боевого задания, на подходе к своему аэродрому он заметил в воздухе вражеский истребитель. В то же время из облачности вывалились еще два «мессершмитта». Бой завязался почти над аэродромом. На помощь взлетели три «лавочкина».

Бабайлов чертовски устал, по его загорелому лицу катились крупные градины пота. Мокрая гимнастерка прилипала к спине. Павел был в отчаянном положении: нажав гашетку, понял, что кончились боеприпасы. Тогда он спикировал на «мессершмитта» с высоты трех тысяч метров, догнал его, уравнял с ним скорость и пошел на таран…

О финале этой схватки рассказал бывший механик бабайловской машины Николай Макласов: «Павел летал на «тройке». В воздушной кутерьме я, конечно, не мог уследить за «тройкой», потерял ее из вида. Да и не до этого было – помогал убирать с аэродрома разбитые «мессеры». Кто-то сказал, что одного из них сбила моя «тройка». И вот увидел ее над головой – врезающейся в хвост вражеского самолета. «Мессер» куцым обрубком упал на краю летного поля, но закачалась, резко пошла на снижение и «тройка». Она села на «живот». Добрался к ней на стартере, вижу: летчик осматривает самолет, горестно усмехается:

– Ну и влип же! Думал только лопастью рубануть по хвосту, а в азарте залез по самые уши.

– Ничего, – говорю, – машину восстановим».

Бабайлов начал было помогать ремонтникам снимать винт, но тут подошел полковой инженер и отстранил его:

– Немедленно идите отдыхать! Как же вы завтра полетите с сонными глазами?!

За ночь Николай Макласов с помощниками восстановил «лавочкина». На фюзеляже истребителя появились еще две звездочки.

* * *

…В 1943 году Красная Армия изгнала немецко-фашистских захватчиков с Кубани и Ставрополья. Павел Бабайлов тогда был командиром эскадрильи.

Самолеты приземлились на новом полевом аэродроме, изрытом воронками от бомб. В тот же день усилиями всего личного состава летное поле привели в порядок. Каждая эскадрилья вырыла для себя землянки. Технический персонал сразу начал приводить в порядок потрепанные в боях машины.

Над Керченским полуостровом беспрерывно шли тяжелые воздушные бои с многочисленными армадами фашистских самолетов. В те дни Бабайлов сбил еще один немецкий самолет – «Хейнкель-111». Теперь на личном счету Павла значилось одиннадцать уничтоженных фашистских машин.

Как-то командир авиаполка Герой Советского Союза гвардии полковник Ю. Б. Рыкачев (ныне – генерал-лейтенант в отставке) вызвал Бабайлова в штаб. Указывая карандашом на карту, сказал:

– От партизанских разведчиков поступили сведения, что где-то в этом районе гитлеровцы накапливают большие силы – танки и моторизованные части. Задача: установить точное их местонахождение. Учтите, по вашим данным будут работать «ильюшины» и «Петляковы».

Павел вылетел на разведку. Погодные условия затрудняли выполнение задания, облачность вынуждала идти по приборам.

Постепенно видимость улучшилась.

Когда по расчетам должен был появиться интересующий Бабайлова квадрат, летчик снизился и продолжал полет на бреющем, тщательно прощупывая взглядом каждую складку местности. Однако ничего не заметил. Под крылом мелькали реки, лощины, овраги… Сверив карту с местностью, Павел пошел по второму кругу. До боли в глазах всматривался в землю. Его внимание привлекла дорога, справа от которой тянулся большущий овраг, а за ним до самого горизонта уходили в бескрайнюю даль заброшенные поля. Где-то здесь, в зеленевших

густых оазисах, замаскировались гитлеровские войска. Но где именно? Еще долго Бабайлову пришлось летать на малой высоте, прежде чем он обнаружил в длинном, заросшем кустарником овраге то, что искал: у проселка, рядом с оврагом, летчик засек множество широких следов от танковых гусениц.

Сделав боевой разворот, Павел прошил длинной очередью почти весь овраг, который вдруг ожил: забегали, заметались между кустами вражеские солдаты, началась беспорядочная стрельба. Уточнив координаты местонахождения вражеской техники, Бабайлов передал их по радио на КП полка.

Возвращаясь на свой аэродром, Павел встретил над линией фронта большую группу «Петляковых», а вслед за ними – эскадрилью «илов». Под прикрытием истребителей они держали курс в район обнаруженных фашистских войск.

Позже стало известно, что массированные налеты советской авиации сорвали запланированное наступление гитлеровцев на одном из участков нашей обороны.

* * *

…В полк прибыло пополнение – пять молодых летчиков прямо из авиационного училища. И все в звании младшего лейтенанта. Троих зачислили в эскадрилью Павла Бабайлова. При первом же знакомстве с новичками бабайловский механик Николай Макласов не преминул втолковать, что им повезло: они попали в самую боевую эскадрилью полка.

Молодые пилоты в свою очередь стали расспрашивать механика о летчиках, о том, сколько у кого на счету сбитых самолетов.

– Мой капитан, – весело рокотал Макласов, – бьет паршивых фрицев по-гвардейски, уже одиннадцать штук нащелкал… Не успеваю, понимаете, звездочки на фюзеляже штамповать. А почему? Да потому, что наш комэск среди первых в полку начал применять покрышкинскую формулу боя: высота, скорость, маневр, осмотрительность, огонь!

– А как наш комэск в смысле характера? – полюбопытствовал один из новичков.

– Характер бойцовский, – ответил механик. – Только не любит он, если кто-нибудь свою персону выпячивает… И еще, у нас в полку девиз: сам погибай, а товарища выручай! Так что мотайте на ус…

Макласову задали вопрос: как скоро их возьмут на боевое задание?

– Об этом спросите у капитана Бабайлова, – уклончиво ответил механик. – Скажу вам, братцы, положа руку на сердце, для летчика одной храбрости мало. У вас сегодня не хватает главного: боевого опыта, летного мастерства. Но, как известно, опыт – дело наживное. Если будете на совесть учиться бить фрицев у своего комэска – и из вас тоже асы могут выйти…

А вскоре новичкам довелось убедиться в летном мастерстве своего командира эскадрильи.

В тот день, когда проводились показательные «бои» для нового пополнения, в полк с инспекторской проверкой приехала комиссия во главе с генералом. Вместе с командиром полка Героем Советского Союза подполковником Ю. Б. Рыкачевым генерал внимательно наблюдал в бинокль за разгоревшимся над летным полем учебным боем.

На краю рощицы, где были капониры, стояли авиаспециалисты из батальона аэродромного обслуживания и, задрав головы, следили, как капитан Бабайлов и старший лейтенант Касимов сходились на таких бешеных скоростях, что казалось – столкновение неминуемо. Однако в самый последний момент оба враз взмывали вверх. Особенно нарастало напряжение в те секунды, когда Бабайлов бросал истребитель в отвесное пике.

С пронзительным свистом ревели моторы двух стремительных машин. Все, кто наблюдал «бой», с облегчением вздыхали, когда «тройка» входила в горизонтальный полет и вновь уносилась ввысь. Ситуации в небе менялись мгновенно. Вот «ястребок» Касимова погнался за «тройкой» Бабайлова и стал настигать ее. Кто-то из новичков безнадежно выдохнул:

– Все! Неужели сейчас капитану будет амба?

И вдруг Бабайлов, резко сбросив газ, пропустил «противника» вперед. Тот, не успев среагировать, оказался под прицельным «огнем» комэска.

– Вот это маневр! – послышался тот же голос новичка.

Мягко коснувшись земли, «тройка» зарулила на стоянку.

– Кто это? – спросил генерал Рыкачева.

– Комэск гвардии капитан Бабайлов.

– Ничего не скажешь – посадка отменная. Не тот ли разведчик, о котором вы мне говорили?

– Так точно. Вы тогда подписывали представление на присвоение ему внеочередного звания.

Генерал о чем-то задумался, потом сказал:

– И все же поругать его следует. Где его стоянка?

Николай Макласов заправлял самолет, поддерживая гофрированный шланг от бензопровода. Заметив генерала с

Рыкачевым, он громко окликнул:

– Товарищ капитан!

Бабайлов выскочил из капонира и по-уставному взял под козырек.

– Товарищ генерал, – начал было докладывать он, но генерал остановил летчика жестом:

– Вольно, капитан. Учебный бой провели хорошо. Однако допустили грубую ошибку.

Бабайлов, не поняв, о какой ошибке идет речь, удивился.

– Кто вам разрешил затягивать пикирование и идти на недопустимых скоростях? – отчитывал генерал. – При таких режимах прочность конструкции может и не выдержать.

– «Лавочкин» выдержит, – хлопнув ладонью по плоскости, уверенно сказал Бабайлов. – Отличная машина!

– Вы ощущали вибрацию при отвесном пикировании?

– Чуть-чуть… Совсем маленькую…

– Вот здесь и зарыта собака: маленькая вибрация имеет тенденцию переходить в большую, которую никакая сила не способна остановить. Вы же не летчик-испытатель. Где гарантия, что не возникнет флаттер?

Как и всякий опытный летчик, Бабайлов знал, что во время флаттера, как правило, самолет разрушается в воздухе в считанные секунды.

– Это же учебный бой, – еще строже продолжал генерал, – на вас смотрят молодые пилоты… Завтра же начнут пробовать и… разбиваться. Поэтому в учебном бою крайний риск абсолютно не оправдан. Ясно?

– Так точно, товарищ генерал. Учту, – только и ответил Бабайлов.

* * *

…После выполнения боевого задания, когда до линии фронта оставалось лишь рукой подать, на бабайловскую машину из облаков внезапно свалился «мессершмитт». Для советского летчика бой оказался тяжелейшим. Несколько очередей фашистского аса угодили в «лавочкина», но и немецкий самолет получил много пробоин. Поэтому «мессершмитт» поспешил покинуть место схватки.

Только теперь Бабайлов почувствовал боль в ноге. Ранен! В сапоге хлюпала кровь. И двигатель начал давать перебои. Павел посмотрел на приборы: давление масла понизилось и продолжало падать. Значит, пробита маслосистема. К счастью, на горизонте

показался аэродром. Бабайлов нашел в себе силы дотянуть к своим.

Тот, кому довелось наблюдать за посадкой «лавочкина», никогда бы не подумал, что пилот истекает кровью. Он приземлил истребитель впритирку на три точки и, как обычно, зарулил на стоянку… А вот выйти из машины у него уже не хватило сил. Механик тут же подбежал к притихшему самолету и откинул фонарь кабины.

– Что с вами, товарищ командир? – испугался Макласов, увидев побелевшее лицо Бабайлова.

– Не кричи! – превозмогая боль, сквозь зубы прошипел летчик. – Нашумишь – в госпиталь зааркан ят.

Но ранение оказалось серьезнее, чем предполагал Павел. Ему лишь удалось уговорить полкового врача не отправлять в тыл, а оставить на излечение в медсанбате. Туда Макласов и носил Бабайлову письма с далекого Урала.

К ноябрьским праздникам Павел вернулся в строй. 20 ноября 1943 года, когда полк базировался недалеко от Тамани, у всех на виду рухнул на землю Ме-109. На фюзеляже бабайловской машины нарисовали двенадцатую звездочку.

А на следующий день, 21 ноября, Бабайлов вновь получил задание на разведку войск противника.

В тот день механик Николай Макласов не дождался из полета своего командира…

– Бабайлов не возвратился, – вспоминает он, – и горевал весь полк. Мы его любили. Он бывал резким, иногда чересчур горячился, но всегда оставался душевным товарищем… Наше командование использовало все средства связи, запрашивая в Крыму части Отдельной Приморской армии. Но там ничего не знали о нашем боевом друге.

Не знал тогда, да и не мог знать, Николай Макласов, что накануне 30-летия Великой Победы найдется записка его командира, написанная им еще в 1943 году. Дело в том, что житель села Стецовки Чигиринского района Черкасской области инвалид Великой Отечественной войны Дмитрий Аксентьевич Гажва много лет назад подобрал на истерзанной боями крымской земле металлическую табакерку. В ней обнаружилось четыре исписанных тетрадных листка. На последней страничке подпись – «Бабайлов».

Узнал об этой записке Николай Макласов лишь в 1974 году, когда к нему в Херсон приехал специальный корреспондент «Правды» Д. И. Новоплянский, разыскавший родных и многих однополчан Павла Бабайлова.

Пожелтевшие от времени тетрадные странички переносят нас

в огненные ноябрьские дни сорок третьего:

> «Друг, брат, советский человек, если ты наш, а не враг, пошли это в мой полк, тебя за это отблагодарят. Войди в мою обстановку – я почти в безвыходном окружении фашистов. За отправку письма тебе отдадут все мое, что там осталось, деньги, часы, новую форму… Ой как прошу послать, дорогой товарищ. Адрес такой – П/П 21237 «К». Командиру. А сделать это просит советский летчик Павел Б. В полку меня все знают. Пошли, браток, не откажи в просьбе. Прощай.
>
> А если попало это в руки фашисту, так не радуйся, все равно тебе скоро капут будет полный в Крыму и на всей нашей Советской земле. Смерть гадам врагам!»

В письме Бабайлова – смятение чувств: горечь неудачи, презрение и непримиримая ненависть к фашистам, тоска по родному полку. Он как бы разговаривает со своим командиром, докладывает о том, что с ним произошло:

> «Дорогой т.! По мне в полку уже, наверное, справили панихиду. А я еще совсем живой и даже свободный. Когда сбили меня, я не разбился, а вывел машину из штопора и сел на пузо, крепко стукнулся головой о прицел, без памяти взяли меня фашисты. Когда пришел в память, не было у меня ни пистолета, ни летной книжки. Сняли меня возле разбитой машины, причем так, чтобы за моей спиной на фюзеляже было видно все звездочки. Я им от злости сказал, что они все мои, чтобы они быстрей прикончили. А они, сволочи, радовались, называли меня гросс-асом, связались со своим начальством, и то приказало отправить меня живым экспонатом на их трофейную выставку в Берлин. Все допытывались про нашу технику, а я им ни слова про это, только матом все крою, гнидами называю… Ночью посадили в легковушку и повезли. Сопровождал офицер и говорил, что в Берлине мне все равно язык развяжут. Я ж думал, что туда они меня ни за что не довезут, что если повезут самолетом, то выпрыгну из него, а если по морю, то брошусь в воду. А теперь, когда на свободе, опять жить хочется. Спасли меня крымские партизаны, их здесь в Крыму много. И документы мои забрали у убитого конвоира, вернули мне…»

Неожиданно появились каратели, началась облава. Тогда

партизаны укрыли раненного в ногу Бабайлова в небольшой воронке, тщательно замаскировали ее и, пообещав вернуться за ним, ушли.

В записке Бабайлов с благодарностью говорит о своих спасителях, восхищается их мужеством, заботится, чтобы после войны они были отмечены наградами:

> «…А попал к партизанам – и у немцев не все наши враги, есть и наши друзья. Один из них, по имени Фриц, передал партизанам, как и когда меня повезут… Скажу вам, чтоб знали про него, что мне сказали партизаны. Он подпольный немецкий коммунист. Вроде и еще есть такие между их солдатами. Когда победите, вам партизаны про них скажут. А мы ж думали так, что все немцы нам враги. Правильно говорил замполит, что враги не немцы, а фашисты. Так, выходит, и есть. Вы фамилию у партизан узнайте, чтобы найти и поблагодарить… Фамилию партизан знаю одну – Удальцов Степан, моряк-севастополец, остальные, Гриша и Федор, тоже, наверное, моряки. Если уцелеют до конца войны, найдите их, и если их не наградит правительство, так повесьте им мои ордена. Отчаянно они действуют, даже не то, что мы, хоть и летчики…»

Когда на второй день за Павлом партизаны не вернулись, он решил, что с ними стряслась беда. Бабайлов мысленно подготовил себя к самому печальному исходу. Однако он с отчаянным упорством пробивался к своим:

> «…Сам буду ночью лезть, только фашисты кругом ходят. Хоть одного еще уложу, хоть руками…»

Заканчивается записка так:

> «…Партбилет мой целый. Планшет у моего механика Коли М. Там партбилет, пусть заберет парторг. Моим на Урал пошлите письмо, что я не так просто погиб… Предупредите еще раз спецслужбистов, барахлил у меня высотомер. А Ваське Подольскому за пушки спасибо, стреляли, как часы. Эх, хоть бы раз еще так пострелять. Вот и все. Прощайте. Спойте мою любимую про «Варяга». Обнимаю всех. А кто передаст вам это, отдайте ему мою новую форму, все, что причитается за прошлый месяц, и премию за последние сто безаварийных, пусть там начфин не крутит – доверяю расписаться за них своему

механику. Вот и все. Прощайте. И еще крепче бейте врагов. Да здравствует советский Крым».

Шли третьи сутки, как о Бабайлове не было никаких известий. «Значит, пропал без вести», – думали в полку. И перестали ждать.

А тем временем Павел под покровом темноты выбрался из воронки и, ориентируясь по звукам редких выстрелов и по пробивавшимся сквозь тучи звездам, пополз на север, к берегу Азовского моря. Изнемогая от голода и холода, в изодранной одежде, он наконец услышал шум морского прибоя.

Немного отдохнув и привыкнув к темноте, Павел вдруг заметил подплывшую к берегу лодку. Из нее выскочили два немецких солдата и скрылись в ночи. Бабайлов стал ждать. Медленно тянулось время. Немцы не возвращались. Павел рискнул: спустился к воде, забрался в лодку и поплыл, стараясь держаться от берега подальше…

Бывший командир первой эскадрильи подполковник запаса Агафон Кузьмич Санников, близкий боевой друг Бабайлова, запомнил встречу с ним 24 ноября:

– Его возвращение было чудом, – говорит он. – Мы бросились обнимать своего Пашу – потемневшего, обросшего, в изодранной гимнастерке…

* * *

Получив новый истребитель Ла-5, Павел продолжал отважно бить врага. В боевых донесениях 163-го авиаполка все чаще упоминается об уничтоженных Бабайловым самолетах противника. Лишь в январе 1944 года он сбил еще семь фашистских машин.

Представляя бесстрашного летчика к правительственной награде, командование, в частности, отмечало, что П. К. Бабайлов, «…обладая отличной техникой пилотирования на самолетах ЛаГГ-3 и Ла-5, в воздушных боях с превосходящими силами противника проявил исключительную настойчивость и упорство по разгрому немецких оккупантов. Личным примером своей повседневной боевой работы как на земле, так и в воздухе учит молодой летный состав искусству ведения воздушного боя…»

После изгнания гитлеровцев с крымской земли уралец воевал в составе своего гвардейского Феодосийского Краснознаменного ордена Суворова истребительного авиационного полка на 2-м

Белорусском фронте. К тому времени Павел Бабайлов уже летал на истребителе Ла-7. Ему нередко поручали ответственные боевые задания. Смелые, результативные полеты по тылам врага убедили командование в том, что Бабайлов стал первоклассным мастером воздушного поиска. У него выработалась незаурядная способность проскакивать сквозь заградительный огонь зениток и заслоны фашистских истребителей. Он научился с воздуха читать землю, подобно тому, как читают интересную книгу, научился грамотно и толково искать и находить.

В наградном листе, подписанном Героем Советского Союза подполковником Казаченко, говорится: «Гвардии капитан П. К. Бабайлов, выполняя задания на разведку войск, систематически дает очень ценные и полные данные о противнике для командования 4-й воздушной армии и 2-го Белорусского фронта…»

Лишь на разведку вражеских войск Бабайлов совершил 197 боевых вылетов. В одном из них – 24.06.44 «…в районе западнее Чайсы обнаружил отход войск противника до 500 автомашин, 200 подвод и 10 танков…».

26.06.44 сообщил сведения о том, что «…южнее города Могилев, по дороге Старый Быков, на западном берегу Днепра, противник не имеет сильных укреплений линии обороны… видны отдельные окопы, охраняемые группами солдат, и до 3 батарей МЗА, по дорогам в движении 300 автомашин, 150 подвод, 9 орудий и 5 танков…».

2.07.44 «…обнаружил сплошную колонну войск противника от Березины до Минска, до 1500 автомашин, до 1000 повозок с грузом и пехотой, 60 орудий на конной тяге, 5 батарей МЗА, 20 орудий на мех. тяге и 20 танков…».

И так почти изо дня в день. В то время наши армии вели бои за освобождение Польши. 15 октября 1944 года Павел Бабайлов должен был уехать в кратковременный отпуск домой. А накануне, 14 октября, выполнив очередное боевое задание, Павел взял курс на свой аэродром. При пересечении линии фронта его «лавочкин» попал в зону насыщенного зенитного огня противника. Несмотря на умелые и энергичные маневры советского истребителя, один из зенитных снарядов взорвался рядом с ним. Осколками ранило летчика, загорелся самолет. Стараясь спасти машину, Павел не прыгнул с парашютом, из последних сил тянул к своим. Ему это удалось, но при посадке он ударился головой о приборную доску и потерял сознание. Когда тяжело раненного и обожженного летчика вытаскивали из разбитого самолета, он на мгновение пришел в себя:

– Кто меня берет? Наши?.. Или…

Услышав в ответ русскую речь, он вновь потерял сознание. Эти его слова были последними, хотя еще полтора часа врачи бились за жизнь отважного уральца…

* * *

В архиве Министерства обороны СССР хранятся свидетельства грозного лихолетья. Возьмем небольшой отрывок из оперативной сводки 163-го истребительного авиаполка только за один день:

> «2.01.44 г. …выполняя боевое задание по прикрытию своих войск в районе Тархан – Грязевая Пучина, группа самолетов в составе десяти ЛаГГ-3 при подходе к своей зоне патрулирования была встречена пятью немецкими бомбардировщиками Ю-87, которых прикрывали восемь Ме-109. Будучи командиром ударной группы, т. Бабайлов решительной атакой рассеял строй вражеских машин и с первой же атаки в воздушном бою с истребителями противника сбил одного Ме-109, который упал горящим западнее Котрлез. Закончив этот воздушный бой, тов. Бабайлов заметил, что Ме-109 зашел нашему истребителю в хвост. Имея превышение, мгновенно повел свою машину на фашистский самолет и сбил его, тот упал горящим в море, в 2 километрах севернее мыса Тархан… Этого же числа во втором вылете… в составе группы тов. Бабайлов встретился с четырьмя Ме-109 и завязал с ними воздушный бой, где на высоте 1500 метров северо-восточнее населенного пункта Кезы сбил одного Ме-109…»

На счету гвардии капитана П. К. Бабайлова 417 боевых вылетов. Он провел 75 воздушных боев, сбил лично 27 вражеских самолетов и 4 – в составе групп, уничтожил во время штурмовок 23 груженые автомашины и 2 самолета. Награжден орденами: Ленина, тремя – Красного Знамени, Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени.

…Сначала отец бесстрашного летчика, проживавший в Свердловской области, получил извещение: «…Ваш сын, командир эскадрильи гвардии капитан Бабайлов Павел Константинович, похоронен в одиночной могиле, село Тарановo-Тоски, что в 10 км. южнее Замборов (Польша)».

Затем пришло письмо от Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина:

«Уважаемый Константин Николаевич! По сообщению военного командования Ваш сын, капитан Бабайлов Павел Константинович, в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.

За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном, Павлом Константиновичем Бабайловым, в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 23 февраля 1945 года присвоил ему высшую степень отличия – звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения как память о сыне-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

…На родине П. К. Бабайлова, в Осинцевском сельсовете Ирбитского района, есть две деревни: Осинцево и Неустроево. Здесь свято хранят память о летчике-земляке. В деревне Неустроево, например, на площади у местного клуба, воздвигнут обелиск с именами воинов-односельчан, погибших в годы Великой Отечественной войны. На лицевой стороне обелиска – плита с надписью: «Герой Советского Союза Бабайлов Павел Константинович». Все торжества, связанные со всенародными праздниками, проводятся на площади у обелиска.

Пионеры Осинцевской восьмилетней школы провели интересную поисковую работу, они много лет переписываются с сестрами героя и с его боевыми товарищами. Под руководством учительницы Людмилы Ивановны Чувашевой юные следопыты организовали «Уголок боевой славы», где собраны документы и фотографии, рассказывающие о жизненном и боевом пути прославленного земляка. Один из пионерских отрядов школы носит имя Павла Бабайлова.

Из близких летчика-героя остались в живых две родные сестры. В Свердловске живет Юлия Константиновна. Недавно она с большой теплотой рассказывала о детстве и юности своего брата:

– В нашей семье было шестеро детей и лишь один мальчишка – Павлуша. Он весь был в маму – Прасковью Ильиничну, – бойкий и решительный.

Юлия Константиновна не забыла, как иногда, если шестилетнего Павлушу не с кем было оставить дома, она брала его в школу на занятия. Он сидел рядом с ней за партой и с интересом наблюдал, как мелом на классной доске писали слова. А после, дома, забравшись на подоконник, пальчиком коряво

выводил на заиндевевшем стекле те самые буквы, которые видел в школе.

– Когда подоспела пора учиться, – вспоминает Юлия Константиновна, – то Паша в первый же год одолел сразу два класса. Ему исполнилось одиннадцать лет, когда на нашу семью обрушилось тяжкое горе – умерла мама. Мы переехали на станцию Монетная. Отцу нелегко пришлось: как-никак время-то было несытное, а всех накорми, одень, обуй. Чтобы в меру своих силенок как-то помочь семье, Павлик работал в клубе медного рудника помощником киномеханика и одновременно учился.

– Отец сильно любил единственного сына, гордился им, – вспоминает Юлия Константиновна, – берег все, что было связано с Павлом. А в октябре сорок четвертого пришла похоронка. Отец был сам не свой, приболел. Мы долгое время не хотели верить в гибель Павла, продолжали ждать, надеялись увидеть живым.

Она бережно хранит копию наградного листа, где на восьми машинописных страницах скупыми, по-военному лаконичными словами описаны боевые подвиги брата.

В начале шестидесятых годов Юлия Константиновна побывала в Ирбитском краеведческом музее, сдала на вечное хранение шестнадцать документов и фотографий Павла. Там же находятся его ордена и Грамота Президиума Верховного Совета СССР с Указом о присвоении ему звания Героя.

Юлия Константиновна иногда перечитывает письма фронтовых друзей брата. Один пишет, что «…Павел малоразговорчивый, но делом отличался. Это человек, который для спасения товарища не пожалеет сил». Другой вспоминает: «… никто не верил в его смерть. Это был человек, слава о котором гремела по всему фронту. Лучший воздушный разведчик. Много раз он был сбит, уходил из вражеского тыла, падал среди гор, но всегда оставался невредимым. Я и все другие считали его бессмертным. Настоящий орел».

…Оргкомитет ветеранов авиаполка, в котором воевал Бабайлов, в августе 1978 года пригласил Юлию Константиновну с сестрой Марией на традиционную встречу однополчан в город-герой Минск. После торжеств сестры познакомились с историей действий полка на фронтах Великой Отечественной войны.

5 января 1976 года приказом министра обороны СССР Герой Советского Союза гвардии капитан П. К. Бабайлов был навечно зачислен в списки войсковой части.

Когда на вечерних поверках или торжественных построениях подразделения старшина произносит фамилию Бабайлова, правофланговый отзывается:

– Герой Советского Союза гвардии капитан Бабайлов пал

смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины.

И так будет всегда. Потому что герой-уралец остался в строю навечно. Ему всегда будет двадцать пять. Ибо перед памятью о нем бессильно время.

Последняя атака лидера

Покинутый дом

Пронизывающий душу свист бомб, надрывный рев моторов, содрогнувшие землю взрывы – все враз прекратилось. Фашистские самолеты повернули на запад и скрылись так же внезапно, как и появились…

К аэродрому Павел Пологов пробирался через дворы, перебежками, прижимаясь к стенам домов. На улице раздавались одиночные выстрелы. Мимо промчался грузовик с красноармейцами. Откуда-то донесся и замер захлебывающийся женский крик. Пересекать дорогу было рискованно: с чердаков Павла уже дважды обстреляли. Кто? Он не успел заметить. Вероятнее всего – диверсанты.

Пологов выглянул из-за угла. Осталось преодолеть перекресток, а там садами и огородами проскочить к летному полю.

Он уже приготовился покинуть укрытие, когда его слух уловил приближающийся гул моторов. Спустя минуту снова появились «юнкерсы» в сопровождении «мессершмиттов». Они приближались большими группами на разных высотах. Казалось, им не будет конца. Опять землю всколыхнули взрывы. Над окраиной города – громадная темно-багровая шапка дыма. Из-за строений Павел не мог видеть аэродрома, но догадывался, что это пылают ангары.

«Юнкерсы» разворачивались для повторного захода.

– Где же, черт возьми, наши? – со злостью выругался Павел.

В ночь с 21 на 22 июня дежурила первая эскадрилья. Это он знал точно.

«Неужели все уничтожены? Или выжидают?» – мысли перемешивались, наскакивали одна на другую…

Силуэты немецких самолетов постепенно таяли на горизонте. Стрельба прекратилась. Наступила тишина.

Герой Советского Союза подполковник П. А. Пологов у боевого самолета

Павел сжимал в руке пистолет, ощущая потной ладонью холод металла. Стуча подкованными сапогами, по мостовой пробежал вооруженный отряд милиции.

Надо торопиться! Пологов бросился через дорогу. Навстречу ему, повизгивая, проковыляла подстреленная собака. За огородами Павла догнал командир эскадрильи капитан Гамулькин.

– Скверно дело, очень скверно, – на ходу выдохнул он. – Лазутчики, сволочи, объявились. Видишь? – он кивнул на рукав реглана, пробитый пулей. – Ладно, что руку не задело.

Какой-то момент они, словно загипнотизированные, стояли на краю взлетной полосы. Глаза слепило от горящих самолетов.

Пологов взглянул туда, где вчера оставил свой «ястребок». Над черно-серой грудой обугленных остатков поднимались колеблющиеся столбики дыма.

Все, кто находился на поле, старались спасти хотя бы часть машин.

Уцелевшие самолеты руками перекатывали с аэродрома в кукурузу и сразу же маскировали.

Потом принялись рыть щели для укрытий. Работали молча, сосредоточенно, лишь изредка вытирая пот с разгоряченных лиц да с беспокойством поглядывая на горизонт. Выброшенную на брустверы землю тут же укрывали зеленью.

Павел тоже взялся за лопату. Возле него орудовал киркой командир звена старший лейтенант Фомичев. Он жил рядом с аэродромом и по тревоге тотчас прибежал сюда.

Присели на траву перекурить, и Фомичев рассказал Павлу о событиях, происшедших на его глазах.

Фашисты обрушились лавиной. Не осталось в живых ни одного летчика из дежурной эскадрильи. Они пытались поднять свои «миги» в воздух, но не успели. «Мессершмитты» расстреляли их прямо на взлете, у самой земли.

– После бомбежки, – закончил Фомичев, – немцы на бреющем гонялись над аэродромом за людьми, ранили несколько человек.

Полк окопался. Всех командиров эскадрилий и их заместителей вызвали в штаб. В небольшой комнате связисты работали на двух рациях, непрерывно вызывая дивизию.

– Сокол! Я – Ракета. Прием! Я – Ракета. Прием!

В окружении офицеров у висевшей на стене карты стоял командир полка майор Волков. Опустив голову, он о чем-то размышлял.

Все молчали.

Достаточно было взглянуть на их лица, чтобы понять: ох как нелегко на душе у каждого!

На столе Пологов заметил чьи-то аккуратно сложенные планшеты, партийные и комсомольские билеты, портсигары. Он машинально стал считать: «Восемь, девять…»

В комнату вбежал незнакомый лейтенант.

– Товарищ майор, разрешите обратиться! – козырнув, он протянул пакет.

Волков поспешно вскрыл конверт.

– Товарищи командиры! – заговорил он, пробежав глазами бумаги. – Внимание! Знакомлю с директивой штаба дивизии.

…С учетом создавшейся обстановки перед 149-м истребительным авиаполком ставилась задача: создать для противника видимость, будто аэродром покинут, замаскировать материальную часть, а личному составу занять оборонительные позиции.

– Необходимо выделить мобильную авиагруппу, – продолжал майор, – командиром назначаю капитана Тараненко. Завтра утром этой группе предстоит передислоцироваться на запасной аэродром севернее Тернополя.

После обсуждения было решено немедленно привести в боевую готовность одиннадцать самолетов и подготовить взлетную полосу. БАО[3] должен обеспечить исправность уцелевших автомашин и бензозаправщиков. Командиру батальона аэродромного обслуживания майору Алексееву поручалось заняться подготовкой к эвакуации семей летного состава.

В полдень в третий раз появились вражеские самолеты. Раздались крики: «Воздух! Воздух!» Люди кинулись в укрытия.

Несколько человек, растерявшись, побежало в сторону города. Путь им преградил майор Алексеев. Он вернул всех назад.

Павел услышал нарастающий, уже знакомый гул бомбардировщиков. Но сначала показались шесть истребителей. Они пронеслись низко над землей, поливая огнем уцелевшие строения. Чтобы не обнаруживать себя, по ним никто не стрелял.

Бомбардировщики, не встречая сопротивления, шли волнами, уверенно и нагло. Посыпались бомбы. К небу вздыбились черные снопы земли. На этот раз пострадало и каменное здание штаба: фугаска угодила в самый угол двухэтажного дома. Выглянув из щели, Пологов увидел, как торцовая стена осела и развалилась. Над провалом, окутанным дымом и пылью, повисли стропила и доски.

В этот день немцы больше не наведывались. Передышка позволила убрать с поля обгоревшие части самолетов, засыпать воронки и подровнять взлетную полосу. Техники и механики поспешно заканчивали ремонт поврежденных истребителей. Работа не прекращалась до поздней ночи…

Рано утром, 23 июня, перед самым вылетом, на поле стояла тоскливая тишина. Казалось, полк в скорбном молчании прощается с аэродромом, к которому за год люди привыкли, как привыкают к родному дому.

«Безлошадным» летчикам, как они теперь себя называли, выделили автобус. В ожидании сигнала все сидели мрачные, никто не пытался завязать разговор. Бойцу, остававшемуся в городе с майором Алексеевым, Павел передал записку для жены.

Раздался хлопок ракетницы. Зачихали, зафыркали моторы. Взмыли в небо одиннадцать крылатых машин – все, что осталось от трех эскадрилий. Они брали курс на северо-восток.

Когда истребители превратились в едва различимые точки на горизонте, автобус с «безлошадными» тронулся и, раскачиваясь на ухабах, потащился по искалеченной дороге…

Кажется, впервые за эти сумасшедшие сутки у Павла выдались минуты, чтобы разобраться во всем происшедшем. Под монотонное урчание мотора он с какой-то щемящей тоской вспомнил, как два дня назад – всего два дня! – они с Валей собирались на пляж.

Еще в мае, когда в Черновицах начался купальный сезон, жена говорила ему:

– Ну, когда же мы пойдем на речку, Павлинка? Ты посмотри, какие деньки установились. Давай в этот выходной…

– В этот? – Павел что-то прикинул в уме. – А ты не жди меня, забирай Володьку и – айда.

Так они и не сходили на пляж. В одно воскресенье у Павла

были полеты. В другое – учения. Потом еще что-то. И только в субботу, 21 июня, он пришел с аэродрома раньше обычного и торжественно сказал:

– Валюша! С этой минуты и до восьми ноль-ноль 23-го я в полном твоем распоряжении.

Они провели вечер в Доме Красной Армии. Слушали концерт военного ансамбля. В финале, когда хор пропел «Так будьте здоровы, живите богато», вместе со всеми дружно хлопали, не жалея рук. После концерта вволю натанцевались.

Домой возвращались через парк, заросший развесистыми каштанами. После недавней грозы дышалось легко. Свежий ветерок шелестел листвой, и на синем бархате неба сквозь густые ветви деревьев мерцали звезды.

Валя, держась за плечо мужа, сняла туфли, сунула их ему в руки и, озорно крикнув: «Догоняй!», побежала по аллее.

Павел бросился следом, но настиг ее только около дома. Он, конечно, мог обогнать ее сразу, но ему хотелось доставить жене удовольствие.

А дома уже не поребячишься – даже разговаривать приходится шепотом. Пологовы привыкли к порядку, который установила теща Павла: если спит внук – не дай бог нечаянно громыхнуть стулом или звякнуть посудой – выговор обеспечен.

Павел перенес спящего сына в кроватку, и они с Валей долго сидели, склонившись над ним. Потом они мечтали о том, как завтра втроем будут валяться на пляже, наслаждаться солнцем и водой. Жена приготовила все необходимое. На видное место, чтобы не забыть, положила сверток с новым купальником и только после этого пошла спать…

На рассвете они проснулись от надрывного гула. Творилось что-то непонятное. Гудели паровозы, выли сирены…

Раздался резкий стук в дверь. Павел сразу вскочил.

– Товарищ старший лейтенант! – по голосу Пологов узнал штабного писаря.

– Боевая тревога, товарищ старший лейтенант! – возбужденно крикнул посыльный.

– Понял – бегу!

Совсем близко от дома что-то грохнуло, зазвенели стекла. Ярко-багровое пламя осветило окна. Вздрогнули, как показалось Павлу, стены, покачнулся пол.

Он распахнул балконную дверь. Над аэродромом поднималось громадное зарево. Часто били зенитки. В промежутках между взрывами слышался оглушительный рев моторов.

Война!

…Валя растерянно прижимала руки к груди. Ее волосы в беспорядке падали на плечи, лицо побледнело, в глазах дрожали слезы.

– Не волнуйся, Валюша! Никуда не ходи. Жди! К тебе придут, помогут. Смотри, береги сына.

Он на мгновение привлек жену. Теплые ее слезы остались на его щеке.

– Ну, прощай, родная…

Он бросился к двери и нечаянно опрокинул попавший под ноги стул. На пол упал развернувшийся сверток с купальником.

…Оставив позади железнодорожный переезд, автобус миновал село, потом долго петлял по укатанной колее вдоль пшеничных полей и наконец остановился у опушки леса. После двухчасовой тряски и натужного урчания двигателя Павел словно очнулся, услышав щебет птиц и стрекотание кузнечиков. На него вдруг повеяло такой близкой и в то же время безвозвратно далекой мирной жизнью. Оглядевшись, он заметил тупой нос самолета, густо заваленного сосновыми ветками. Неподалеку стояли замаскированные еще несколько машин. Сюда, в окрестности Тернополя, временно перебазировался полк.

Возле истребителей непрерывно дежурили летчики и техники. В случае необходимости требовались считанные секунды, чтобы вырулить на старт.

Старший лейтенант Фомичев, оглядывая полковое хозяйство, со вздохом обронил:

– Елки-палки, здорово же нас пощипали. Даже не верится… Только вчера у каждого было по машине, а теперь…

Первая встреча с врагом

Потребовалось несколько дней, чтобы установить связь, оборудовать мастерские и подвезти горючее. Ждали пополнения материальной части.

За это время Пологов провел единственный ознакомительный полет с лейтенантом Устюжаниным и учебный бой с Иваном Измоденовым. С последним он познакомился и подружился еще в Оренбургском училище. Вместе они уехали служить в Забайкалье, вместе воевали на Халхин-Голе и на финском фронте. Не разлучила их судьба и теперь.

Однажды, когда после завтрака, расстелив на траве регланы, летчики и техники расположились под плоскостями самолетов и обсуждали невеселые вести с передовой, на горизонте внезапно появились осиные силуэты «Юнкерсов-87». Они шли медленно, вытянувшись в кильватерную колонну, и сотрясали воздух завывающим гулом моторов. Сосчитать их было трудно – они летели стороной в северо-восточном направлении.

«Наверное, на Житомир», – со злостью подумал Павел.

Летчики, наблюдая за «юнкерсами», бессильно поругивались:

– Ни одного «мессера»…

– Гады! Идут без прикрытия, как к теще на блины.

– Ну, ничего, мы им еще это припомним.

Командира эскадрильи Тараненко, временно заменившего отозванного в Киев Волкова, окликнул дежурный связист.

– Товарищ капитан, Сокол на проводе!..

Это был долгожданный приказ. Ставилась задача – прикрыть с воздуха наземные войска.

Ракета зеленой полоской прочертила небо. Шесть истребителей под командованием капитана Гамулькина стремительно взмыли вверх.

Видимость была хорошая. Царило полное безветрие. Лишь на горизонте неподвижно застыли одинокие белые облака.

Следя за строем, Пологов по привычке часто оглядывался на своего ведомого лейтенанта Устюжанина. О нем Павел знал мало. Тот прибыл в Черновицы незадолго до войны. Хотя училище он окончил давно, но боевых заданий еще не выполнял.

Вчера, после ознакомительного полета, Пологов предупредил Устюжанина:

– Смотри в оба! Главное – не отрывайся! И вращай на все 360, – при этом Павел выразительно похлопал ладонью по своей шее.

Сейчас он с удовлетворением отмечал, как старательно

напарник выдерживает нужную дистанцию, точно повторяя все приемы ведущего.

Пологов сверил карту с местностью. До передовой еще далеко. Высотомер показывает 2000 метров. Внизу проплывают рябоватые пятна лесов, желтые прямоугольники полей. Поблескивая, змеится голубая лента Днестра… Но что это? Линия фронта обозначилась значительно раньше, чем предполагал Павел. На земле он увидел частые всплески взрывов. Чуть слева горело небольшое село.

– Вон куда уже залез… Быстро прет, сволочь! – Павел крепче сжал ручку управления.

В это время Гамулькин покачиванием крыльев подал сигнал: «Внимание!» Набирая высоту, он увел истребителей в сторону солнца. Едва машины успели завершить маневр, как впереди замелькали немецкие бомбардировщики. Их охраняли «мессершмитты».

Павел внутренне напрягся: это была его первая встреча с фашистами.

Под прикрытием солнца Гамулькин молниеносно спикировал на головные машины противника и открыл огонь. Из носа его «ястребка» вырвались трассы крупнокалиберных пуль. Остальные истребители последовали за ним. В ответ заработали фашистские пулеметы и пушки.

Пологов поймал в прицел серо-зеленый «юнкерс». Мелькнула застекленная кабина летчиков. На фюзеляже – черный крест с белой каймой. Мгновение – и он весь в сетке прицела. Павел нажал на гашетку. Он не сомневался, что прошил цель, однако «юнкерс» только вильнул в сторону.

В ту же секунду по плоскостям истребителя хлестнул металлический дождь. Машину качнуло. Выйдя из пике, Пологов опробовал рули – работают нормально.

«Мессеры» спохватились с опозданием. Теперь они спешили связать боем наши истребители и дать возможность «юнкерсам» отбомбиться. Но вражеский строй уже нарушился. Немцы сбрасывали бомбы куда попало. Рисковать, видимо, боялись: попади во взрыватель бомбы случайная пуля – и самолет подорвется на собственных фугасках. «Юнкерсы» повернули на запад. Гамулькин продолжал их преследовать.

Между тем Устюжанин, постепенно теряя высоту, уходил куда-то в сторону.

– Что с ним? – недоумевал Павел.

Решив, что с ведомым стряслось неладное, он прикрыл его сзади. А как поступить дальше? Если тотчас же не вывести его на курс – попадет к фашистам.

«Эх, вот бы где надо радио!» – с досадой подумал Пологов.[4] Мелькнула мысль: «А что же скажут товарищи? Ведь я покидаю их во время боя». Но тут же решил: «Дома разберемся».

Павел догнал ведомого и просигналил: «Следуй за мной!»

Через четверть часа они благополучно приземлились на аэродроме.

Вскоре вернулись остальные. Тараненко был доволен: истребители вынудили «лаптежников» (так фронтовики окрестили «Юнкерсы-87» за их неубирающиеся шасси, напоминающие растопыренные ноги, обутые в лапти) убраться восвояси, не выполнив задания.

Техник принялся накладывать латки на плоскость пологовского истребителя. Павел торопливо подошел к Устюжанину. Тот вытирал перчаткой перепачканные маслом лицо и руки.

– Ты куда рванул, к немцу в лапы?

– Товарищ старший лейтенант, маслосистему пробило, мотор забарахлил. Посмотрите, – Устюжанин кивнул на самолет.

Пологов вскочил на крыло и заглянул в кабину. Приборная доска и передняя часть фонаря были залиты масляными подтеками.

– Не повезло тебе, – подбадривая товарища, посочувствовал Павел. – А я уже совсем решил, что ты ранен.

И опять подумал: «Была бы на машинах радиосвязь… Тяжело без нее».

Особое поручение

С каждым днем обстановка на Юго-Западном фронте все более осложнялась.

На участке основных сил 6-й армии, прикрывающей Львовское направление, противник за несколько суток продвинулся на тридцать – сорок километров. Отдельные наши подразделения, ведя ожесточенные схватки с превосходящими силами гитлеровцев, наносили им серьезный урон и отбрасывали врага назад. Однако из-за нарушения связи с соседями и с командованием, под непрерывными ударами фашистской авиации части Красной Армии, охваченные с нескольких сторон танковыми и моторизованными соединениями противника, вынуждены были или драться, рискуя оказаться в окружении, или отступать.

П. А. Пологов. 1985 г.

В один из таких тревожных дней в полк прилетел заместитель командующего ВВС Киевского Особого военного округа генерал-майор Т. Т. Хрюкин. Пологов слышал о нем еще до начала войны. О Хрюкине отзывались не только как о грамотном командире, но и как об отличном летчике.

Доложив генералу обстановку, Тараненко пожаловался на нехватку самолетов:

– За каждую машину чуть ли не драка…

– Знаю, все знаю! Только пойми, капитан, что ты у меня не один. Поэтому берегите то, что есть. А помочь – помогу при первой же возможности. Горючее и смазочные подбросим завтра.

Познакомив Тараненко по карте с расположением ближайших

соседей по авиагруппе, генерал затем объяснил задание истребителям. Юго-западнее Львова наше крупное соединение попало в окружение. По последним данным воздушной разведки, основные силы гитлеровцев находятся от окруженных в 50 километрах. При своевременной помощи сохраняется реальная возможность выручить людей и технику. Необходимо лишь срочно доставить туда пакет с картами и кодами.

Требовалось направить двух опытных и находчивых пилотов, потому что этот полет – задача со многими неизвестными. Генерал спросил Тараненко, кого он думает послать на задание.

– Капитана Гамулькина, – не задумываясь ответил Тараненко. – Коммунист, опытен и отважен.

– Знаю. Толковый истребитель…

– И в паре с ним – комсомольца старшего лейтенанта Пологова. Знающий летчик, орденоносец.

Капитан подозвал летчиков.

– Этот важный пакет, – обратился к ним генерал, – вы должны вручить командиру соединения. В случае неудачи – сжечь. Но думаю, что этого не произойдет. Полетите на «чайках». Им там хватит и небольшой площадки для взлета.

Будьте осторожны: не исключено, что аэродром может оказаться в руках фашистского десанта. Тогда выходите в квадрат «зет». Пароль – «Кремль», согласован до 24.00. За воздухом следят, выставлены наблюдатели и боевые охранения.

Генерал пытливо поглядел на летчиков, точно хотел убедиться, способны ли они выполнить ответственное поручение.

– Пакет должен быть вручен во что бы то ни стало. В бой не ввязываться, лететь на малых высотах в обход населенных пунктов и дорог… Задача ясна?

Он пожелал им удачи и крепко пожал руки.

Эвакуация

В первые минуты после ухода Павла Валя растерялась. Ей никогда не приходилось оставаться одной, да еще в такой опасной и сложной обстановке. Всегда рядом были мать и Павел.

Валя заметалась по комнате, машинально принимаясь то собирать вещи, то искать документы.

Земля ходила ходуном. Кругом не стихала стрельба, ухали взрывы. А Володька спал как ни в чем не бывало.

Валя схватила на руки сына и спустилась в полуподвал, где жил дворник-румын. Жена его, дородная краснощекая женщина, невозмутимо возилась возле печки. Казалось, ее не очень-то тревожит происходящее. Увидев на пороге Валю, она бережно взяла у нее с рук ребенка и уложила на кровать.

Пока женщины вполголоса разговаривали, хозяин колдовал над стареньким приемником. Наконец он поймал Москву. Передавали урок гимнастики.

И вдруг музыка оборвалась…

– Внимание! Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза!.. Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города…

Следующий день Валя пряталась в подвале трехэтажного дома, куда майор Алексеев собрал семьи авиаторов. Было объявлено, что они поедут специальным поездом, в пассажирских вагонах. Назначили день и час отъезда, выдали деньги и литерные билеты. Однако накануне отправки гитлеровцы разрушили железнодорожный узел, и план эвакуации сорвался.

Семьям летчиков объяснили, что их повезут на автомашинах до Каменец-Подольского, где будет сформирован эшелон. Но тут подстерегала новая беда: фашистские самолеты разбомбили мост через Днестр. Пришлось ждать два дня, пока саперы навели понтонную переправу.

Наконец колонна грузовых машин с женщинами и детьми тронулась из Черновиц.

Валя была в летнем платье. Она успела захватить с собой лишь документы да узелок с продуктами. Ее попутчицы находились не в лучшем положении.

За три дня Валя очень похудела. Лицо ее осунулось, светлые волосы беспорядочно падали на лоб. Весь ее вид говорил об огромном душевном потрясении.

Валины мысли возвращались к последним словам Павла: «Никуда не уходи. Жди, тебе помогут». Почему он так сказал? Значит, все они о чем-то догадывались. Просто, наверное, об этом нельзя было говорить до поры до времени, и Павел молчал.

К действительности Валю вернул истошный крик женщины:

– Немцы летят!

Сидящие впереди застучали кулаками по кабине:

– Остановите!

Скрипнули тормоза. Выскакивая из кузова, люди опрометью бросались в сторону от дороги. Испуганно визжали женщины, захлебывались в плаче дети. Шум моторов оглушительно звенел в ушах.

Валя не помнила, как выбралась из машины, как очутилась в придорожной канаве. Прикрыв своим телом хнычущего, перепуганного Володьку, она вся сжалась в клубок.

И вдруг свистящий рев самолетов прорезал чей-то ликующий возглас:

– Свои! Свои! Краснозвездные!

Все повскакивали на ноги. Шоферы подбрасывали вверх кепки, женщины махали косынками. Начальник колонны пояснил:

– Это ваши мужья послали истребителей специально для охраны семей.

А три «ястребка», покачивая крыльями, низко-низко пролетели над колонной.

В Каменец-Подольском перед отправкой эшелона Валю разыскал на перроне какой-то сержант и вручил ей записку:

– Это вам от товарища старшего лейтенанта. «Дорогая Валюша! – писал Павел. – Обо мне не беспокойся, все будет хорошо. Главное, не падай духом и береги Володьку. Если остановишься в Свердловске у сестры, то проведай наших в Тагиле. Как получишь новый номер моей полевой почты – отвечай подробным письмом. Передай всем привет. Целую, Павел».

…Сначала эшелон шел безостановочно. Но, оставив позади Днепр, он стал подолгу простаивать на запасных путях. Фашистская авиация добраться сюда не могла, поэтому на восток в первую очередь была открыта «зеленая улица» эвакуированным предприятиям. Поезда с заводским оборудованием, машинами, станками неслись навстречу потоку воинских эшелонов. Тяжелая индустрия перемещалась в тыл, чтобы оттуда снабжать фронт.

По дорогам тянулись вереницы гражданского населения, уходившего на восток. Домашний скарб везли на чем попало: на самодельных тачках, на подводах, на велосипедах и даже в

детских колясках. Телеги и арбы тащили не только клячи и костлявые быки, но и тощие коровы. Все двигалось, скрипело, клубилось пылью.

У стариков и старух, женщин и детей были такие скорбные лица, что при взгляде на них невольно сжималось сердце.

…Через месяц Валя наконец добралась до Свердловска.

«Чайки» возвращаются

Солнце стояло в зените прямо над аэродромом. Летчики обедали возле землянки, сидя на траве. В тени старого тополя, около видавшей виды двуколки, гремела мисками Анна – жена лейтенанта Королькова. Она была здесь единственной женщиной и совмещала сразу три должности: стряпухи, судомойки и официантки.

В стороне от обедающих, на самом солнцепеке, маячила фигура Тараненко. Он нетерпеливо мерил шагами поляну, то и дело подносил к глазам бинокль и безуспешно пытался скрыть свое беспокойство. Адъютант генерала уже дважды запрашивал о Гамулькине и Пологове. Капитан лаконично отвечал: «Ждем…»

– Аннушка, подбрось еще пловчику, уж очень хорош! – попросил техник Левченко.

Повариха добавила ему черпак. Когда она отошла, техник ткнул локтем Алексея Королькова и кивнул на округленную фигуру молодой женщины:

– Так кого ты все-таки ждешь? Пацана или дивчину?

– А ты что, в крестные захотел? – засмеялся Корольков и тут же добавил: – Завтра отправляю ее домой, к матери.

– Эй, чревоугодник, – окликнул техника Измоденов, – ты лучше вон туда погляди, – сощурив глаза и прижав к надбровью ладонь, он всматривался в горизонт. – Никак, наши?

Все подняли головы.

– Могу спорить, что наши. Я ж по походке вижу. Держу пари на миску плова.

На горизонте нечетко вырисовывались две серебристые точки.

– Точно они, – Тараненко не отрывал глаз от бинокля, – встречайте залетных…

– Глянь, Аннушка, как торопятся, – пошутил Левченко, – учуяли запах твоего плова. Я ж говорю, на войне главное – не отставать от кухни, иметь запасную ложку и быть в дружбе с поваром…

Едва «чайки» приземлились, как все бросились навстречу летчикам.

– Принимай, Анна Васильевна, трофей, – торжественно сказал Пологов, – а то твоя черная икра в печенках сидит.

Он развязал вещмешок, перевернул его, и на траву высыпалось несколько объемистых свертков.

Насчет икры Павел не шутил. Дело в том, что во время одного из налетов на аэродром бомба угодила в

продовольственный склад, и из всего провианта чудом сохранились лишь две бочки зернистой икры. Пока удалось наладить снабжение, питались только ею. Вначале икру ели столовыми ложками, сколько хотелось. Левченко тогда посмеивался: «Пусть икра черная, лишь бы хлеб был белый». Но скоро деликатес всем изрядно надоел. Анна развернула свертки и ахнула:

– Колбаса! Конфеты! Откуда?

– Оттуда, это подарок тебе, – весело ответил Павел.

Гамулькин отрапортовал о выполнении задания. Тараненко поблагодарил обоих летчиков.

– Спасибо! Молодцы!

…Закончился боевой день. В землянку долетал негромкий голос Левченко. Родом с Полтавщины, техник любил песни. Мягким, приятным тенорком он усердно выводил:

Дывлюсь я на небо
та й думку гадаю…

Из глубины землянки доносился богатырский храп Ивана Измоденова. Устав после дежурства, он сразу завалился спать.

В проходе и на земляных выступах, заменяющих нары, набросаны охапки свежескошенного сена. Его запах успокаивает и чуточку пьянит. На ящике из-под снарядов чадит гильзовая коптилка. При ее колеблющемся свете по бревенчатому потолку скачут тени.

Пологову не спится. Закинув руки за голову, он лежит, устремив вверх немигающий взгляд. Мысли его сейчас не здесь. Они там, далеко, с Валей и Володькой. Где они? Что с ними? Как им приходится без него? Он прикидывает, через сколько дней, если все будет обстоять благополучно, они смогут добраться до Урала. По его расчетам выходит, что не позже чем через две недели…

Горькие будни

Выйдя на рубеж Сарны – Житомир – Бердичев – Каменец-Подольский и Могилев-Подольский, гитлеровцы стремились в кратчайший срок овладеть Киевом. Кровопролитные, напряженные бои шли непрерывно.

В середине июля авиагруппа Тараненко перебазировалась в район Винницы.

Несмотря на нехватку самолетов, Пологову везло на боевые вылеты. Выпадали дни, когда ему приходилось по три, а то и по четыре раза покидать землю. Он чувствовал, что небо ему покорилось, стало родным. Павел все более обретал уверенность в своих силах. Совершенно свободно он мог по поведению самолета примерно определить скорость. На приборной доске его глаза не задерживались – достаточно было беглого взгляда. Слух улавливал малейшие колебания в шуме мотора. Основное внимание он уделял наблюдению за воздухом и землей.

Павел часто видел колонны отступающих частей Красной Армии и толпы беженцев. Это действовало угнетающе. В такие минуты он казался себе маленьким и бессильным. И каждый раз в душу закрадывалось мучительное беспокойство за судьбу родной земли, за судьбу Вали и сына. До сих пор ему ничего не было известно о них.

…Истребители снова готовились перебазироваться. На этот раз курс лежал на Умань, где авиагруппе предстояло влиться в новый полк…

Разгулявшийся к вечеру ветер принес удушливый запах гари и жженой резины. Серые сумерки, быстро сгущаясь, окутывали аэродром. Где-то на юго-западе шел бой: не смолкали глухие орудийные раскаты, вспыхивали далекие зарницы.

Неожиданно на аэродроме услышали тарахтение автомашин, доносившееся с большака, примерно в километре от летного поля. Тараненко послал шофера узнать, в чем дело.

В ту же минуту из лесосеки, гремя снаряжением, выбежали разрозненной вереницей красноармейцы. Они пересекали аэродром по направлению к тракту.

– Что случилось? – крикнул Пологов.

– К Виннице прорвались танки! – запыхавшись, ответил кто-то.

– Наши отступают! – выпалил возвратившийся шофер. – Надо сматываться, пока не поздно.

– Отставить панику! Все остаются на местах! Объявляю готовность номер один! – скомандовал Тараненко.

Началась торопливая подготовка к перелету. Около командирского самолета, основательно изрешеченного в последнем бою, возились техники и мотористы: никак не могли наладить зажигание. При запуске двигатель не подавал признаков жизни. Старший техник еще днем доказывал капитану, что машину надо разобрать на запасные части, но тот распорядился во что бы то ни стало ее восстановить.

– И без того не на чем летать, – отрубил он.

Медленно тянулись минуты. Нервы были взвинчены до предела. Однако прошел час, другой, и отдаленный гул боя стих.

До полуночи никаких дополнительных сведений о немецких танках не поступило. Очевидно, они двигались где-то стороной.

С молчаливого согласия командира летчики вылезли из кабин, размяли уставшие ноги и, покуривая, расположились под плоскостями.

– Вроде пронесло, – подошел к Пологову Тараненко. – Полетим часа в три. В это время земля уже просматривается.

Павел спросил, готова ли машина.

– Левченко обещает отладить к утру, – капитан выдержал паузу. – Тебе придется остаться: я полечу на твоей машине. Сам понимаешь, почему оставляю именно тебя. Другого выхода нет.

Пологов передал свой И-16 командиру и пошел помогать Левченко.

Когда на востоке высветилась узкая полоска горизонта, Тараненко скомандовал:

– По местам!

На разные голоса взревели моторы, и сплошной гул огласил окрестности.

Самолеты вырулили на старт. Тараненко помахал Павлу рукой и закрыл фонарь кабины.

Пологов, Левченко, моторист и шофер молча проводили глазами взлетающие самолеты. Едва те скрылись из виду, аэродром покинули и технические службы. За ними потянулись бензозаправщики и грузовик с боеприпасами.

И снова над полем повисла тишина. Павел поторапливал Левченко, а тот, копаясь в моторе, что-то недовольно ворчал. Минут через десять моторист, крутанув лопасть, отбежал в сторону. Двигатель заработал. Вращающиеся лопасти пропеллера постепенно теряли свои очертания и сливались в прозрачный диск.

Придирчиво прислушиваясь к ровному урчанию мотора, Пологов вывел машину на старт. Упругий ветер от винта пригибал траву к земле. Самолет слегка качнулся и покатился по полю, набирая скорость. Взяв разбег, он плавно оторвался от

взлетной полосы.

Как условились с Левченко, Павел должен был сделать несколько кругов и, если двигатель будет работать нормально, подать сигнал. Но, торопясь наверстать упущенное время, Пологов на втором заходе качнул крыльями и взял курс на юго-восток.

Высота тысяча метров. Здесь уже совсем светло.

«А кто-то из нас завтра, может быть, не увидит восхода солнца. Война есть война», – с грустью подумал Павел.

Сверху земля походила на гигантский макет: темно-зеленые массивы, рассеченные желтыми пятнами полей; сверкающая полоска реки и вдоль нее – аккуратные, почти игрушечные кубики домов. Совсем мирная картина. Но тут же Пологов заметил на серой дороге три перевернутых грузовика. Это – уже война. Она не оставляет следов в небе. Даже после самого ожесточенного воздушного боя пороховой дым вскоре рассеивается. А сбитые самолеты огненными свечами врезаются в землю, оставляя на ней рубцы и шрамы.

На полетной карте красным крестиком помечено новое место расположения авиаполка. По расчетам, Павел вот-вот будет у цели. Далеко впереди острый глаз летчика различил несколько маленьких сверкающих точек. Они отрывались от земли и, словно плавясь, таяли в лучах солнца. Это взлетали «ястребки».

Вдруг Пологов уловил в шуме мотора какие-то фальшивые нотки. Стрелка высотомера внезапно поползла вниз. Высота – шестьсот метров. Соседний прибор показал, что давление масла снизилось. «Перегрев. Надо торопиться». Высота – четыреста метров. Стрелка продолжает опускаться. Двигатель залихорадило. В его мерный рокот ворвались резкие перебои.

Павел понял, что до аэродрома ему не дотянуть. Он до предела нажал сектор газа. Не помогло. Стрелка упрямо приближалась к нулю. Бросить самолет жаль, да и поздно: высота не позволяет. План действий созрел мгновенно: «Немедленно садиться!» Слева – река, справа – лес, впереди – сады.

«Туда, на сады, где деревья пореже. Шасси не выпускать – планировать на «живот».

Мотор почихал и совсем заглох. Противная тишина ударила в уши. Винт вращался вхолостую от встречного потока воздуха.

«Главное – не терять горизонт».

Самолет несло вниз. Казалось, что небо наваливается сверху огромным, страшным грузом. Павел автоматически убрал газ, выпустил тормозные щитки, но тут же подумал, что сейчас все это не имеет значения…

Неужели отлетался?

Перед глазами Павла замельтешили деревья, сливаясь в сплошную массу. По плоскостям забарабанили ветки. Перед носом машины взметнулось зеленое месиво с комьями земли. Опасаясь удара, Пологов свободной рукой схватился за борт кабины. Сильный толчок подбросил его с сиденья, привязные ремни врезались в плечи. Раздался треск. Павел с размаху ударился грудью и подбородком о приборную доску. Самолет проутюжил фюзеляжем землю и, зацепившись крыльями за деревья, свалился набок. Облако пыли заволокло кабину.

Ощутив во рту кровь, Пологов сплюнул. Вместе с темно-красными сгустками изо рта вылетел зуб.

Откуда-то повалил дым, запахло гарью. Павел выбрался на плоскость. Лопасти винта были погнуты, крылья покалечены. Вокруг бензобака плясали огненные змейки. Тушить нечем. Пологов попытался забросать огонь землей, но только исцарапал пальцы. А пламя добралось уже до боекомплекта. Еще немного и – машина взлетит в воздух.

Павел метнулся от самолета и побежал, продираясь сквозь ветки деревьев, беспощадно хлеставших его по лицу. Запнувшись, упал. И в ту же секунду грохнул взрыв…

С аэродрома следили за падающим самолетом и снарядили к месту аварии санитарную автомашину.

* * *

…Пологов опять ходил в «безлошадных». В Нижний Тагил он писал, что изменился номер его полевой почты, что оформил аттестат на семью, и просил старшую сестру Марию, если Валя уже приехала, помочь ей с устройством. О своих делах не распространялся, ограничился словами: «Деремся, остальное узнаете из газет…»

Больше недели Павел ждал, когда ему дадут машину.

Наконец прибыл из ремонта И-16. Пологов опробовал самолет и ознакомился с районом боевых действий.

На очередное задание он взял ведомым Королькова. Два звена истребителей вылетели на прикрытие моста через Днепр. Днем и ночью через него тянулись отступающие войска, техника, беженцы. Дальние подступы к Днепру охраняли зенитные батареи и истребители соседнего полка, за ближние – отвечала группа Тараненко. Гитлеровцы во что бы то ни стало стремились

помешать отходу советских частей и рассчитывали неожиданными налетами уничтожить переправу.

Пропатрулировав полчаса над мостом, шестерка истребителей собиралась уже возвращаться на базу, как вдруг встретила немецких бомбардировщиков. «Юнкерсам» все-таки удалось прорваться сквозь плотный огонь зениток. Истребители ринулись на врага. Атака была настолько стремительной, что фашисты растерялись и, наобум высыпав бомбы, повернули назад. Спасаясь от преследования, они яростно отстреливались.

Разворачивая самолет, Павел огляделся. Его охватило беспокойство: где же Алексей Корольков? Но разыскивать ведомого не оставалось времени – кончалось горючее.

Приземляться пришлось с ходу. Однако вырулить на стоянку не удалось: мотор заглох.

– Баки сухие, – сочувственно встретил Пологова техник.

Тот лишь отмахнулся:

– Алексей не появлялся?

– Пока нет, – ответил техник, – говорят, последним его Измоденов видел.

Павел разыскал Измоденова. Иван неопределенно пожал плечами и сказал, что ему показалось, будто одна из наших машин на малой высоте ушла в сторону передовой. Может, ошибся…

До позднего вечера звонили в соседние авиаполки и дивизии, связывались с командирами наземных войск. Никаких сведений о Королькове не поступало. Через сутки записали: «Пропал без вести». А Павел еще несколько дней заходил в штаб полка и вопросительно смотрел на писаря. Но тот каждый раз отрицательно мотал головой.

И лишь спустя полмесяца случайно стало известно, что самолет И-153[5] под номером 19 разбился недалеко от линии фронта. Летчика не нашли.

…Шли дни. Сводки приносили безрадостные вести. Полк часто перелетал с одного аэродрома на другой. Позади остались Винница, Умань, Фастов, Белая Церковь, Киев… Теперь авиаотряд Тараненко базировался на левом берегу Днепра, в двадцати километрах от Днепропетровска.

Вылеты сменялись дежурствами, бои – подготовкой к вылетам. Короткие передышки между боевыми заданиями, тревожный сон ночью и снова – готовность номер один. Так проходили сутки. Редкий день не приносил потерь. Не возвращались с операций люди, все меньше оставалось самолетов.

Рано утром 30 августа на КП вызвали двенадцать летчиков.

Командир разъяснил задачу. По донесению воздушной разведки, на аэродроме между Первой и Второй Знаменками час назад приземлилась группа фашистских машин. Приказано немедленно, пока немцы не успели заправиться, уничтожить их. Ведущим назначался старший лейтенант Пологов.

Репродукция с картины художника Г. Г. Нисского «Подвиг Героя Советского Союза П. А. Пологова». Нижнетагильский краеведческий музей

…Истребители свалились на противника как снег на голову. Пологов отчетливо видел аэродром. Самолеты выстроились рядами, точно на выставке. Среди «мессершмиттов» выделялись крупные силуэты бомбардировщиков.

Первая атака. В отвесном пикировании «ястребки» друг за другом понеслись вниз. Глаза Павла впились в прицел: «Только бы не промазать».

Три крайних «мессершмитта», словно стрекозы, задвигались и поползли со стоянок на взлетную полосу. Один из них попал в перекрестье прицела, и Пологов мгновенно нажал на гашетки. «Прочесав» весь ряд свинцовой очередью, он взмыл вверх. На земле запылали самолеты.

«Почему-то молчат зенитки…» Только Павел подумал об этом, как сразу же вокруг заклубились разрывы: несколько батарей долбили небо.

После второго захода Пологов вышел из пике и набрал высоту. Истребители пристраивались к лидеру, принимая боевой порядок. Павел глянул вниз. По всему полю полыхало пламя. Черные клубы дыма заволакивали аэродром.

Неожиданно мощный удар в нижнюю часть кабины подбросил «ястребок». Пологов почувствовал обжигающую боль в левой ступне, нога будто омертвела. Тут же он обнаружил, что заклинило руль поворота. В таком положении летчик не может свободно маневрировать. Даже простейшего виража он уже не в состоянии выполнить. Остается одно – лететь по прямой. Но и это выручит лишь в том случае, если есть достаточный запас высоты.

На приборе – тысяча двести метров. «Главное – выйти из зоны обстрела. Хорошо, что не задело мотор, работает отлично», – размышлял Павел, а руки тем временем делали свое дело. Покинув опасный квадрат, он оглянулся. Его настигали два самолета. «Немцы! Заходят с двух сторон. Хотят взять в клещи»! Пологов развил предельную скорость и выбирал момент, чтобы использовать последнюю возможность – уйти от преследователей на бреющем полете.

Самолеты приблизились, и Павел ясно увидел на фюзеляжах знакомые номера: 21-й и 137-й. Свои! Это же Измоденов и Устюжанин! На сердце отлегло.

«Ястребки» находились совсем рядом. Павел даже различил лицо Устюжанина. Тот сочувствующе кивал головой, словно говорил: «Ну и досталось же тебе! На чем только летишь?»

Резкая боль в Ступне напомнила о ране. Пологов попробовал шевельнуть ногой и ощутил, как в сапоге захлюпала кровь. «Неужели рана опасная? – в отчаянии подумал он. – Тогда какой же я летун?»

На подходе к аэродрому Устюжанин вырвался вперед и, сделав круг, приземлился. Измоденов оставался на высоте, ожидая, пока сядет Павел.

Едва колеса пологовского самолета коснулись земли, как машину затрясло и она начала подпрыгивать на малейших неровностях.

Павел услышал металлический треск ободьев. «Покрышки побиты», – определил он.

Клюнув носом, «ястребок» замер. Только теперь Пологов почувствовал сразу овладевшую им слабость. С ревом примчалась санитарная автомашина. Чьи-то руки откинули фонарь и помогли раненому летчику выбраться из кабины.

– Спасибо, ребята! – только и вымолвил Павел.

Опираясь на плечи товарищей, он оглянулся на свою изувеченную машину. Ее уже осматривали техники. В правой консоли зияла большая дыра. Везде болтались лохмотья перкали, виднелось множество пробоин.

Когда военврач Коломийцев уложил раненого на носилки и, разрезав голенище сапога, накладывал на ногу жгут, чтобы остановить кровотечение, Павел услышал голос инженера полка:

– Не самолет, а утильсырье – живого места нет. Непостижимо, как ему удалось дотянуть. Рули поворота и глубины не годятся ни к черту, стабилизатор побит, фюзеляж изрешечен… Словом, ремонту не подлежит. Мотор и приборы – разобрать на запчасти.

За тридевять земель…

В медсанбат Пологов попал впервые. За всю военную жизнь – ни на Халхин-Голе, ни на финском фронте – его ни разу даже не царапнуло. Товарищи иногда поговаривали: «Тот, кто не был подбит, не может стать настоящим истребителем». Павел не признавал такого правила. И вот он не только подбит, но не может и шагу ступить без костыля.

Когда Коломийцев чистил рану, Павел, стиснув зубы, терпеливо молчал. А после перевязки он так посмотрел на врача, что тот все понял.

– Подождем еще денек, – снимая резиновые перчатки, неопределенно высказался врач.

Лежа в медсанбате в пяти километрах от полка, Пологов не пропускал случая разузнать о боевых делах друзей. Утешительного было мало. Фашисты обнаружили аэродром и уже дважды бомбили его. Хотя обошлось без серьезных потерь, командир авиагруппы получил разрешение перебазироваться на новое место.

Павла не переставал тревожить вопрос: сможет ли он летать? Ступня посинела и распухла.

– В ноге, видимо, глубоко сидит осколок, – заключил Коломийцев. – Нужна операция в стационарных условиях. Я не берусь…

На санитарном самолете Павла отправили в Харьков.

Госпиталь помещался вблизи тракторного завода, в бывшей школе.

Гитлеровцы почти ежедневно бомбили город. Во время бомбежек здание госпиталя слегка вздрагивало, окна звенели. В палатах вылетали стекла, хотя и были оклеены бумажными полосками. Медицинский персонал не успевал обрабатывать раненых, поступающих с фронта. Сюда же доставляли и пострадавших харьковчан.

При утреннем обходе главный врач предупредил Павла, что после обеда его будут оперировать. Но все непредвиденно изменилось: в полдень поступил приказ о срочной эвакуации Харькова. Госпитали и детские учреждения отправлялись в первую очередь.

…На седьмые сутки вдали вырисовались предгорья Южного Урала.

Пологов стоял у открытого вагонного окна. Залетавший ветер шевелил его светло-медные, коротко подстриженные волосы. Голубые глаза были утомлены, лицо побледнело от большой

потери крови. Павел опирался на костыли, и его обычно подтянутая фигура как-то поникла, словно надломилась.

Поезд остановился у вокзала. Оренбург.

Несколько лет назад Пологова провожали сюда мать, старшая сестра Мария и братишка Юрий. Отсюда начался его «путь в небо». Здесь его подстригли, обмундировали.

До приезда в Оренбург Павел, после окончания школы ФЗО, работал слесарем в доменном цехе Нижнетагильского завода имени Куйбышева. По рассказам старожилов, это предприятие выросло из бывшего демидовского железоделательного завода. До Павла здесь трудилось несколько поколений Пологовых.

В довоенные годы молодежь по призыву комсомола устремилась в авиацию. Павел долго и настойчиво упрашивал инспектора отдела кадров направить его на медицинскую комиссию. Но вместо этого ему выдали справку с места работы, с которой он и явился в военкомат.

Капитан, член комиссии, оглядел юношу с ног до головы и попросил документы. Павел предъявил справку.

– Это не та бумажка, – сказал капитан.

– Я летчиком стать хочу.

Капитан добродушно улыбнулся и посоветовал подождать три месяца до нового набора.

Пришлось ждать. Мать осталась довольна таким исходом. Павел был в семье самым старшим, и она всегда беспокоилась за него, зная его непоседливый и отчаянный характер. Павлу бывало жаль мать. Он частенько появлялся на пороге с исцарапанным лицом и с синяками. Евдокия Никаноровна всплескивала руками, украдкой крестилась и причитала:

– Как же это ты опять, сыночек? Вот и Юрик, глядя на тебя, начнет…

– Ладно, не буду, – обычно успокаивал Павел. Но проходил день-другой, и все повторялось.

Как-то по дороге домой ребята завернули на речку. Выкупавшись, затеяли соревнование: кто глубже нырнет. Павел прыгнул последним, друзья уже одевались на берегу. Видя, что он долго не всплывает, они заволновались. Но вот на поверхности воды показались пузыри, затем кровяные круги, а следом и пловец. Он нырнул так глубоко, что ударился головой о камень и раскроил лоб. Рана нестерпимо ныла, но Павел улыбался: он все-таки победил.

Однажды Евдокия Никаноровна проходила мимо завода.

– Глянь-ка, Авдотья! – показали ей на высоченную заводскую трубу. – Сынок-то твой какой ловкач!

Там, почти на самом верху, Павел, привязанный ремнями,

укреплял трубу железными обручами. Вечером мать плакала и сетовала. Сын, как мог, утешал ее и обещал впредь по трубам не лазать.

К огорчению Евдокии Никаноровны, пришел срок, когда Павел уехал в Свердловск на медицинскую комиссию. Заключение было положительное. Юноша чуть не плясал от счастья. Однако радость оказалась недолгой. Кто-то из призывников узнал, что из них будут готовить авиатехников. А это значит служить на земле и забыть про небо. Не о том мечтал Пологов. На повторной беседе с членом комиссии он настаивал, чтобы его зачислили в летную школу, но вакантных мест не было. В утешение снова посоветовали ждать.

Но осенью Пологова вызвали в управление завода и вручили повестку в военкомат. Спустя сутки в кармане у него лежало направление в Оренбургскую летную школу. Мечта сбылась: он курсант.

Быстро миновали годы учебы, и в числе пятидесяти лучших выпускников школы молодого летчика приняли в Борисоглебское училище истребительной авиации. Павел пришел в восторг, когда впервые увидел военный самолет И-16. Тревожила лишь одна мысль: сумеет ли он на нем летать, справится ли?

При первом же испытании Павел потерял ориентировку, развернув машину на 360 градусов. Она оказалась очень чувствительной в управлении. Пришлось доложить инструктору, что «курсант Пологов задание не выполнил». Однако тот не согласился:

– Как то есть не выполнили? Выполнили! Только допустили серьезную оплошность. Идите, продумайте свои ошибки и доложите руководителю полетов.

Павел до вечера не покидал летного поля, пока не получил разрешения на повторный полет. На сей раз все получилось более удачно. Замечаний не было.

А через год Пологов с удовлетворением читал последнюю запись в своей летной книжке:

«К занятиям готовится методически и серьезно. Техника пилотирования на самолете И-16 хорошая. Штурманское дело освоил отлично. В воздухе спокоен, находчив, летает уверенно. Летных происшествий не имеет. Волевые качества развиты. Трудолюбив, инициативен и настойчив. Дисциплинирован. В обращении вежлив, тактичен».

Вывод гласил: «Для самостоятельных полетов на боевом истребителе подготовлен отлично…»

…От воспоминаний Пологова отвлекли звонкие удары станционного колокола. Мимо пропыхтел воинский эшелон.

В тот же вечер Павел отправил из госпиталя домой письмо, которое настрочил еще в вагоне.

А на следующий день ему сделали операцию. Хирург извлек из ступни окровавленный осколок и подарил летчику «на память».

– И танцевать, и летать будете за мое почтение, – ободрял он.

Врач оказался прав. Наступил день, когда у Пологова сняли швы и сестра-хозяйка приняла от него один костыль. Но на этом радостные события не закончились. В обед в палату впорхнула молоденькая медсестра, пряча руки за спиной с необычайно таинственным видом. На ее пухлых губах играла лукавая улыбка.

– Сегодня сразу три счастливчика, – объявила она и передала Павлу письмо. Он взглянул на адрес: знакомый почерк. Вот оно, долгожданное известие от Вали! Из прямоугольного конверта выпали фотография и белые листки. Пологов жадно разглядывал снимок. На него смотрели два дорогих лица: трехлетний Володька сидел на Валиных коленях с медвежонком в руках.

На тетрадном листе карандашом был изображен силуэт Володькиной ручонки с растопыренными пальцами. Надпись, сделанная Валиной рукой внизу: «Папе от сына», умилила Павла.

«Если бы ты видел своего Володьку… – писала жена. – Он все больше и больше становится похожим на тебя. Уже совсем хорошо разговаривает. Я часто показываю ему твою фотокарточку. Он тычет в нее пальцем и говорит: «Мой папа».

Фотография и тетрадный листок пошли по палате.

– Товарищ старший лейтенант, послушайте, – показывая фронтовую газету, обратился к Павлу сосед по койке, – стихотворение Константина Симонова. Прямо, как по заказу, для вас сочинено:

За тридевять земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит.
Испытанный судьбой,
Я верю, мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

– Нравится?

Павел кивнул:

– Хорошо!..

– Сколько сыну-то?

– Три годика. В октябре тридцать восьмого родился.!

…Пока фотография ходила по палате, Пологов перечитывал письмо. Валя коротко написала обо всем, что пережила за время разлуки: о бомбежках в пути, о страхе потерять сына и тревоге за

его, Павла, судьбу. Сообщила о своем намерении приехать его проведать.

– Жена – блондинка? – приподнялся с подушки капитан-танкист. И сокрушенно добавил:

– Тебе, брат, позавидуешь. А вот о моих – ни весточки. Я б на твоем месте давно попросился долечиваться дома. До Тагила-то рукой подать…

Пологов уже сам подумывал об этом, а после совета капитана решил действовать безотлагательно. Тут же он написал Вале ответ и предупредил, чтобы в госпиталь не приезжала.

А вечером того же дня Павел встретил командира батальона аэродромного обслуживания майора Алексеева. Последний раз они виделись три месяца назад, перед тем как авиаполк покинул Черновицы. Майор остался тогда в городе эвакуировать семьи комсостава.

Алексеев опирался на костыли: из-под халата виднелась только одна нога.

– Пологов? – обрадовался он. – Вот так встреча!

На какой-то миг его глаза вспыхнули, но сразу же погасли. Однополчане горячо пожали друг другу руки.

– Цела? – майор костылем указал на забинтованную ногу Павла. – А меня, видишь, как долбануло… – Он отвернул полу халата. По самое колено нога была ампутирована. – Уже протез заказан. Пойдем ко мне в палату, – позвал он.

Встреча расстроила Павла. Майор рассказал, что его ранило в июле под Фастовом. Снаряд разорвался в пяти шагах от него, и ноги как не было. Больше всего майора удручало, что теперь, он выбыл из боевого строя, и Павел утешал его, как мог. Разговор получился не из веселых.

После этой встречи собственное несчастье казалось Пологову менее тяжелым, чем раньше.

На побывке

…В серой шинели, с вещевым мешком за плечами, опираясь на костыль, Пологов вышел на привокзальную площадь Свердловска. Попутчик-летчик настойчиво приглашал его в гости, но Павел, поблагодарив, отказался.

Хлопьями валил мокрый снег и тотчас таял. Ноги вязли в слякоти. Мимо спешили люди с озабоченными и усталыми лицами. По трамвайному кольцу, трезвоня, пробирались красные вагончики. На остановке Павел спросил, какой номер идет на Уралмаш, и сел в трамвай.

Декабрь сорок первого выдался на редкость суровым. Но люди переносили морозы так же терпеливо, как и все невзгоды войны. Они жадно слушали сводки Совинформбюро, радостно обсуждая сокрушительный удар, нанесенный гитлеровцам под Москвой.

Парад на Красной площади 7 ноября и первый крупный разгром врага окрыляли, удваивали силы, вселяли уверенность в скорой победе…

Как ни приятен был домашний уют, Пологову не терпелось побыстрее пройти медицинскую комиссию и вернуться на фронт. С костылями он уже расстался, однако врачи предписали еще месячный срок лечения «до полного выздоровления». Четыре недели Павел ходил в госпиталь на перевязки.

Новый год Пологов встречал в Нижнем Тагиле, в кругу семьи, куда приехал с Валей и сыном. В краткосрочный отпуск прибыл муж сестры Марии – Иван Варламович, воевавший на флоте. За столом собрались почти все родственники, кроме младшего брата – Юрия. Тот закончил школу танкистов и служил в запасном полку в Челябинске. К празднику прислал домой поздравительное письмо: сетовал, что на фронт пока не отпускают.

Характером Юрий пошел в отца и старших братьев: такой же упрямый, уверенный в себе и боевой. Эти черты, видимо, по наследству передавались из одного поколения Пологовых в другое. Отец, Андрей Иванович, большевик, воевал в гражданскую против Колчака и погиб. Старший брат, Михаил, тоже большевик, в отряде Блюхера сражался с белыми бандами атамана Дутова. Белогвардейцы, захватив его, раненного, в плен, замучили до смерти. После гражданской войны лишь один Иван Варламович, муж старшей сестры Марии, опекал Пологовых, помогал Евдокии Никаноровне поставить детей на ноги.

…В последнюю ночь перед отъездом из дому Павел проснулся оттого, что Валя громко вскрикнула.

– Ты… ты здесь? – взволнованно шептала она, торопливо трогая его руками.

– Что с тобой, Валюша?

– Ой, какой страшный сон мне приснился. Будто твой «ястребок» один в небе, а фашисты окружили его со всех сторон. Ты к земле – они за тобой. Бегу следом, кричу: «Прыгай, Паша, прыгай!» Кричу что есть силы, а духу не хватает, голоса своего не слышу. Вдруг у твоего «ястребка» отваливается крыло. Ты падаешь на землю. А со мной ужас что: хочу быстрее туда, где упал самолет, – ноги еле-еле двигаются. Я завопила из последних сил и… проснулась.

– Чертовщина какая-то, – улыбнулся в темноте Павел. – Володька спит?

– Спит.

– Ну и я вздремну. А ты закрой глаза и досмотри сон до конца, что там дальше будет. Проснусь – расскажешь.

В комнате мерно тикал будильник.

Штурман полка

Два месяца, проведенных в родном городе, пролетели незаметно. В управлении кадров военно-воздушных сил Пологову предложили заняться подготовкой курсантов в военном училище истребительной авиации.

– У вас богатый опыт, воюете с тридцать девятого на всех типах машин. Орденоносец. Кому, как не вам, учить молодых? – убеждал полковник из управления кадров, перелистывая личное дело Пологова.

Павел отказался. На следующий день разговор о работе в училище возобновился. Пологов настаивал на своем: он просился на фронт.

– До высшего командования дойду, а в тылу не останусь! – заявил он.

Неизвестно, чем бы закончилась эта стычка, если бы не распахнулась дверь и в кабинет не вошел подполковник с голубыми петлицами летчика.

– Товарищ полковник, по вашему вызову подполковник Мазуркевич явился!

Подтянутый, круглолицый, с живыми черными глазами, он произвел на Павла приятное впечатление. На вид ему можно было дать лет тридцать – тридцать пять, хотя волос на голове оставалось уже немного: они обрамляли лишь виски и затылок.

– Присаживайтесь, – полковник указал вошедшему на стул. – А вам, старший лейтенант, даю еще сутки на раздумье.

Он сухо распрощался…

К удивлению Пологова, разговор на следующий день состоялся короткий. Его назначили штурманом 737-го истребительного авиаполка. Командиром оказался тот самый подполковник Мазуркевич, с которым они встретились в кабинете.

Новому штурману сразу же пришлось с головой окунуться в заботы. Предстояло организовать прием молодого пополнения, состоящего в основном из выпускников авиаучилищ, наладить боевую подготовку. Одновременно требовалось срочно получить и доставить с авиазавода самолеты самой последней конструкции – ЛаГГ-3. У новых истребителей был грозный вид и хорошая скорость. В отличие от И-16 на них кроме пулеметов имелась тридцатисемимиллиметровая пушка.

Давно Пологов не садился в самолет. Поэтому, когда выкраивалось время, он не упускал случая отправиться на завод и пригнать оттуда очередную машину. Приятно было перед стартом

по старой привычке держать рули управления, прикасаться к переключателям и тумблерам, ощущать свежий запах краски, слушать ровный гул мотора.

Пологов согласовал с командиром и комиссаром полка план занятий. Принималось во внимание, что в инструкциях и наставлениях, выпущенных еще до войны, многое существенно устарело. Используя фронтовой опыт, штурман вносил кое-какие изменения.

Немало времени отводилось стрельбам по наземным и воздушным целям. Ежедневно летчики упражнялись в попадании по конусу. Чем больше в нем пробоин и кучнее их расположение, тем выше результат. В помощь себе штурман привлек фронтовиков, возвратившихся в строй после ранения. Старший лейтенант Виктор Калинин отшлифовывал с летчиками технику пилотирования. Лейтенант Алексей Урядов проводил учебные воздушные бои. При этом обычно присутствовали командир полка Мазуркевич и Пологов.

Бои с условным противником Пологов иногда проводил сам. Молодые пилоты старались на больших скоростях атаковать штурмана сзади. Но тот, сделав одну-другую фигуру высшего пилотажа с переворотом и пикированием, неизменно повисал в хвосте у своего преследователя, а потом, уже на земле, терпеливо объяснял летчику его ошибки.

Павел старался использовать учения и для самопроверки. При вертикальных маневрах на высоких скоростях и при отвесном пикировании у него непривычно темнело в глазах, внутри словно что-то обрывалось, ломило шею и поясницу. И тем упорнее он повторял приемы, пока не убедился, что перегрузки стали переноситься легче.

Капитан Хасан Салахов знакомил молодежь с внешними признаками и тактико-техническими данными немецких самолетов. Это нужно было хорошо знать молодым пилотам, ибо иногда случалось, что летчики-истребители, слабо знавшие вражескую технику, обстреливали свои бомбардировщики Су-2 и Пе-2, принимая их за немецкие.

– Как для перелетной птицы, так и для пилота ориентировка в небе – основа, – часто повторял Пологов. И щедро делился своими знаниями по штурманскому делу, которое в истребительной авиации имеет свои особенности. – У летчика-истребителя много сложных обязанностей. Он одновременно и пилот, и стрелок, и штурман. Ему приходится изучать район полетов так внимательно, чтобы, не прибегая к карте, опознавать ориентиры по их характерным особенностям.

На одном из занятий Пологов рассказал случай,

происшедший с фашистским летчиком на фронте.

Как-то на нашу фронтовую посадочную площадку внезапно приземлился немецкий самолет Ме-109. Фашистский летчик был потрясен, узнав, что очутился на советском аэродроме. На допросе он показал, что ему поручили патрулировать над одним пунктом. Летчик набрал высоту, но сразу же потерял ориентировку. И в результате – прибыл к нам…

Пологов повторял способы восстановления ориентировки: как выходить на линейный ориентир по солнцу; как ориентироваться, учитывать курс и скорость, выходя из боя или преследуя противника; как опознавать местность при помощи компаса, имея в виду влияние на него Курской магнитной аномалии. Там, где можно, штурман посоветовал прибегать к простому способу: ориентироваться по расположению церквей. Они всегда обращены входом на запад.

В мае 1942 года подполковник Мазуркевич доложил о готовности 737-го авиационного истребительного полка к вылету на фронт…

Между городами Тулой и Мценском затерялась крошечная железнодорожная станция Плавск. Здесь вступили в соприкосновение с противником две эскадрильи истребителей 737-го авиаполка.

Благодарность комдива

Вылетев на разведку, капитан Хасан Салахов и его ведомый обнаружили на шоссейной дороге Брянск – Орел большое скопление немецких автомашин и повозок. На обратном пути летчики напоролись на трех немецких истребителей, сопровождавших восемь «юнкерсов». Завязалась схватка. Фашисты, видимо, имея малый запас горючего, пытались уйти. После двух удачных атак Салахов поджег «мессершмитт», который со снижением ушел на запад.

Машины обоих разведчиков были изрядно пощипаны и требовали срочного ремонта. Получив точные сведения о фашистской колонне, Мазуркевич приказал Пологову вести два звена на штурмовку противника.

Кроме опытных истребителей Урядова, Сорокина и Кучеренко Павел взял с собой двух молодых летчиков – Тарасова и Харченко. С высоты 2500 метров, они обнаружили вражескую колонну. В первый момент Пологов удивился – автомашины и повозки не двигались. Спустившись ниже, он разглядел, что фрицы захвачены на привале. Одни толпились у походных кухонь, другие, раздевшись и развесив по кустам белье, принимали солнечные ванны.

Грянули огненные залпы с неба. Истребители спикировали и прочесали колонну от головы до хвоста. Гитлеровцы заметались. Летчики сделали еще по два захода. Оставив боезапас на случай воздушного боя, Пологов вихрем пронесся над дорогой. Там царила неописуемая паника. Машины перевертывались в кюветы. Взбесившиеся кони с опрокинутыми повозками мчались к оврагу. По полю метались ошалелые полураздетые фрицы.

Вернувшись на аэродром, Павел доложил:

– Штурмовка оказалась на редкость удачной. Уничтожено и повреждено примерно 30 автомашин и 50 подвод. Убито много фашистов.

Вечером, подводя итоги дня, штурман наставлял молодых пилотов:

– Не обольщайтесь легкими победами. Штурмовки, подобные сегодняшней, бывают очень редко.

Летчики сидели на траве, разложив перед собой планшеты с картами.

– На завтра получено задание посерьезнее и посложнее, – продолжал Пологов. – Силами полка мы должны сопровождать «илы» на штурмовку аэродрома у Орла и сами принимать участие в уничтожении противника. Известно, что на Орловскую авиабазу

перелетела мощная группа бомбардировщиков Ю-88. Мы идем первым эшелоном. Ведущий – командир полка. Нас поддерживают истребители соседнего подразделения, которые завяжут бои с немецкими истребителями.

Подошел Мазуркевич в сопровождении комиссара Копцова. Командир полка объяснил, почему обязанности распределены таким образом. Этот тактический прием – ответ на вражескую уловку. Она заключается в том, что противник обычно высылает вперед «мессеров», которые навязывают бой нашим истребителям и уводят их в сторону от намеченной ими цели. Затем появляются «юнкерсы» и безнаказанно принимаются за свою разбойничью работу…

Потом Пологов рассказал о другой уловке фашистов. Их зенитчики обычно так распределяют заградительный огонь, чтобы заставить наши самолеты отойти в район, наиболее насыщенный зенитными установками. Например, они дают первые залпы с большим упреждением по курсу слева. Значит, хотят, чтобы самолеты сунулись вправо, где у них расположены основные осиные гнезда зениток. В таких случаях надо идти прямо на первые залпы, маневрируя по фронту и все время меняя высоту.

После обсуждения предстоящей операции Мазуркевич подал команду: «Всем – на отдых!».

На задание отправились две эскадрильи. В группе Пологова летели молодые пилоты Иван Тарасов, Михаил Терехов и Григорий Гуриев. На пути к цели и в полосе зенитного заслона молодые пилоты безошибочно маневрировали по курсу, точно выполняли все команды. Они надежно прикрывали «илы».

Несмотря на плотный огонь зениток, окутавших небо шапками разрывов, операция прошла без потерь. Правда, несколько самолетов получили серьезные повреждения, но сумели дотянуть до своих стоянок. Один только Салахов сделал вынужденную посадку. Но когда приземлился замыкающий, обнаружили, что не возвратился и Пологов.

Последними видели штурманский «лагг» Тарасов и Гуриев. Тарасов рассказывал, что заметил, как старший лейтенант сделал правый вираж и ушел с набором высоты назад.

Мазуркевич нервничал и приказал немедленно созвониться с соседями. Начальник связи бросился в штабную землянку.

Командир полка, покусывая губы, бросал взгляды то на горизонт, то на часы, которые носил для удобства прямо на манжете рукава гимнастерки.

– Горючее еще есть, – успокаивал пологовский механик старший сержант Сергей Верещагин. – Хватит минут на восемь – десять…

Начальник связи доложил, что у штурмовиков о Пологове никто ничего не знает.

– Смотрите! Он! – радостно воскликнул Верещагин. – На сухом летит!

Над голубой кромкой леса с западной стороны обозначилась еле видимая точка. Мазуркевич поднес к глазам бинокль. Да, это был «лагг» Пологова. Пробудь он в воздухе еще полминуты – и мотор бы заглох: баки были пустыми.

Взглянув через застекленный фонарь на потное лицо летчика и дружески подмигнув, Верещагин укрепил под колесами колодки и занялся осмотром самолета.

Павел устало отстегнул привязные ремни и лямки парашюта. Заметив, что его поджидает начальство, быстро направился рапортовать.

Но Мазуркевич упредил его:

– Где пропадал?

– В клещи попал наш «лагг». Пришлось выручать. С ним в паре вел бой против четырех «мессеров»…

В это время по полю пронеслось:

– Полковник Мачин! Полковник Мачин!

Все повернули головы. Самолет комдива У-2 знали хорошо. Тот как раз заходил на посадку.

– Ладно, после разберемся! – бросил Мазуркевич. – Пошли!

Командир дивизии Мачин пробыл в полку около часа. Он уже знал, что все самолеты, кроме салаховского, возвратились. За Салаховым уехал на полуторке техник-сержант Гармаш. От имени командующего 2-й воздушной армией генерала Красовского Мачин поблагодарил летчиков за успешное выполнение важного задания. Потом он сообщил, что гитлеровцы задумали новое наступление на Воронеж. Предстоят напряженные бои. Чтобы помешать противнику подтянуть крупные резервы живой силы и техники, необходимо уничтожить мост через Дон.

Мачин предложил сделать истребитель более универсальной машиной, чтобы при необходимости он мог выполнять роль бомбардировщика или штурмовика. Для этого под плоскостями самолета надо прикрепить бомбодержатели. Если нужно, их можно использовать и для подвески запасных бачков с горючим…

Перед самым отлетом комдив спросил:

– Кстати, кто у вас летает на семьдесят девятом?

– Штурман старший лейтенант Пологов, – подсказал начальник штаба.

Павел шагнул вперед.

– Командир эскадрильи соседнего полка просил передать вам благодарность и сказал, что не подоспей вовремя семьдесят

девятый, не сбей он «мессера» – не видать бы ему ни земли, ни неба.

Мачин крепко пожал руку Павла и поблагодарил его за спасение летчика и за сбитого стервятника.

Лидер атакует

Все свободное от полетов время Пологов проводил в авиамастерской.

Начальник воздушно-стрелковой службы Сергей Богданов с инженерами Ковалем и Котелевцевым трудились над приспособлением, о котором говорил комдив Мачин. Срок им дали короткий – сорок восемь часов.

К концу дня к плоскостям пологовского «лагга» прикрепили бомбодержатели, а тросики от них вывели в кабину летчика. Из бомб извлекли взрыватели и подвесили их под крыльями. Затем опробовали новое устройство, которое тут же в шутку окрестили «бэкака». Его название родилось из начальных букв фамилий «конструкторов». По команде «Сброс!» Павел дергал тросики, и бомбы падали на траву.

– Работает безотказно! – удовлетворенно потер руки Котелевцев.

…Закончился еще один боевой день. Пилоты ужинали. А у самолетов продолжали возиться техники, механики, мотористы, оружейники.

Павел писал домой письмо, когда его вызвали в штаб. У входа в командирский блиндаж стоял Мазуркевич. Он предложил пройтись. Щелкнул портсигаром. Оба задымили.

– Не обижайся за вчерашнюю встречу, – нарушил молчание подполковник. – Неладно получилось: выходит, командир дивизии больше меня знает, что делается в полку. Да и сам ты хорош! Почему не доложил, что сбил «худого»?[6]

– Не успел…

И вдруг командир почему-то рассказал Павлу, что это именно он, Мазуркевич, выпросил Пологова в свой полк. Едва Павел покинул тогда кабинет полковника, как тот познакомил Мазуркевича с его личным делом.

– Две летных школы, три войны, более ста семидесяти успешных боевых вылетов, наградной лист за Халхин-Гол и финскую, плюс отличные боевые характеристики, – вспоминал командир полка. – Все было за тебя. Я нажал – и полковник согласился.

– Спасибо за поддержку… Завтра генеральная репетиция. – После короткой паузы Пологов перевел беседу на другую тему. – Испытываем на полигоне новое приспособление для бомбежки.

Мазуркевич предупредил, что звонил Друзенко из дивизии. Он приедет вместе с корреспондентом.

Солнце скрывалось за горизонтом, окрашивая небо розовыми

слоистыми мазками. «Будет ветер», – подумал Павел.

На полигоне шло пробное бомбометание. Собралось все полковое начальство. Из дивизии приехали штурман майор Друзенко и редактор фронтовой газеты политрук Кусельман.

Каждый «лагг» делал по два захода и сбрасывал стокилограммовую болванку: первый раз – с горизонтального полета, второй – с пологого пикирования. Хороших попаданий с бреющего почти не получалось. Зато с пикирования цель «поразило» большинство летчиков. На глазах умирала старая школа бомбометания. Новые самолеты требовали новой тактики.

При скорости истребителя 400–500 километров в час даже натренированному летчику очень трудно определить нужную долю секунды для бомбежки. Решили дать летчикам время потренироваться, а уж потом приступить к выполнению задания – уничтожению моста через Дон. В связи с тем что на истребителях не было специальных прицелов для бомбометания, Богданов и Котелевцев сделали вместо них белые метки на капоте и плоскости.

…Лидером группы шел Пологов.

Линию фронта пересекли далеко в стороне от цели и атаковали мост с запада. Возле переправы и на дорогах, ведущих к ней, скопилось огромное количество вражеских танков, машин, артиллерии и мотопехоты.

Огонь по истребителям растерявшиеся гитлеровцы открыли лишь тогда, когда в реке вздыбился первый фонтан…

После операции Павел докладывал, что мост удалось повредить только у правого берега. Движение войск противника приостановлено. Весь боезапас истратили на то, чтобы «прочесать» пробку у переправы. Вернулись без потерь. Мазуркевич остался доволен первым результатом.

Едва самолеты успели заправиться, как зеленая ракета вновь подняла их в воздух. На этот раз группе Пологова предстояло прикрыть наземные войска. Летчики договорились на обратном курсе «попутно» заглянуть на мост. Урядов и Калинин прихватили бомбы. Но каково же было их удивление, когда они приблизились к переправе: двух пролетов около правого берега как не бывало! Из воды торчали лишь каменные быки и обломки металлических ферм.

Майор Друзенко весело посочувствовал вернувшимся летчикам:

– Значит, опоздали? Видать, соседи из двести шестьдесят третьего опередили. Перед ними ведь комдив тоже такую задачу поставил, – майор рассмеялся. – А если вы, хлопцы, расстраиваетесь, можно вам еще один мостик подкинуть.

Внезапно из-за облаков вынырнул тяжелый бомбардировщик «Хейнкель-111». Сверху на него жал Як-1. От «ястребка» пунктирами тянулись пулеметные трассы. В этот момент захлопали наши зенитки, и «як» отвалил в сторону. С земли отчетливо видели, как снаряды дырявят плоскости «хейнкеля». У бомбардировщика запылал левый бак. Самолет заскользил вправо, очевидно, пытаясь сбить пламя, и скрылся за лесом.

Друзенко с Пологовым и механиком вскочили в полуторку и погнали ее к месту предполагаемого падения самолета. Следом за ними тронулась вторая автомашина с Мазуркевичем и Копцовым.

Вскоре полуторка затормозила у дымящегося «хейнкеля». Однако экипаж его бесследно исчез. И вдруг Пологов заметил в поле ржи три мелькавшие головы. Фашисты спасались бегством. За ними кинулись в погоню. Когда беглецов начали настигать, один из них открыл стрельбу из пистолета. В ответ Друзенко и Пологов дали несколько предупредительных выстрелов. Поняв, что сопротивление бесполезно, фрицы побросали оружие и подняли руки.

Пленных обыскали. У старшего офицера, вероятно командира, Павел извлек из-за пазухи кассету с пленкой и пистолет.

Фашистов допрашивали в штабе полка. Помогал политрук Кусельман, неплохо владевший немецким языком. Сначала пленные вообще не отвечали на вопросы. Двое из них лишь злобно озирались, а третьего бил нервный озноб. Не слушая, о чем его спрашивают, он слезливо просил пощады.

Друзенко по телефону доложил о происшедшем Мачину и получил распоряжение переправить пленных в дивизию.

Из показаний немецких летчиков стало известно, что под Брянск прибыло крупное соединение «хейнкелей». В самое ближайшее время оно должно было принять участие в массированных налетах на Воронеж, Елец и другие города. Советское командование решило немедленно уничтожить новую авиагруппировку немцев. Операцию предполагалось осуществить в течение суток.

В полку Мазуркевича долго обсуждали план атаки. Пологов выступил с предложением несколько видоизменить боевое построение с учетом фашистской системы воздушной обороны и их тактики. Опыт подсказывал, что мало познать шаблонную стратегию врага, надо и самим в каждом отдельном случае применять многообразные и гибкие приемы. Тогда можно запутать противника и не позволить ему разгадать тот или иной маневр. Штурман считал, что за лидером разумно пустить на высоте 1000–1200 метров демонстративную группу «илов» и

«лаггов» для того, чтобы отвлечь зенитки и истребители противника. А ударная группа штурмовиков должна подняться в воздух минут на пять позже.

Новую схему изложили на бумаге. По мнению Пологова, такое боевое построение должно оказаться неожиданным для немцев и позволить основной группе штурмовиков без особых препятствий преодолеть воздушный заслон и точнее накрыть цель.

Друзенко и Мазуркевич одобрили предложение штурмана. Договориться с командиром штурмовиков предстояло майору. Перед отъездом он сказал, что в порядке исключения на эту операцию полетит редактор газеты Кусельман, и попросил пристроить его на замыкающем «иле» в кабине стрелка.

Успех намеченной операции во многом зависел от четкого взаимодействия «илов» и «лаггов». Поэтому на обсуждение разработанного плана штаб дивизии собрал вместе летчиков-истребителей и штурмовиков. За основу приняли пологовскую схему боевого порядка. Его же назначили лидером.

Из партизанских сообщений в штабе знали, что с двух до трех часов дня пунктуальные немцы заняты обедом. Это время и решили использовать для атаки. Штурмовикам схема понравилась: истребители надежно защищали их со всех сторон. Маршрут над оккупированной территорией проложили ломаной линией, со значительным отклонением от курса, чтобы посты воздушного наблюдения противника не могли определить истинное направление удара.

Дальний полет потребовал подвески к самолетам дополнительных бачков с бензином, которые следовало сбросить, как только они опустеют.

…Внизу засверкали солнечные зайчики. Ведущая группа истребителей спустилась ниже. Все ясно! Это поблескивают стеклянные кабины вражеских самолетов. Ими заполнен весь аэродром – настоящее осиное гнездо.

Как и предполагалось, ударная группа беспрепятственно вышла на цель и успешно отбомбилась. Шесть вражеских машин сразу же вспыхнули, как свечки. Гитлеровцы спохватились с большим опозданием. Один из «мессершмиттов» попытался вырулить на взлетную полосу, но Алексей Урядов мгновенно «пришил» его к земле свинцовой нитью. Внизу поднялся переполох. Заградительный огонь зениток противника, казалось, достиг предела. От дыма и пепла в воздухе не оставалось просветов.

С запада приближались пятнадцать «мессершмиттов», вероятно вызванных на помощь. Истребители прикрытия

рванулись им наперерез. Началась ожесточенная схватка. Тем временем штурмовики продолжали бомбить аэродром. Зенитки прекратили огонь, боясь задеть своих.

В круговороте потемневшего неба завертелись, замелькали крылья и фюзеляжи. Грохот пушек и пулеметов, натужный рев моторов – все смешалось.

Пологов стремился выиграть высоту, чтобы пробиться к ведущему «мессершмитту». Он по опыту знал, что стоит фашистам лишиться своего лидера, как они моментально теряются и проигрывают бой. От вертикального маневра у Павла потемнело в глазах. Он вывел машину в горизонтальное положение, и тут же по ее плоскостям дробно забарабанили пули: в хвосте повис «мессершмитт».

В подобные минуты возбуждение, которое обычно охватывало Пологова перед боем, уступало место расчетливому хладнокровию. Он умел безошибочно отделить главное от второстепенного, и это всегда помогало ему принимать единственно верное решение. Павла никогда не смущали риск и опасность. Их для него словно бы не существовало. В острые моменты у летчика появлялось как бы второе дыхание. Ему казалось, что не стань у самолета крыльев, он продолжал бы сражаться с врагами одной силой воли…

Пологов думал и действовал молниеносно. «Пулеметная трасса – прицельная очередь фашиста, – пронеслось в голове. – Сейчас ударит из пушки». Резкой полубочкой он обманул преследователя, не спуская в то же время с него глаз. «Его» «мессершмитт» опять оказался выше. Тогда Павел решил подобраться к нему под углом снизу. Мимо, распуская серо-дымчатую струю, пронесся немец, а за ним – «пятьдесят пятый» Сорокина. «Молодец Ваня, – отметил штурман, – ухлопал гада».

Прицел нащупал вражеского лидера. Пальцы автоматически нажали на гашетки. Есть! Фашистский самолет клюнул носом и штопором понесся к земле. Набрав высоту, Пологов шелковой подкладкой шлема вытер вспотевший лоб.

«Илы» завершили последнюю атаку и легли на обратный курс. Старшина Кучеренко один на один дрался с «мессершмиттом» неподалеку от замыкающего штурмовика. «Там ведь редактор!» – вспомнил Павел и поспешил на выручку. Огрызаясь, фашист покинул поле боя.

Часы показали, что атака и схватка длились всего шесть минут. Как мало и как много! Позади остался пылающий горизонт.

…К вечеру небо покрылось рваными грозовыми тучами. Проливной дождь загнал летчиков в землянки. Мазуркевича,

Копцова, Пологова и комэсков вызвали по телефону в дивизию для разбора итогов операции. Там Павел встретил командира эскадрильи соседнего полка, которого недавно спас в бою. Тот подошел, пожал ему руку и поблагодарил.

Мачина отозвали в Москву, в распоряжение штаба ВВС. Дивизию принял полковник Осадчий. Из его кабинета выскочил покрасневший редактор газеты Кусельман. Оказалось, что политрук летал на штурмовку втайне от комдива. Почесывая затылок, он рассказал, как Осадчий только что «дал ему разгон».

Долго бушевал комдив, угрожая редактору трибуналом, а когда тот покорно повернулся и, сникнув, пошел к двери, полковник немного утихомирился и приказал:

– Старший политрук, вернитесь! Еще до своего проступка вы были представлены к награде. Исключать из списка вас не буду. Но предупреждаю: второе нарушение – и на мое милосердие не рассчитывайте.

Еще пуще досталось командиру штурмовиков и Друзенко. Но их спасли от наказания хорошие результаты налета на Брянскую авиабазу. Из-за линии фронта поступило подтверждение: на земле уничтожено 25 бомбардировщиков, два склада с боеприпасами, склад с горючим и 200 солдат и офицеров противника. Приказом по фронту личному составу дивизии объявили благодарность.

Газета, над которой всю ночь старательно трудилась дивизионная редакция, моментально разошлась по рукам авиаторов. В ней под заголовком «Враг это запомнит надолго!» описывались подробности вчерашней операции. Вверху броско было напечатано: «Военный совет фронта объявляет благодарность участникам успешного налета на вражеский аэродром в районе Б., в результате которого разгромлена авиационная бомбардировочная группа противника, недавно сюда переброшенная».

Не забудем, отомстим!

Командир эскадрильи капитан Салахов бродил, словно в воду опущенный! Через двое суток после вынужденной посадки он пришел на аэродром пешком, заросший щетиной, исхудавший. Ему не повезло. Сержант Гармаш буксировал поврежденный «лагг» по раскисшей от дождей дороге. У села Каширское, при въезде на мост, трехтонный истребитель увлек под откос полуторку и сломался. Капитана чуть было не отдали под суд. О чрезвычайном происшествии объявили приказом по полку.

С рассветом летчиков подняли по тревоге. Приказывалось немедленно перебазироваться на аэродром Усмань, севернее Воронежа.

Позднее в штабе Пологов узнал, что найденную у пленных фашистов фотопленку проявили. На ней оказались заснятыми наши аэродромы в полосе Брянского фронта. Командование догадывалось, что это не единственная фотопленка, запечатлевшая расположение наших самолетов, и предприняло ряд контрмер.

Наряду с перебазировкой авиачастей началось массовое строительство ложных аэродромов. И фашисты «клевали» на удочку: более двадцати раз бомбили они вместо боевых машин деревянные макеты.

…Полк разместился в небольшой деревушке, почти все жители которой подались в леса. После насыщенного фронтовыми заботами дня летчики обычно устраивались здесь на ночлег. На аэродроме оставались лишь охрана и техники, занятые ремонтом машин.

Во время ознакомительных полетов летчики запоминали ориентиры. Вокруг простиралась равнинная степь, обильно усеянная зелеными островами лесов и множеством перелесков, разбегавшихся по балкам и оврагам над речками Воронеж и Усмань.

Пологов пометил на планшете наиболее крупные ориентиры: Усманский бор, Шиповский и Таллермановский леса. Делал он это скрупулезно, ибо ему как штурману лучше других следовало освоить район базирования и линию соприкосновения с противником.

Предупреждение командира дивизии о готовящемся наступлении немцев вскоре подтвердилось.

Утром 28 июня 1942 года после длительной авиационной и артиллерийской подготовки гитлеровцы прорвали нашу оборону на участке 40-й и 21-й армий в общем направлении на Воронеж.

Крупные соединения танков, артиллерии и самолетов обрушились на советские позиции. Ожесточенные воздушные схватки шли беспрерывно. Каждому истребителю приходилось вылетать четыре-пять раз в день. Когда самолеты ведущих комэсков Салахова и Гращенко заправлялись или ремонтировались, лидером в воздух поднимался Павел. Почти во всех донесениях, поступивших за этот период в штаб дивизии, упоминалась фамилия флаг-штурмана Пологова.

За неделю воздушных сражений летчики полка сбили одиннадцать самолетов противника. Четыре из них уничтожил Пологов. Но и обе авиаэскадрильи потеряли трех пилотов и пять машин.

Погибли младший лейтенант Константин Мищенко, старший сержант Иван Тарасов и старший сержант Иван Харченко. Это были первые жертвы, понесенные полком.

Стойко переносили истребители обрушившееся на них горе. Ивана Харченко летали хоронить на место гибели в Усманский район. На его могиле укрепили лопасть винта от самолета.

В каком районе погиб Мищенко, установить не удалось.

Умный, с красивым, открытым, типично русским лицом, Иван Тарасов всегда вызывал уважение товарищей скромностью и простотой. Он был одним из самых молодых пилотов полка, ему только-только исполнилось двадцать. После второго воздушного боя он с напарником записал на свой счет сбитого «юнкерса». В тот день, когда подожгли его «ястребок», он на горящей машине дотянул до наших позиций и выбросился с парашютом. Но за ним как за легкой добычей увязался Ме-109 и в упор расстрелял летчика пулеметной очередью. Григорий Кучеренко, заметив воздушного бандита, погнался за ним, но из-за недостатка горючего сел на вынужденную.

Тарасова нашли на самом берегу реки Оки. Ноги его наполовину свисали в воду, а сам он оказался с головой накрытым, точно саваном, шелком белого парашюта. Восемь сквозных ран насчитали на теле летчика. Из кармана его гимнастерки вынули залитые кровью комсомольский билет и фотографию матери. Среди личных вещей Ивана был томик Есенина и ученическая тетрадь с записанными карандашом стихами. Несколько строчек незаконченного стихотворения посвящались матери. Политрук прочитал их вслух:

Вдалеке от родного дома
Я грущу о тебе, моя мать.
О, я отдал бы слишком много,
Чтоб увидеть тебя и обнять.

Я обнял бы тебя, как прежде,
В нашем доме, но это – мечта.
Ты приснилась мне ночью нежной,
Будто встретились мы навсегда.

У Пологова комок подступил к горлу. На глазах товарищей заблестели слезы.

Однополчане провожали в последний путь Ивана Тарасова на опушке соснового бора, невдалеке от аэродрома. В скорбном молчании они вереницей двигались мимо могилы, кидая горсти земли на крышку гроба. Ударяясь о гроб, комья гулко стучали и отдавались болью в сердцах.

Отомстить жестокому врагу – об этом думал каждый, прощаясь с другом.

Командир полка с комсоргом написали матери Ивана письмо и вместе с ним отправили ученическую тетрадь сына.

Квадрат Усманского бора

Командование 2-й воздушной армии поручило истребителям сопровождать штурмовые группы Ил-2 и совместно с ними нанести удар по Чижовке, недалеко от Воронежа. Там фашисты устроили командный и наблюдательный пункты. Оттуда они вели корректировку огня своей дальнобойной артиллерии.

Пологов дважды вылетал на Чижовку ведущим. Во время второго налета зенитный заградительный огонь был настолько плотным, что большинство самолетов получили повреждения. Особенно досталось машине заместителя командира эскадрильи Виктора Калинина. Горючее в баках кончалось. Поэтому в воздушные бои не ввязывались, стремясь побыстрее пересечь линию фронта. У Пологова вошло в привычку идти с задания замыкающим, и ему хорошо был виден калининский «лагг», заметно теряющий высоту. По поведению самолета Павел понял, что у товарища серьезное повреждение. Тут же подумал: «Ему бы лучше тянуть домой длинным путем над степью, где при вынужденной можно всегда выбрать ровную площадку». Но Калинин повел истребитель над Усманским бором прямым курсом на аэродром.

– Что же он делает? – не выдержав, ругнулся вслух Пологов.

Самолет резко пошел на снижение и устремился к лесу. В том месте, где он вонзился в зеленую чащу, поднялось прозрачно-белое облако и быстро исчезло.

«Конец!» – подумал Павел. Он положил на колено карту и пометил карандашом северо-восточный квадрат Усманского бора, в трех-четырех километрах от старинного замка.

На аэродроме, не успев выключить двигатель, Пологов крикнул:

– Санитарку! Врача!

Коротко, наспех рассказал о случившемся и поехал с военврачом искать Калинина. Труднопроходимые участки объезжали окольными дорогами.

Незаметно забрались в густой сосняк. Пахучие стволы деревьев, стройные, как мачты, стояли тесно, вытянувшись к небу. Дальше на машине не пробиться.

Врач подхватил санитарную сумку, шофер вскинул на плечи носилки, и – двинулись пешком. Обшарили просеки, но никаких следов не обнаружили. В лесной тиши пахло хвоей, прелыми листьями и грибами. Вспугивая птиц, под ногами сухо потрескивали ветки.

– Одно дело ориентироваться в воздухе, а другое – в такой

чащобе, – досадовал Пологов.

Остановились. Закурили.

Павел взглянул на лоснящееся от пота лицо врача. «Не тренирован, вот и устал», – подумал он и, развернув на траве карту, положил на нее компас. Что-то прикинул в уме.

– Все правильно, – подытожил он, – мы находимся точно там, где надо, в северо-восточном квадрате.

И вдруг шофер вскрикнул. На сосне между ветвями он заметил кусок плоскости самолета. Начали пробираться сквозь кустарник и осматривать все вокруг. На расстоянии добрых тридцати метров валялись срезанные хвойные ветки и изувеченные остатки «лагга»: одно колесо, погнутые лопасти винта, мотор и искореженная, опрокинутая набок кабина. Однако Калинина в ней не оказалось. Сплющенная приборная доска была забрызгана кровью, следы которой тянулись в сторону и через несколько шагов обрывались.

– Куда он мог уйти? – недоумевал врач.

Пологов молча достал пистолет и выстрелил вверх. Эхо разнеслось далеко над лесом. Прислушались… Ни звука. После минуты томительного ожидания Павел пальнул второй раз.

– Идите сюда, – неожиданно раздался чей-то голос.

Из-за деревьев шагнул высокий худой старик с окладистой бородой.

– Небось, летчика ищете? Подобрал я его. В сторожке у меня лежит.

Старик, назвавший себя егерем, поздоровался со всеми за руку. Он рассказал:

– Спервоначалу, как услыхал я сильный грохот да треск, в голову взять не мог: что стряслось? Пошел узнать. Вижу – половинка от самолета. Летчика-то вашего внутри нашел. Ах ты, думаю, оказия! Перевязал его как сумел. Только крови из него шибко много вытекло.

В первый момент Пологов даже не узнал изменившееся, в иссиня-желтых пятнах лицо товарища. Тот недвижно лежал на деревянном топчане с закрытыми глазами и был бел как бумага. На руку у правого предплечья наложен ременный жгут. Голова и лоб неумело перетянуты белыми лоскутами от нательной рубашки. Сквозь них проступили темные пятна крови. Старый шрам на щеке стал заметнее.

Военврач, не теряя времени, взялся за пульс. Затем, ни слова не говоря, открыл сумку и достал инструмент. В сторожке запахло йодом и спиртом.

– Носилки! – готовя шприц, распорядился он.

После укола Калинин на секунду приоткрыл затекшие веки и

пошевелил запекшимися губами:

– Пить…

Затем снова впал в забытье.

По пути к медсанбату военврач сказал, что требуется срочное переливание крови.

– Если не затянуть – будет жить, – заключил он.

Не все вернулись с задания

В штабе полка командир дивизии Осадчий созвал весь комсостав. Из окна штабной комнаты виднелся его самолет со знакомым номером «07».

Осадчий, плотный, лысый мужчина лет сорока, сидел за столом и листал папку боевых донесений. Перекинув последнюю страницу, он встал и молча измерил шагами комнату. Затем, пригласив присутствующих к столу, развернул карту. В глаза Павлу бросились нанесенные на ней остроконечные синие стрелы. Они, словно щупальца осьминога, протянулись из районов Курска и Волчанска к Воронежу и Острогожску.

– Немецко-фашистское командование, – начал комдив, – стянуло на Воронежском направлении помимо своих отборных частей итальянские, румынские и венгерские дивизии, объединив их в армейскую группу «Вейхс». Врагу удалось выйти к Дону и захватить плацдарм на его левом берегу в районе Воронежа. Наступление гитлеровцев приостановлено, но обстановка остается напряженной. Армия противника стремится, обойдя нас с юга, продвинуться в направлении Сталинграда. Со вчерашнего дня образован новый, Воронежский фронт. Командующий фронтом генерал Ватутин не совсем доволен нашей работой. Как это ни прискорбно, он прав: мы теряем много техники и самое главное – людей.

Осадчий повертел в руках папку с полковыми донесениями и снова бросил на стол.

– Взгляните! За последнюю декаду что ни групповой вылет – недосчитываемся людей.

Возражать не приходилось. Сбив десять фашистских самолетов, уничтожив 16 танков и 40 железнодорожных вагонов, полк потерял восемь человек и девять машин. Не стало отличного истребителя, командира эскадрильи Николая Севрюка. За скромность и отвагу все любили его…

– И потом, – продолжал полковник, – донесения свидетельствуют, что из командования полка один флаг-штурман Пологов возглавляет добрую половину самых ответственных заданий… Нагрузку необходимо перераспределить. Пологову – сутки отдыхать! – закончил комдив.

Действительно, Павел был готов дневать и ночевать в воздухе. Механик Сергей Верещагин однажды сказал ему, что обязанностей у штурмана больше, чем у рядового летчика, и «надо бы малость передохнуть». Павел отшутился: дескать, боится дисквалифицироваться…

* * *

Через три часа после отъезда Осадчего поступил приказ на вылет. Мазуркевич решил сам вести группу. Он попросил Пологова уступить свой «лагг» в связи с неисправностью на его машине сигнализации шасси.

А спустя сорок минут товарищи перенесли из кабины приземлившегося истребителя в санитарную машину раненого Григория Кучеренко, поднявшегося в воздух вместе с командиром полка. Сам Мазуркевич погиб в бою в трех километрах от станции Рамонь. Задание осталось невыполненным: бомбардировщики лишились прикрытия…

Оказалось, что командир полка игнорировал последнее распоряжение Осадчего. Четыре «лагга» 737-го полка должны были встретить над Усманью двух «яков» из соседнего 866-го полка. Однако Мазуркевич, не дождавшись их, решил действовать самостоятельно. На высоте двух тысяч метров три Ме-109 вывалились из облаков и сбили самолет ведущего. Затем, встречая на курсе одиночных истребителей, огнем прижимали их к земле и вынуждали садиться в степи. Две машины при посадке поломались, а летчики с тяжелыми ранениями были госпитализированы.

На следующее утро полк облетело еще одно печальное известие: комиссар Копцов не вернулся с боевого задания из района Коротяк.

За обедом в тот день царило тягостное молчание. Никто не переговаривался. Не слышалось обычных шуток. Полк осиротел…

* * *

Пологов и многие другие пилоты с радостью пересаживались на истребители новой конструкции Яковлева. В скорости и маневренности эти машины не уступали «мессершмиттам». Кроме того, на них наконец-то установили долгожданную рацию. Постепенно радиосвязью начали оснащать и «лагги». Однако кое-кто из летчиков считал это новшество «излишней обузой».

– И без того дел до черта: за воздухом – смотри, за землей – следи, за напарником – поглядывай! Ориентировку веди, помни о ракурсах и упреждениях, не спускай глаз с приборов… А тут еще радио подсунули.

Таких Пологов убеждал:

– Радио поможет заменить устаревший строй «клин» строем «фронт», даст возможность эшелонировать группы и эффективно

руководить воздушным боем.

И ударял по самолюбию:

– Радио обременяет только тех, кто не умеет технически грамотно им пользоваться…

Один против восьми

Из резерва 2-й воздушной армии в полк прибыли новый комиссар, его помощник и восемь летчиков, в числе которых были фронтовики. Возвратился из госпиталя Григорий Кучеренко.

А вскоре назначили и нового командира полка – майора Николая Изотовича Варчука. Грудь его украшали два ордена, на боевом счету имелось четыре сбитых самолета противника. Варчук окончил Качинскую военную авиационную школу пилотов и участвовал в событиях у озера Хасан, где и получил свою первую награду – орден Красного Знамени.

Приглядываясь к новому командиру, Пологов все больше и больше проникался уважением к нему. Варчук серьезно занимался боевой работой, вместе со штурманом помогал молодым летчикам. Его интересовало все: какое у людей настроение, как они проводят досуг, как накормлены и одеты. Незаметно деловитость и требовательность майора Варчука к себе и подчиненным снискали одобрение не только летчиков-истребителей, но и младших специалистов технического персонала, и солдат авиационного тыла.

На одном из построений в торжественной обстановке Варчук объявил приказ командующего Воронежским фронтом о присвоении летчикам очередных воинских званий. Флаг-штурман Пологов стал капитаном. Затем комиссар зачитал письмо матери погибшего Ивана Тарасова. Она обращалась к летчикам полка:

> «Дорогие друзья!
>
> Мне очень тяжело – я получила ваше письмо о гибели моего горячо любимого Ванечки. Это страшная, незаменимая утрата, и горю моему нет границ. Фашистские изверги отняли единственного сына не только у меня. Они сделали тысячи матерей несчастными, многих детей лишили отцов, а жен – мужей. В моем беспредельном горе есть одно утешение – мой дорогой Ваня погиб, защищая Родину, как герой, и я горжусь им. Преисполненная ненависти к заклятому врагу, я призываю вас, дорогие дети мои, отомстить за смерть моего сына, за мои слезы, за слезы всех матерей земли русской. Я больна, очень больна, но мое сердце должно быть крепким, должно позволить мне дождаться той счастливой минуты, когда враг будет уничтожен. Заверяю вас, славные соколы, что весь остаток жизни своей, своих сил и здоровья отдам для укрепления тыла.

Пишите мне, ведь ваши письма – единственная моя радость и отрада.

Вечная память моему любимому сыну – стойкому защитнику Родины! Пусть в ваших сердцах еще больше горит лютая ненависть к врагам. Уничтожайте фашистских людоедов, очищайте от них нашу священную землю. Желаю вам всем здоровья, долгой жизни и скорой победы над врагом.

Тарасова Варвара Петровна».

…Сигнал тревоги заставил Варчука скомандовать:

– По местам!

Случилось так, что эскадрилья поднялась в воздух, а у ее командира что-то внезапно стряслось с мотором. Пологов бросился к своему «яку», и вскоре летчики услышали в шлемофонах знакомый голос:

– Я – тридцать первый. Подтянитесь!

Павел запросил воздушный пункт управления. Оттуда ответили:

– Я – Береза-один. Тридцать первый, в районе Россоши восемнадцать «юнкерсов» под прикрытием истребителей. Высота – 2500, курс – 230. Идите наперехват!

– Береза, вас понял.

Когда появились восемь Ме-109, а следом бомбардировщики, Пологов подал команду приготовиться к атаке.

– Двадцать пятый, преследуйте бомберов, – раздался его голос. – Со мной только Кучеренко!

Павел с ведомым кинулись на «мессершмиттов». Такой дерзости враги, видимо, не ожидали. Завязался бой – двух против восьми.

Оглянувшись, штурман заметил опасность.

– Кучеренко, маневр! «Мессер» в хвосте! – крикнул он.

Но ведомый словно оглох. Он тут же получил очередь по фюзеляжу, на поврежденной машине вышел из боя и потянул в сторону аэродрома. Флаг-штурман остался один.

Весь огонь фашисты перенесли на Пологова. Он сделал несколько обманных виражей со скольжением, и ему удалось уйти от вражеских трасс. Павел свечой взмыл вверх и рванулся в лобовую атаку на ближайшего «мессершмитта». Тот, испугавшись несущегося на него «яка» и избегая столкновения, не выдержал и задрал нос. Пологов всадил очередь прямо в подставленное брюхо фашистской машины.

Флаг-штурман знал, что Ме-109 защищен броней сзади и отчасти сверху. Кроме того, он имеет самозакупоривающиеся,

затянутые слоем специальной резины баки. Если в такой бак попадает пуля или осколок, то резина мгновенно затягивает отверстие и не дает вытекать бензину. Поэтому сбить Ме-109 нелегко: нужно попасть в уязвимое место.

Пологов никогда не ждал нападения. Он первым навязывал противнику бой. Так было и на этот раз. Перевернувшись через правое крыло, Павел приблизился ко второму «мессершмитту» на расстояние, допустимое для атаки, и из неудобного положения стеганул по нему свинцовой очередью. И тут же взмыл вверх. Наметив следующую жертву, он снова налетел на врага. Третий фашист не выдержал лобовой атаки и обратился в бегство.

С каждой минутой группа вражеских истребителей редела. В эфире раздался пискливый треск, и Павел услышал с земли голос Варчука:

– Я – Береза-один. Тридцать первый, проверьте боезапас. Разрешаю идти домой.

Но в горячке боя летчик не успел ответить командиру. Он как раз преследовал двух последних «мессершмиттов», пытавшихся на максимальных оборотах уйти за линию фронта. В конце концов ему все же удалось их поджечь. Ликующее настроение победителя охватило все существо Пологова. Впервые за войну ему пришлось одному драться против восьми вражеских истребителей.

Над аэродромом Павел сделал боевой разворот. Приземлившись, он ощутил страшную усталость от физического и нервного напряжения. Прилипшая к телу гимнастерка промокла насквозь.

– Поздравляю! – механик Верещагин, не сдержав чувств, обнял своего штурмана за плечи и сообщил, что на командном пункте находится заместитель командующего армией по политчасти бригадный комиссар генерал Ромазанов. Он проводит инспектирование.

С Ромазановым Пологов раньше никогда не встречался. Бригадный комиссар стоял в окружении старших командиров и беседовал с Варчуком.

– Разрешите обратиться, товарищ бригадный комиссар! – флаг-штурман начал быстро рапортовать, но Ромазанов остановил его:

– Знаю, капитан Пологов, сам все видел. Бой провели блестяще. Спасибо вам от Родины и от меня лично! – комиссар крепко пожал ему руку. – Вот так и надо драться! – одобрительно подмигнул он присутствующим. – Тогда быстро поубавится спеси у фашистских вояк. – И добавил: – Это очень важно, чтобы все знали, как хорошо горят «мессершмитты». Отдыхайте.

Когда Пологов ушел, Ромазанов заметил:

– Посмотришь – на земле ничего особенного в человеке нет. Летчик как летчик. Только и отличие что волосы рыжие. А поднимется в небо – бог! Не первого такого встречаю. Побольше бы нам, Николай Изотович, таких рыцарей – и немцы навсегда позабудут о превосходстве в воздухе…

За ужином Павла поздравляли товарищи. А начальник штаба передал Пологову сказанные днем слова Ромазанова:

– Вот суметь бы заснять на кинопленку сегодняшний бой, и для молодых пилотов это было бы наглядным пособием высокого искусства истребителя.

Теперь на боевом счету Павла было семь стервятников, уничтоженных лично, и девять – в группе.

– Если бы они все враз атаковали, – заметил Пологов, – то, конечно, едва ли мне пришлось бы с вами ужинать сейчас… Но у них не хватило сметки, да и, видать, не выдерживают они сильных перегрузок. В общем, не тот фриц стал попадаться, что в начале войны.

– Да и мы уже не те, Павел Андреевич, – удовлетворенно резюмировал Варчук.

После полудня на командном пункте по радио раздался позывной:

– Береза! – Я – пятьдесят пятый. Ведем бой. Кончается горючее. Высылайте подмогу!

Это взывал о помощи Сорокин.

Примерно час назад они с Урядовым отправились на прикрытие наземных войск. Там, у передовой, и завязалась схватка с Ме-109.

Бой затянулся. Выходящих из схватки фашистов в воздухе заменяли новые, поддерживая таким образом численное превосходство. Урядов и Сорокин из последних сил отбивались от наседавших «мессершмиттов». Приземляться же они не решались, чтобы не стать легкой добычей для врага.

Сигнал о помощи точно подбросил Пологова. Мгновенно он оказался в кабине самолета и прокричал в микрофон:

– Я – Береза! Пятьдесят пятый, иду к вам.

Пологов подоспел вовремя. Приняв атаку фашистских истребителей на себя, штурман дал возможность друзьям уйти к аэродрому. Вскоре к Павлу присоединились еще два истребителя, и гитлеровцы пустились наутек.

И все же исход схватки оказался не совсем благополучным: Урядов на стометровой высоте остался без горючего. Вместо того чтобы планировать с заглохшим мотором и посадить машину на «живот», как предусмотрено наставлением, он совершил ошибку,

выпустив шасси. Зацепившись ими за перила деревянного мостика (недалеко от аэродрома протекала речушка), он скапотировал[7] и поломал самолет. Урядова на «санитарке» увезли в госпиталь с поврежденной рукой и разбитым затылком.

Сорокин приземлился на последних каплях бензина. Однако, разгоряченный боем, он не рассчитал посадку, проскочил летное поле и, разметав один стог сена, винтом уткнулся в другой.

…К ноябрьским дням комсомольцы выпустили «Боевой листок» и вывесили его у входа в столовую. В центре – пологовская фотография. Маленькая статейка под названием «Наш лидер», написанная Хасаном Салаховым, рассказывала о нескольких случаях, когда штурман, рискуя собой, выручал друзей-однополчан. Заметка заканчивалась стихами Твардовского:

> У летчиков наших такая порука,
> Такое заветное правило есть:
> Врага уничтожить – большая заслуга,
> Но друга спасти – это высшая честь.

Разведка в облаках

Погода стояла прескверная. Тяжелые чугунные тучи заволокли небо. К полудню ветер утих, видимость улучшилась, на горизонте появились просветы.

Механики и техники, поистине не знавшие ни сна, ни отдыха, как всегда, возились у самолетов… Летчики томились в хатах на краю села: кто забивал «козла» или склонился за шахматной доской, кто читал, кто писал весточку домой. В такую непогодь о полетах не могло быть и речи.

И вдруг поступил приказ: послать на разведку опытного истребителя. По предварительным данным, противник вел перегруппировку сил, продвигаясь в направлении Харькова. Требовалось срочно проверить информацию, полученную командованием.

В неблагоприятных погодных условиях справиться с этой задачей мог только смелый, отлично подготовленный летчик. Варчук прекрасно понимал, на какой риск должен послать человека. Он вызвал по телефону дивизию, попытался очень корректно объяснить начальнику штаба обстановку.

– Надо, – настаивал голос на другом конце провода.

Варчук зажал ладонью микрофон трубки, шепнул Пологову:

– Что будем делать?

– Разреши мне, Коля…

– На задание вылетает флаг-штурман, – доложил Варчук.

В армии Пологова считали не только отважным воздушным бойцом, но и хорошим разведчиком. Он все чаще и чаще вылетал на свободную «охоту» и в тыл противника за свежей информацией. Совершив ряд удачных поисков, Павел доставил штабу ценные сведения. Об этом писала в передовой статье армейская газета «Крылья Родины». В пример приводились действия истребителей, успешно ведущих разведку и свободную «охоту». Рядом с бывалым истребителем флаг-штурманом Пологовым стояли фамилии его учеников: Шешени, Калинина, Сорокина.

Получив «добро» начальства и переговорив с метеослужбой, Павел привычно проложил на карте маршрут. Синоптик предупредил, что слоисто-кучевую облачность, нижняя кромка которой не превышает двухсот – трехсот метров, можно пробить на высоте не менее двух километров.

Сначала Пологов летел, словно в молоке. Над городом Люботин в глаза ему брызнули солнечные лучи. Вдали плыли облака. Они то вытягивались пушистыми слоями, то

громоздились огромными причудливыми айсбергами. Но любоваться ими было некогда. Пришлось опять окунуться в белую пелену. Вырвавшись из облаков вторично, Павел принялся рыскать вдоль и поперек нужного ему квадрата, пока наконец не обнаружил помеченную на карте развилку дорог. По шоссе вытянулись колонны мотопехоты, артиллерии и крытых автомашин. Пологову предстояло определить количество вражеской техники, живой силы и направление их передвижения.

Прячась за тонким слоем облаков и ведя наблюдение сквозь просветы, разведчик без помех пролетел вдоль всей пятикилометровой колонны гитлеровцев.

«Не возвращаться же обратно с полным боезапасом», – подумал Павел.

После первой атаки Пологова фрицы открыли бешеную пальбу по предполагаемому пути истребителя. Но опытный летчик, входя в облачную завесу, мгновенно бросал машину в сторону или разворачивал ее на сто восемьдесят градусов, запутывая гитлеровцев. Вываливаясь затем там, где его совсем не ждали, он поливал их свинцом и вновь скрывался в облаках.

Горючего оставалось в обрез. Летчик лег на обратный курс. Недалеко от своих позиций Пологов наткнулся на немецкого разведчика «Хеншель-126». На него пришлось израсходовать весь остаток боекомплекта. Разведчик исчез в тучах.

Глянув вниз, Павел встревожился: земля быстро окутывалась мглой. Как же он сядет? Включив радио, поспешно запросил Березу-один. Ему ответили:

– Тридцать первый, следи за ракетой. Полосу обозначим кострами.

В мутном небе одна за другой вспыхнули зеленые ракеты. Затем Павел увидел мигавшие во мраке, точно светлячки, четыре огненные точки. «Аэродром!» И вдруг светлячки, будто по команде, сверкнули ярким пламенем. Видимо, услышав шум мотора, в костры плеснули бензин.

Пологов уверенно посадил самолет и выключил двигатель. В наушниках раздался голос Варчука:

– Порядок!

Командир полка, выслушав доклад штурмана, пожал ему руку и порадовал:

– Только что из стрелкового полка сообщили, что в районе передовой разбился «хеншель». Выходит, верно говорят, что в мутной водичке неплохо рыбка ловится, – Варчук дружески хлопнул штурмана по плечу.

Едва Пологов вышел из штаба, как увидел поджидавшего его Григория Кучеренко.

– Ну как, Павел Андреевич, не увязли в этой простокваше? – мотнул головой вверх.

С некоторых пор между Пологовым и Кучеренко незаметно стали складываться близкие, дружеские отношения. Летчики знали друг о друге почти все: и кто где родился, и кто чем занимался до войны, и у кого кто остался дома. И когда кто-нибудь из них получал письмо, то читали его обычно вдвоем. И оба одинаково радовались, если долгожданный треугольник приносил приятные вести. А если сообщение оказывалось не из радостных, то и тут вдвоем было легче: тревоги и волнения переживаются не так остро, если их делишь с кем-нибудь пополам.

Пологов был лет на десять старше Кучеренко. Немудрено, что Григорий часто обращался к нему то за советом, то за помощью. Вот и сейчас, пройдя рядом со штурманом несколько шагов, он остановился:

– Павел Андреевич! Завтра с утра мы с Сорокиным летим на разведку в район Тамаровки. Надо разузнать, где они там понаставили зенитки.

Пологов пытливо посмотрел на молодого пилота и сказал, что дело – не из легких. Потом он достал портсигар и оба закурили.

– Вот что, – помедлив секунду, произнес штурман, – есть тут у меня одна мыслишка, но нужно кое-что продумать. Давай-ка отложим наш разговор до ужина. А сейчас, извини, тороплюсь: переоденусь – и на заседание партбюро.

О том, что сегодня будут обсуждать его заявление о приеме в партию, Пологов знал еще три дня назад и все это время чуточку волновался, хотя и старался скрыть это.

Войдя в избу, где собрались члены полкового партийного бюро, Павел как-то сразу почувствовал робость, чего с ним не случалось даже в критической боевой обстановке. Но скоро успокоился: все отзывались о нем как о человеке, достойном быть коммунистом. У него на боевом счету больше всех в полку сбитых самолетов противника, и молодых он обучает толково.

Когда перешли к голосованию, все подняли руки «за».

* * *

Перед ужином Пологов, Сорокин и Кучеренко сидели в «курилке». «Курилка» – это две нетесаных доски на чурбаках и вкопанная до половины в землю бочка с водой.

Сорокин и Кучеренко молчали, а Пологов, рисуя на земле

щепкой какие-то фигуры, объяснял:

– Значит, так. Сорокин летит на Як-1, Кучеренко – на Ла-5. А Ла-5, как известно, в воздухе очень похож на немецкий «Фокке-Вульф-190». Вот отсюда мы и будем танцевать… При подходе к Тамаровке вы начнете имитировать, будто за нашим «яком» увязался «фоккер». Дистанцию между собой держите метров четыреста. И ты, Гриша, время от времени постреливай, чтоб зенитчиков в заблуждение ввести. Немцы будут думать, что их истребитель преследует нашего. Огонь открывать побоятся, чтобы не зацепить «своего». Ну, а вам только это и надо. Там уж действуйте по обстановке.

Пологов затер подошвой сапога нарисованные на земле фигуры.

Сорокин восхищенно прицокнул языком:

– Вот это я понимаю! Здорово придумано!

И все трое оживленно заговорили, уточняя подробности предстоящей разведки.

А за ужином Павел принимал поздравления друзей:

– Сколько событий в этом месяце! – загибая пальцы, подсчитывал Урядов. – Немцев под Сталинградом шарахнули – раз! Курск освободили – два, Ростов – три, Краснодар – четыре, Луганск – пять. В партию нашего штурмана приняли, и он надел майорские погоны – шесть. Да плюс к тому – я из госпиталя вернулся.

– Ордена получили, – подсказал Иван Сорокин.

– Пожалуй, если так считать, пальцев не хватит, – рассмеялся Павел.

– А до конца месяца еще далеко, – вставил Варчук, – что-нибудь еще будет…

– День Красной Армии будет, – напомнил Сорокин.

– Давай-ка, Сашко, вдарь по струнам, – попросил Григорий Кучеренко.

Техник по фотооборудованию Александр Ткаченко, круглолицый блондин, до войны преподавал в харьковской музыкальной школе и хорошо играл на баяне. Без него не обходился ни один праздник. Вот и сейчас он ловко пробежал пальцами по клавиатуре, а Кучеренко, как заправский солист, откашлялся, заложил руку за ремень и баритоном загремел:

Мой любимый старый дед
Прожил семьдесят пять лет…

Беда не приходит в одиночку

Случилось то, чего Пологов больше всего опасался. Он возвратился с патрулирования наземных войск, когда ему передали письмо от зятя Ивана Варламовича. Едва Павел развернул исписанный торопливым почерком лист, как сердце его мучительно сжалось, а строчки вдруг стали неразборчивыми и поплыли перед глазами… «Мария упрашивала меня ничего не сообщать, – писал Иван Варламович, – но я отправляюсь на ответственное задание и не знаю, доведется ли нам когда-нибудь свидеться. Поэтому не могу больше таить правду… Полгода назад в танковом бою под деревней Герасимовкой Горшечного района Курской области погиб твой брат… Отомсти извергам за смерть нашего Юрика…»

Пологов не хотел мириться с мыслью, что ему больше никогда не увидеть брата. Он снова пробежал глазами по строчкам письма. Вспомнился новогодний разговор с Марией.

Во время приезда Павла домой после ранения сестра жаловалась, что Юрий отказался от брони. В начале войны он работал на первом тагильском блюминге. Начальник цеха боялся потерять хорошего мастера и уговаривал его не обращаться в военкомат. Но Юрий в конце концов настоял на своем.

И еще вспомнил Павел, как по пути из Нижнего Тагила на фронт он заехал в Челябинск навестить брата. Тот служил старшим механиком-водителем в запасном полку и занимал должность инструктора по подготовке молодых танкистов. Брат тогда прямо заявил, что ни за что не останется в тылу.

И вот… его нет. А от Павла это скрывали, берегли от горя.

Варчук, прочитав письмо, сказал:

– На задание не пущу! Поостынь малость, успокойся, тогда и полетишь.

Пологов долго бродил за летным полем и вернулся, когда почувствовал, что озяб.

И еще одна беда свалилась на плечи штурмана: погиб его напарник, один из самых отважных летчиков первой эскадрильи Алексей Урядов. Погиб нелепо, на своем же аэродроме. Не прошло и двух дней, как Алексей приехал из Горького после госпиталя, рассказывал о доме, о жене, о том, как истосковался по небу, как не терпится ему сесть в самолет.

Ночью выпал снег и плотно укутал землю. Небо, точно ватой, обложило тучами. Вокруг – белым-бело. Когда утром летчики приехали на аэродром, ровное снежное поле было выутюжено катками. Урядову, как возвратившемуся из отпуска, полагалось

для восстановления техники пилотирования выполнить контрольный полет с одним из командиров в двухместном самолете. Варчук предложил ему вылететь вместе. Но Урядов отказался: дескать, двадцать дней – не срок, справлюсь сам. Дело в том, что для опытных летчиков, имеющих перерыв в полетах до тридцати дней, инструкцией разрешалось и самостоятельно делать такие полеты. Урядов воспользовался этим правом.

Трагедия разыгралась у всех на глазах. При заходе на посадку самолет на скорости двести восемьдесят километров под углом врезался в землю.

У пилота получился просчет глубинного горизонта. В глазах Урядова снежный покров поля слился с белой далью, и ему, вероятно, показалось, что выравнивать самолет еще рано, а на самом деле было уже поздно.

Так погиб Урядов, дорогой для всего полка человек, смелый, простой, общительный. Его похоронили на усадьбе одного из совхозов Воронежской области со всеми воинскими почестями.

На могиле молодого отважного летчика установили обелиск.

Февральские морозы завернули под тридцать. Но боевые вылеты не прекращались. Они следовали своим чередом.

Однажды, поднявшись в воздух и взяв намеченный курс, Павел неожиданно уловил ненормальную работу мотора. Стрелка прибора показывала всевозрастающую температуру воды.

Пологов летел на разведку. Задание он получил лично от приехавшего в полк командира дивизии. Провожая Павла, тот напутствовал:

– Товарищ майор, ожидаю вас с точными данными. Учтите, что мой доклад ждут в корпусе…

Стрелка прибора неотвратимо ползла вверх.

Перегрев! Что делать? При такой высокой температуре двигатель откажет через считанные минуты.

Павел развернул машину и возвратился обратно.

Около самолета закопошились техники и механики. Прибежал Варчук с инженером Котелевцевым.

– Что случилось? – запыхавшись, осведомился Варчук.

Пологов объяснил. И вдруг из-под радиатора самолета Котелевцев извлек плотный стеганый чехол. Швырнув его в сторону, зло выругался:

– Вот она – причина перегрева. Из-за такого пустяка недолго и в ящик сыграть.

Оказалось, что моторист забыл убрать злополучный чехол, предохраняющий от промерзания неработающий двигатель.

Варчук стал выяснять, кто готовил машину, а Павел крикнул: «От винта!» – и вскочил в кабину.

Через час комдив получил от штурмана нужные сведения и перед отъездом распорядился:

– Снять с виновника происшествия знаки отличия и сообщить его фамилию в дивизию.

Правда, знаки отличия снимать не пришлось, так как мотористом оказался рядовой солдат и новых погон еще не надевал.

Перед решающим сражением

В начале апреля снег потемнел, прижался к земле, из-под него местами выступали серовато-бурые пролысины. От них повеяло теплом. С каждым днем небо становилось голубей, светилось прозрачной лазурью. Как-то враз буйно разлились реки. Вырвались на волю истомившиеся в затворничестве ручьи и заиграли, заискрились солнечными зайчиками. Талая весенняя вода заполнила низины.

В сводках Совинформбюро запестрела лаконичная фраза: «На фронте ничего существенного не произошло».

Но это было лишь относительное затишье. Продолжались настойчивые бомбардировки и артиллерийские налеты с обеих сторон: то тут то там вспыхивали яростные воздушные схватки, охотились за «языками» разведчики. Изо дня в день истребители сопровождали на задания штурмовиков или прикрывали наземные войска.

Незаметно прошел май. Авиаподразделение Варчука перебазировалось на аэродром Солнцево, южнее Курска. Кроме того, произошло переформирование: 737-й полк влился в состав 291-й штурмовой авиадивизии, которой командовал полковник А. Н. Витрук.

Еще в мартовской наступательной кампании войска Красной Армии выдвинулись на сто километров западнее Курска. Образовалась Курская дуга.

Пологову зачастую приходилось наблюдать с воздуха огромные пространства освобожденной земли. Куда ни бросишь взгляд – везде войска и гражданское население строят линии глубоко эшелонированной обороны.

От высоких штабных начальников Павел слышал, что в Отечественную войну никогда и нигде не возводилась такая прочная и живучая оборона, как на Курской дуге.

Там было вес: противотанковые рвы, лабиринты траншей, доты, блиндажи и наблюдательные пункты, многочисленные минные поля с проволочными электрическими заграждениями.

Не приходилось сомневаться, что и немцы не сидят сложа руки.

Потерпев небывалое поражение в Сталинградской битве, проиграв весной сражение на Кубани, гитлеровское командование рассчитывало взять реванш летом под Орлом и Курском.

Захваченный в плен немецкий летчик рассказал, что недалеко от своей авиабазы, в лесу, он видел строительство крупного концлагеря. Сообщив об этом, он высокомерно

присовокупил:

– Сам фюрер распорядился строить этот лагерь для русских армий, которые будут окружены под Курском.

…Первого июля на аэродроме приземлился двухмоторный «Дуглас». И тотчас Пологова вызвали в штаб. Его встретили Варчук и командир дивизии Витрук.

– Товарищ майор, – обратился к нему полковник, – выбирайте шестерку лучших и прокладывайте маршрут до Воронежа. Там, прямо в воздухе, вас сменят. Прошу иметь в виду, что задание особое – сопровождать «Дуглас». Время на подготовку – пятнадцать минут. Вопросы есть?

– Все ясно, товарищ полковник.

Дав последние наставления летчикам, которые отправлялись на задание вместе с ним, Пологов заторопился к своему «яку». И тут он обратил внимание, что к «Дугласу» подъехали две легковые автомашины. Из них вышло несколько генералов.

Павел узнал командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина и командующего 2-й воздушной армией генерала С. А. Красовского.

О том, что этот полет имел прямую связь с предстоящими событиями, Пологов догадался, когда 2 июля его с Варчуком и начальником штаба вызвали в дивизию. Здесь уже находились все командиры, штурманы и штабисты полков.

Витрук только что вернулся от Красовского с армейского совещания. На столе комдива были аккуратно разложены картонные листы с наклеенными на них аэрофотоснимками неприятельских позиций. В лупу четко просматривались дороги, степные овраги, тропинки, траншеи с горбатыми брустверами, дзоты и даже тонкие, как паутина, нити проволочных заграждений.

– Удачные фотографии! – констатировал Витрук.

Пологов узнал два снимка, сделанных при последнем разведывательном вылете.

Витрук подошел к другому столу, на котором лежала крупномасштабная карта. На ней жирно выделялась обведенная красным карандашом Курская дуга. Над флангами дуги нависли вражеские выступы: Орловский – с севера и Белгородско-Харьковский – с юга.

– Вот ключевые позиции южного фаса Курской дуги, – указывая карандашом на красные кружки, заговорил Витрук. – Основной удар танковых соединений противник скорее всего направит на Обоянь и Прохоровку. В этих направлениях степь, пересеченная мелкими оврагами, благоприятствует врагу. Здесь он наверняка пустит своих «тигров», «пантер» и «фердинандов».

– Мы с вами взаимодействуем с 6-й армией, – продолжал полковник. – Гитлеровцы на небольшом участке сколотили бронированный кулак из своих отборных танковых дивизий СС: «Мертвая голова», «Райх», «Адольф Гитлер», «Великая Германия».

Витрук ознакомил офицеров с задачами полков.

Командование армии получило предупреждение Ставки, что наступление противника ожидается в период с 3 по 6 июля. Эти данные подтверждали пленные. Возле Белгорода перешел линию фронта и сдался в плен сапер, словенец по национальности. Он показал, что его часть получила задачу – разминировать минные поля и снять проволочные заграждения. Солдатам выдали сухой паек и шнапс на пять дней. Примерный срок наступления – 5 июля.

А на другом участке Курской дуги разведчики обнаружили перед передним краем группу немецких саперов, занимавшихся той самой подготовкой, о которой рассказывал перебежчик. В ночной схватке разведчикам удалось взять «языка». Им оказался рядовой солдат саперного батальона. Он подтвердил ранее добытые сведения: наступление назначено на три часа 5 июля. Войска уже вышли на исходные позиции.

Как и многие, Пологов в ночь с 4 на 5 июля почти не сомкнул глаз. В два часа он с Варчуком вышел из землянки. В небе мерцали звезды. Невероятная тишина висела над полем. Трудно было представить, что на сотни километров вокруг замерло в ожидании сигнала колоссальное скопление войск и техники.

Упреждая артподготовку гитлеровцев, командование фронтом отдало приказ: в 2 часа 30 минут открыть огонь по противнику из шестисот орудий и гвардейских минометов – «катюш». Вздрогнула земля. Над полями и перелесками прокатился тяжелый грохот и слился в сплошной клокочущий гул. Сражение началось.

Над Курской дугой

Более четырех часов, прислушиваясь к отдаленной канонаде, летчики ждали в готовности номер один. По сигнальной ракете Пологов повел эскадрилью истребителей на сопровождение «илов».

Не успели штурмовики пробиться сквозь свирепый огонь зениток и выйти на цель, как наземная станция наведения передала:

– «Маленькие», внимание! Я – Коршун-пять. Справа, выше вас, «фоккеры»! «Горбатые»,[8] будьте внимательны!

Но истребители уже шли навстречу противнику. Как и было предусмотрено Варчуком, атаки «ильюшиных» прикрывал Пологов с ведомым, а другая группа завязывала бой с «фокке-вульфами». Пока штурмовики «обрабатывали» наступающих «тигров» и «пантер», пологовский напарник и два «ила», получив повреждения, повернули на восток.

Оставшись один, Павел тревожился не за себя, а за своих подопечных. Он хорошо знал, как яростно фашистские истребители набрасывались на «ильюшиных». Именно от них гитлеровцы несли тяжелые потери. За это немцы прозвали «илов» – «шварце тод» – «черная смерть». Но была и другая причина ярости вражеских летчиков: за каждый сбитый советский штурмовик им назначалась награда в две тысячи марок.

От взрывов бомб, снарядов и мин, от грохота орудий и танков стонала земля. За сплошными клубами дыма невозможно было разобрать, что делается внизу.

Снова раздался треск в наушниках, и тот же беспокойный голос распорядился:

– «Горбатые»! Я – Коршун-пять. Кончай работу!

Пологов находился сзади и выше штурмовиков. Он увидел, что они, набирая скорость, уклоняются в сторону от нужного курса и наверняка проскочат свой аэродром.

– «Горбатые»! Я – Береза, – подключился в эфир штурман. – Берите левый пеленг двенадцать градусов.

Штурмовики неслись в прежнем направлении. Павлу стало ясно, что радиосвязь нарушена. До предела нажав газ и обогнав «илы», он зашел сбоку головного самолета и качнул машину с крыла на крыло: «Следуйте за мной». Вероятно, «ильюшины» тут же разобрались в своей ошибке. Они развернулись и пошли точно в сторону своей базы.

Пологову не удалось долететь до полка: недостаток горючего заставил его сесть на ближайшем аэродроме. Он заправил «як»,

предупредил по рации Варчука о причине задержки и вылетел к своим. На аэродроме его встретил Сорокин и сообщил, что все возвратились без потерь. Выяснилось, что у ведущего «ила» отказало радио и он временно потерял ориентировку.

Сложность заключалась и в том, что над равнинной местностью, не имеющей заметных ориентиров, выдерживать заданный курс очень трудно: не существовало никакого средства против активного влияния на компас Курской магнитной аномалии. Естественно, в этих условиях работа флаг-штурмана полка приобретала исключительно важное значение.

На вторые сутки после начала битвы неприятельским танкам удалось прорвать линию обороны наших войск. Основные удары нацеливались на Обоянь и Прохоровку. В этой напряженной обстановке советские истребители работали, точно конвейер: едва пополнят бензобаки и боекомплект – сразу в воздух.

Северо-восточнее Белгорода, у Прохоровки, произошло одно из крупнейших танковых сражений: около полутора тысяч бронированных машин сошлись на узком участке фронта. Казалось, что сражаются уже не люди, а раскаленный металл.

* * *

Наступление противника захлебывалось.

…Утром Варчук сообщил Пологову:

– Звонили из отдела кадров корпуса. Обязали выполнить полученную три дня назад шифровку: отправить тебя в распоряжение штаба 16-й армии. Что будем делать?

Пологова отзывали в другую воздушную армию на повышение. Сначала, узнав об этом, Варчук посоветовался с комдивом и решил день-два повременить. Пока судили да рядили, началась Орловско-Курская битва.

Надеясь, что в горячке боев все потихоньку утрясется, Павел успокоился: ему не хотелось расставаться с Варчуком, с однополчанами. Он крепко сроднился с ними. И вот – опять.

В этот день Пологов сделал только один вылет. Его встретил хмурый механик:

– Вас ждет майор из корпуса.

Павел прошел на КП и начал было докладывать, но Варчук безнадежно махнул рукой:

– Знакомьтесь, товарищи!

Рядом с командиром полка стоял румяный, гладко выбритый офицер. Обмундирование на нем было ловко пригнано, новенькая портупея поскрипывала, хромовые сапоги блестели, как зеркало.

Он сунул штурману сложенный вчетверо лист бумаги и попросил расписаться.

В шифровке Пологову приказывалось немедленно явиться в штаб корпуса. На документе уже стояла виза Варчука.

* * *

…В тренировочной спарке Як-7б Павел занял место в кабине пилота, а Сорокин сел сзади. Маршрут проложили прямой – с юга на север: штаб 16-й воздушной армии дислоцировался недалеко от Курска. Отсюда Сорокин увез однополчанам последний привет от бывшего флаг-штурмана. Получив назначение на должность командира 163-го истребительного авиационного полка, Пологов в первую очередь познакомился с боевой обстановкой.

На севере Курского выступа авиация прикрывала наземные войска 13-й армии. Обозначились основные ударные «клинья» противника – на Ольховку и Поныри. Взаимодействие с наземными соединениями организовали так: на поле боя находились представители авиационных частей, координировавшие по рациям действия истребителей.

Каково же было огорчение Пологова, когда на месте базирования своего нового полка он застал лишь штаб во главе с майором Сушко. Летный состав и технический персонал оказались разбросанными по соседним подразделениям 273-й авиационной дивизии.

8 июля на аэродроме Колпны Пологов собрал всех летчиков и принял полк. Выяснилось, что в его распоряжении осталось всего восемь самолетов Як-3 и Як-7б. Ожидали поступления новых Як-9.

Вместе с замполитом полка Житным и полковым инженером Пологов долго беседовал с группой техников. Требовалось до получения новых машин изыскать возможность своими силами увеличить самолетный парк. Техники и механики обещали за сутки отремонтировать и ввести в строй два самолета.

Пологов решил как можно быстрее сколотить боевой коллектив летчиков и укомплектовать полк. Ему деятельно помогали замполит Житный, майор Сушко и командиры эскадрилий – капитаны Богатырев и Подгорный.

По старой привычке Пологов сразу же начал возглавлять все ответственные задания. Ему хотелось проверить летчиков в деле. Он отлично понимал, что первый боевой вылет в новой роли командира полка есть как раз тот случай, когда и командир и подчиненные держат негласный экзамен друг перед другом. В воздушном бою могут сталкиваться одинаковые количества

самолетов, но не может быть одинаковых решений и шаблонных приемов. Ситуаций в воздухе складывается бесконечно много. У Павла выработалась потребность постоянно анализировать итоги проведенных схваток, делать выводы и находить, как ему казалось, наиболее правильные решения. Одно для него было бесспорным: надо постоянно накапливать арсенал тактических приемов и методов ведения боя, тренажем осваивать их и разумно, в зависимости от обстановки, пользоваться этим арсеналом.

Еще летом сорок второго Варчук как-то на полковом построении обратился к молодым летчикам:

– Вам есть у кого поучиться искусству высшего пилотажа. Когда сумеете летать так, как ваш флаг-штурман, можете считать себя мастерами.

Так говорил его командир, строгий судья и верный товарищ.

10 июля полк вылетел на прикрытие наземных войск. Противника встретили за линией фронта; восемнадцать Ю-88 шли под охраной двенадцати «Фокке-Вульфов-190». Соотношение сил складывалось не в пользу советских истребителей: восемь против тридцати.

Еще перед вылетом Пологов предупредил летчиков:

– Без команды в бой не вступать, огонь не открывать.

Сейчас, взвесив обстановку, он быстро развернул строй своих машин параллельно курсу вражеских самолетов. Те не проявили активности. Они, видимо, ожидали, когда наши истребители начнут атаку, чтобы связать их боем и не допускать к «юнкерсам». Время не позволяло Пологову долго выжидать: оставались считанные километры до передовых позиций.

– Внимание! Имитируем атаку на «фоккеров», – скомандовал Пологов.

Восьмерка ринулась навстречу «фокке-вульфам». Вот их уже разделяет только четыреста метров. Триста. Двести. Сто… И в этот момент Пологов приказал:

– Все за мной!

«Яки» вихрем нырнули под «фоккеров». Пока немцы сообразили, в чем дело, и развернулись, истребители набросились снизу на бомбардировщиков. Маневр был рассчитан на внезапность и оправдал себя. Первой жертвой оказался ведущий «юнкерс». Пулеметная очередь, вероятно, сразила летчика, и неуправляемый самолет понесло к земле.

По сигналу лидера, пары Подгорного и Богатырева завязали бой с «фоккерами». Один «юнкерс» прорвался было вперед и пытался освободиться от бомб, но Яков Корсунский и Валентин Баландин настигли его и, взяв в «клещи», буквально пригвоздили

к земле.

Пологовская восьмерка вышла из схватки, не потеряв ни одной машины, и возвратилась в Колпну. Пока заправляли самолеты, летчики, довольные исходом боя, умывались и обменивались мнениями:

– А новый-то командир, видать, стреляный воробей.

– Ей-богу, здорово он «фоккеров» вокруг пальца обвел…

Пологов не успел докурить папиросу, как его вызвал к телефону начальник штаба 6-го авиационного корпуса. Выслушав доклад командира полка, он приказал:

– В составе пары произведите разведку в тылах противника. Уточните местонахождение и численность танковых соединений.

Связь с воздушными разведчиками, отправившимися на задание, поддерживал по рации заместитель командующего воздушной армией генерал-майор Дмитриев. Он разместился на пункте управления вблизи наших передовых позиций.

За линией фронта Пологов дал свой позывной и сообщил, что он находится северо-восточнее Ольховатки.

«Земля» запросила пароль и фамилию ведомого. Пологов понял предосторожность генерала. Бывали случаи, когда неприятель подключался на нашу волну и пытался, запутав летчиков, сорвать операцию.

– Ищите «клад» в северо-западном направлении, – поступило распоряжение «Земли».

Ведомым Пологов взял хорошо обстрелянного капитана Богатырева. За четверть часа разведчикам пришлось дважды уходить в сторону, чтобы избежать встреч с вражескими истребителями. Часто меняя курс и прижимаясь к перелескам, им удалось в районе Кашары выйти над скоплением немецких танков и бронетранспортеров. Их было больше восьмидесяти. Следом ползла бесконечная колонна автомашин.

Требовалось провести аэрофотосъемку, поэтому Пологов резко увел самолет вверх. Но тут ожили зенитки. Пришлось фотографировать под огнем. Вырвавшись затем из зоны обстрела, Павел передал «Земле» координаты для нанесения бомбового удара. В наушниках послышалось:

– Молодцы! Быстро домой!

Стрелки часов слились в одну линию – ровно полдень. «Кажется, все обошлось», – подумал Павел. Но тут же насторожился: вдали замелькали темные точки. Они быстро росли. Различив их силуэты, Пологов облегченно вздохнул: наши! Это шла встречным курсом эскадрилья «яков». Следом за ней с оглушающим грохотом неслись двадцать «Петляковых», охраняемых с боков и сверху истребителями. Вскоре в том же

направлении, но более мощной эскадрой пролетел эшелонированный строй «ильюшиных».

Спустя сутки майор Сушко, высокий, худой, с усами и клинообразной бородкой, зачитал личному составу два приказа. В первом – армейском – сообщалось о результатах вчерашнего воздушного удара по Кашаре (было сожжено и подбито около 40 танков) и приводился текст телеграммы Военного совета 13-й армии на имя командующего 16-й воздушной армией генерал-лейтенанта С. И. Руденко:

«Военный совет 13-й армии просит передать летному составу воздушной армии горячую благодарность наших наземных войск за активную поддержку с воздуха в отпоре врагу. Воины 13-й армии с любовью и теплотой отзываются об удачных ударах с воздуха своих братьев по оружию».

В другом приказе – по корпусу – подчеркивалась эффективность воздушных разведок с немедленным нацеливанием на квадраты, говорилось о введении в нашей авиации классности для летного состава. В последнем пункте перечислялись фамилии пилотов, которым командующий присваивал звание «Летчик-связист 1-го класса». Среди них был и Павел Пологов.

А наутро в полк позвонили танкисты.

– Майор Пологов? – гудел в трубке чей-то густой бас. – Наконец-то мы вас застали. От всех наших ребят – вам огромная благодарность…

Этот неожиданный телефонный звонок моментально воскресил в памяти Павла позавчерашний день.

Командир корпуса 2-й танковой армии обратился к летчикам с просьбой избавить их от назойливого немецкого разведчика, который передавал с воздуха своей дальнобойной артиллерии координаты скоплений советских танков. На охоту за «рамой» (так фронтовики называли «Фокке-Вульфа-189») в паре с Пологовым отправился капитан Богатырев. Однако фашистскому корректировщику удалось скрыться в облаках и уйти от погони.

– Знать, опытная бестия! – почесывая затылок, сокрушался за обедом капитан.

– Тем приятнее будет с ним следующая встреча. Ничья нас никак не устраивает, – сухо обронил Павел.

Мысль о злосчастной «раме» не давала ему покоя. Вторая встреча с «фокке-вульфом» произошла часов в шесть вечера. С передового пункта наведения сообщили, что немецкий разведчик вновь появился на большой высоте. Несмотря на два спаренных фюзеляжа, «рама» обладала завидной скоростью, хорошей маневренностью и мощным вооружением. Поэтому приблизиться

к ней на дистанцию огня было не так-то просто.

Минут десять Пологов с Богатыревым гонялись за вертким, как юла, корректировщиком. И опять он пытался спастись бегством. Выйдя на бреющем полете к лесу, «рама» чуть было не ускользнула от истребителей. Но Пологов стремительно зашел ей в лоб, и та, неуклюже развернувшись, врезалась в деревья.

12 июля наступление гитлеровцев на Орловско-Курском плацдарме окончательно провалилось. А через три дня войска Западного, Брянского и Центрального фронтов перешли в генеральное контрнаступление. Задача теперь заключалась в том, чтобы окружить и полностью разгромить Орловскую группировку немцев.

Сражение достигало наивысшего накала. Вылеты истребителей начинались с зарей и прекращались с заходом солнца.

Боевая страда требовала от летчиков нечеловеческого напряжения сил и нервов. А тут еще вернувшийся из краткосрочного отпуска капитан Подгорный подлил масла в огонь. Он приехал совершенно убитый горем и, когда его окружили с расспросами, лишь глухо выдавил:

– Я теперь на себе испытал то, что раньше по радио слышал…

Подгорный имел в виду недавнее сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о зверствах фашистов на оккупированной территории.

Собираясь в отпуск, капитан надеялся проведать сестру, которая полгода находилась под игом гитлеровцев и полицаев. Но встреча не состоялась. В маленьком селе Курской области, там, где раньше стоял дом сестры, громоздились обугленные бревна.

Капитану рассказали, что фашистские изверги повесили Подгорную за то, что она была секретарем райкома партии. Но прежде на ее глазах замучили четырехлетнего сына.

Когда обо всем этом узнали в полку, собрался митинг. На нем было решено открыть счет мести. На самолетах появились надписи, сделанные белой краской: «Отомстим проклятым фашистам!», «Смерть немецким оккупантам!».

Не по дням, а по часам росло число сбитых вражеских машин. А командир полка довел свой личный счет до двадцати самолетов. Только в районах Малоархангельска и Севска Пологов совершил 45 боевых вылетов и в семи воздушных схватках уничтожил четыре «юнкерса» и одного «фокке-вульфа». К концу месяца он и замполит доложили в дивизию итоги боев: враг потерял 16 самолетов, а в полку не вышло из строя ни одной машины.

…После мощных контрударов наших танковых соединений и авиации положение вражеской группировки на Орловском плацдарме стало безнадежным. 5 августа войска Брянского фронта штурмом овладели Орлом, а войска Степного фронта освободили Белгород. Наступление Красной Армии продолжалось повсеместно. Наша авиация завоевала безраздельное господство в воздухе.

На аэродроме царил праздник. Почти каждый держал в руках специальный выпуск листовки с крупным заголовком: «ОРЕЛ – НАШ!» В листовке говорилось:

> «…приказ Военного совета выполнен. Поздравляем вас, товарищи, с новой победой!.. Воин Красной Армии! Ты своими подвигами прославил непобедимое русское оружие. Враг не выдерживает силу нашего удара! Не давай немцу передышки. Бей фашистскую сволочь. Отомстим за кровь и слезы наших жен и детей, отцов и матерей, за смерть советских людей!
>
> ***ВПЕРЕД, НА РАЗГРОМ ВРАГА! ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!»***

Вечером все собрались на КП у радиоустановки. Ожидали, когда начнут передавать артиллерийский салют из Москвы в честь воинов-победителей.

Поздравления, рукопожатия. Пока звучали позывные Москвы, летчики развернули мелкомасштабную карту и стали подсчитывать расстояние от Орла до Государственной границы СССР и дальше – до Берлина.

– Да… многовато, – со вздохом протянул Богатырев.

– Неужто еще тысяча семьсот километров?! – недоверчиво переспросил лейтенант Баландин.

– Ни черта! Все равно дойдем! – хлопнул ладонью по столу Корсунский.

И вдруг все, как по команде, смолкли.

Раздался знакомый голос диктора Левитана:

– Го-во-рит Мос-ква! Го-во-рит Мос-ква! Передаем приказ Верховного Главнокомандующего…

«Присвоить звание героя…»

Нижний Тагил, улица Газетная, 15. По этому адресу Павел отправил родным не один десяток писем-треугольников. Ветхий деревянный домишко стеной покосился в сторону улицы. Когда-то высокий (с земли до окна нельзя было дотянуться рукой, приходилось стучать палкой), он теперь врос в землю по самые подоконники. Здесь родились три брата и шесть сестер Павла, здесь прошли их детские и юношеские годы. Сколько помнят Пологовы своих дедов и прадедов, все они испокон веков жили в этом доме.

По преданию, предки Пологовых – крепостные крестьяне – были выиграны в карты Акинфием Демидовым у воронежского помещика и завезены на реку Тагил. Именитый хозяин Каменного Пояса закладывал тогда железоделательный завод, положивший начало городу Нижнему Тагилу.

По соседству с избой Пологовых стоял крепкий дом с кирпичным цокольным этажом, с резными наличниками. За высоким его забором всегда гремел цепью свирепый пес.

До революции в этих хоромах жил церковный староста. На другой стороне улицы, напротив Пологовых, возвышался такой же добротный, как у старосты, особняк, принадлежавший до Октября заводскому исправнику.

Сейчас в этих домах расквартировались эвакуированные ленинградцы. Семейство Пологовых быстро с ними сдружилось. Вместе стояли в очередях за продуктами, часто забегали друг к другу узнать вести с фронта, поделиться новостями.

В начале сентября, утром запыхавшаяся соседка забежала к Валентине, выпалила с порога:

– Вы слышали по радио? Это ваш муж?..

У той перехватило дыхание:

– Не знаю. А что случилось? Да говорите же! – Валентина прижала руки к сердцу и, побледневшая, опустилась на стул.

– Миленькая, поздравляю, он – Герой Советского Союза, – протараторила соседка.

– Фу, как вы меня перепугали… Слава богу, жив!

Со двора вошла мать Павла. Услышав, что по радио передавали о сыне, она дрожащими руками схватила репродуктор, потрясла его и, отвернув от щеки платок, прижала к уху. Но радио молчало – был перерыв. Взглянув на взволнованное лицо невестки, Евдокия Никаноровна перекрестилась:

– Господи боже мой! Ну, говори, что там еще натворил наш Павел?

Узнав, что сын стал Героем, засуетилась, заплакала от счастья. Через полчаса прибежала сестра Павла, Мария Андреевна. Она работала секретарем Тагилстроевского райкома партии и уже все знала, наслушалась поздравлений от сослуживцев и знакомых.

Пологовы с соседями сидели у репродукторов, ожидая очередной передачи последних известий. Наконец диктор объявил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении офицеров Военно-Воздушных Сил Красной Армии, в числе которых назвал и майора Пологова Павла Андреевича.

Москва. Кремль

Пологова вызвали к телефону и предупредили, что с ним будет разговаривать командир корпуса.

– Пока затишье, собирайся быстрее, – услышал Павел добродушный голос генерала. – Разрешаю тебе вылет в Москву. Командование временно передай капитану Богатыреву.

Накануне, когда встал вопрос о поездке Пологова в Москву за наградой, он подал рапорт с просьбой дать несколько дней для встречи с семьей. Но сейчас командир корпуса ни словом об этом не обмолвился.

– А как моя просьба, товарищ гвардии генерал? – не вытерпел Павел.

– Удовлетворена. Даю дополнительно трое суток. Заезжай за документами.

На сборы и прощание с однополчанами ушел час.

В полдень на московском аэродроме «Быково» с группой летчиков-офицеров Пологов вышел из транспортного самолета. Перед встречей со столицей он немного волновался. В его памяти сохранилась зимняя Москва сорокового года, когда он отправлялся на финский фронт. Как-то она выглядит теперь?

Павлом овладело радостное чувство ожидания чего-то неизведанного. Он вышел из метро на остановке «Охотный ряд» и осмотрелся. Сквозь серые тучи пробивались редкие лучи солнца. «Центр цел и невредим, – с удовлетворением отметил он, – такой же, каким был тогда, в сороковом». Пронзительный звон трамваев, сирены автомобилей и скрип тормозов, людское многоголосье – все это создавало неповторимый ритм огромного города. «И нет следов войны. Сберегли!» – с радостью подумал Павел. Бесконечный поток прохожих тянулся от угла здания Совета Министров вверх по улице Горького. Смешавшись с толпой, Пологов свернул к площади Свердлова и заторопился в наградной отдел управления кадров ВВС. Он обратил внимание на большое количество военных, попадающихся навстречу. Вот стрелка-указатель – «Бомбоубежище», вот разрисованные для маскировки колонны и стены Большого театра.

…Награды вручал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. Церемония проходила необычайно просто и в то же время торжественно. Когда в помещение донесся мелодичный звон кремлевских курантов, в зале раздались дружные аплодисменты: все встали, приветствуя Калинина. Он появился из боковой двери и в сопровождении Секретаря Президиума А. Ф. Горкина направился к центру

длинного стола, покрытого бордовой скатертью.

Павел отметил про себя, что в жизни лицо Михаила Ивановича с седой клинообразной бородкой еще добрее и улыбчивее, чем на портретах. Всесоюзный староста приветливо поздоровался с присутствующими и сердечно поздравил с наступающей 26-й годовщиной Великого Октября, с освобождением Донбасса и Харькова.

Пологов глядел на все происходящее глазами человека, открывшего для себя что-то необыкновенное. Какое-то неведомое чувство нахлынуло вдруг на него: «Вот я – рядовой слесарь, сын простого рабочего, удостоен самой высокой награды. Чем оправдать это? Еще беспощадней бить фашистов, еще быстрее гнать их с нашей земли… Эх, живы были б отец и братья…»

– Майора Пологова Павла Андреевича! – пронеслось над притихшими рядами.

Павел не запомнил, о чем думал, когда шел к столу. Он не заметил, как оказался рядом с Михаилом Ивановичем, но память навсегда сберегла душевную улыбку Калинина и его теплые слова:

– Желаю вам, Павел Андреевич, всегда быть в добром здоровье и крепче громить врага.

Среди родных и друзей

Как и в первый свой приезд, Пологов явился домой нежданно-негаданно.

Лицо матери, иссеченное глубокими морщинами, показалось ему таким постаревшим, что Павел едва подавил подступившие к горлу слезы.

– Пашенька?! Откуда ж ты? – не поверила глазам Евдокия Никаноровна.

– Оттуда, мама, с небес, – рассмеялся сын, показывая пальцем на потолок.

– Слава богу, целехонек, – мать кончиком платка смахнула набежавшие слезы.

Из-за ее спины нетерпеливо выглядывала Валя, удивленная и счастливая. Она обеими руками обхватила Павла за шею и, боясь выпустить, смотрела, смотрела… Потом уронила голову на грудь мужа, и ее плечи часто-часто затряслись.

– Зачем ты, Валюша? – утешал растроганный Павел. – Все ведь пока хорошо…

Успокоившись, Валя коротко поведала мужу о своем житье-бытье. Торопясь, рассказала о сыне.

Он уже совсем большой. И такой забавный. С ним не соскучишься.

Сына привели из садика раньше обычного, и счастливый отец весь вечер таскал его на руках. А Володьке того и надо было: он глаз не сводил с Золотой Звезды.

Весть о приезде Пологова разнеслась моментально, и в дом по улице Газетной, 15 повалили родственники и знакомые.

На этот раз Пологов чувствовал себя в родном городе увереннее и спокойнее, чем в сорок первом. Теперь он не ловил на себе, как тогда, молчаливых, укоризненных взглядов; ему не задавали суровых вопросов вроде: «Долго ли еще отступать будете?»

Сейчас людей интересовало лишь одно: «А скоро ли Гитлеру конец?»

В доме стало шумно и многолюдно. Приходили знакомые, друзья Павла по заводу, представители предприятий, строители третьей домны, пионеры из школ. Одни звали на вечер в честь вручения переходящего знамени Наркомата, другие просили посетить детский дом – все приглашали в гости.

Пологов не знал, куда отправиться раньше. Секретарю горкома партии пришлось самому заняться расписанием встреч героя с тагильчанами. Все согласились, что в первую очередь

следует отдать предпочтение коллективу металлургического завода имени Куйбышева, на котором работал Павел.

Вожак городских комсомольцев Анатолий Произволов и комсомольский секретарь завода водили Пологова по цехам. Многие из давно работавших на заводе узнавали Павла, подходили, поздравляли.

Пока в самом большом пролете собирались на митинг рабочие, Анатолий Произволов сообщил Пологову, что комсомольцы завода начали переписку с летчиками его полка.

Павла провели к стоящему посредине цеха паровозу, который стал импровизированной трибуной. Перед выступлением Пологов заметно волновался. Ему еще никогда не приходилось оказываться в центре внимания такой огромной аудитории. Сестра Мария, как представитель горкома партии, все время находилась рядом.

Начался митинг. После того как выступили передовики, Анатолий Произволов, нагнувшись к Павлу, вполголоса предупредил:

– Давай больше о фронте. Люди интересуются особенно.

Рабочие слушали летчика очень внимательно.

– Меня воспитал ваш коллектив, – начал Пологов. – Здесь я вступил в комсомол, здесь мне вручили путевку в авиацию. Поэтому полученная мной высокая награда Родины – это и ваша награда, дорогие друзья.

Павел на секунду остановился, стараясь побороть волнение, потом стал рассказывать о боевых делах своего полка.

Завершая митинг, Анатолий Произволов зачитал письмо, недавно полученное заводскими комсомольцами от летчиков пологовского полка.

На следующее утро в дом Пологовых робко вошла молодая женщина лет двадцати семи. В руках она держала свежую газету «Тагильский рабочий».

– Добрый день! – поздоровалась она. – Не узнаете?

Павел немало изумился такой встрече. Перед ним стояла похудевшая, закутанная в платок однополчанка Аннушка, жена летчика Алексея Королькова.

Аннушка случайно увидела в газете пологовский портрет и тут же отпросилась с работы… Ей до сих пор ничего не было известно о муже.

– Вот и пришла повидаться, – вздохнула она.

Павел видел, какого труда ей стоило, чтобы не расплакаться.

– Эвакуировалась с матерью в Тагил, как только родился сын… Может, вы что-нибудь знаете об Алексее? – спросила Аннушка.

Что мог ответить ей Пологов? Чем помочь? Неловкое слово способно глубоко ранить человека, лишить его последней надежды и, наоборот, простое, душевное – окрылить, влить в человека новые силы.

Обманывать Павел не хотел. Сказал как было: «Пропал без вести». Добавил, что может быть, Алексей тяжело ранен и находится где-нибудь в тылу, в госпитале, и сам ее разыскивает. В общем, рано падать духом, надо набраться терпения, не мучить себя и ждать…

На всякий случай Пологов записал Аннушкин адрес.

– Разное бывает, – сказал он на прощание. – Если посчастливится что узнать – обязательно напишу.

В последний день пребывания в Нижнем Тагиле Павел с Марией приехали в детский дом. Директор Зинаида Федоровна Лапенко знакомила гостей с воспитанниками, рассказывала, что поступает очень большой поток писем с запросами о детях. Некоторым ребятам посчастливилось: их разыскали родители и увезли домой.

Пологовы обратили внимание на худенького, серьезного не по годам мальчугана. Это был двенадцатилетний ростовчанин Генка, не раз убегавший из детского дома искать отца. Спустя два-три дня он обычно возвращался обратно, голодный, грязный, зареванный.

– Хочешь, Гена, приходи к нам в гости. – Павел пригладил мальчишке вихрастый чуб. – Вместе с моей сестрой, Марией Андреевной, будешь писать мне письма на фронт.

Генкины глаза восторженно сверкнули:

– Приду… А где вы живете?

Пологов назвал свой адрес и предупредил:

– Только, чур, уговор: впредь из дому не убегать – папа сам тебя разыщет. Договорились?

Мальчуган поспешно закивал головой и обеими ладошками пожал протянутую руку Павла.

Вдруг от стайки ребятишек отделилась девчушка лет пяти и с радостным визгом кинулась к Марии Андреевне:

– Мама! Мамочка! Моя мамочка приехала!

Цепко ухватившись за полу ее пальто, она задрала головку и не спускала с женщины сияющих, счастливых глаз.

От неожиданности все на миг растерялись. Первой пришла в себя Мария Андреевна и подняла девочку на руки.

– Здравствуй, доченька, – превозмогая желание разрыдаться, поцеловала она ребенка. – Как я по тебе соскучилась.

– Я тоже, мамочка.

– Валечка, – осторожно вмешалась Зинаида Федоровна, – а

как ты узнала, что это твоя мама?

– Потому, что знаю, – совсем по-взрослому отрезала девчурка и, обняв Марию Андреевну, еще сильнее прижалась к ней.

В детский дом Валю привезли два года назад чужие люди – ленинградцы. Их эшелон по пути в тыл бомбили фашистские самолеты. Валину мать убили. Но беженцы сделали все, чтобы об этом не узнал малолетний ребенок. И девочка ждала мать…

У Марии Андреевны не было своих детей, и Павел сразу же понял и одобрил желание сестры. Из детского дома Пологовы уехали втроем: Павел нес на руках ленинградскую девочку Валю.

Таран пылающего «яка»

Пологов вновь находился среди своих боевых друзей. Полк перелетел на сотни километров вперед, на запад. Пока Павел ездил в Москву и на Урал, поступил приказ о присвоении ему звания подполковника. Но приятную новость омрачило другое известие: во время его отсутствия погиб Корсунский, верный боевой товарищ. Пологову рассказали, что Корсунский с напарником удачно провели воздушный бой и сбили одного «юнкерса». Перед посадкой на аэродром, возбужденные успехом, они веером разошлись вверх, чтобы выполнить «петлю Нестерова». Заниматься фигурами высшего пилотажа перед посадкой категорически запрещалось инструкцией и считалось недозволенным ухарством. Неоднократно случалось, когда «мессершмитты» подлавливали наших истребителей именно в такие моменты.

К общему изумлению, один из «яков», задрав нос, на какую-то долю секунды неожиданно повис без движения, а затем, как подстреленная птица, рухнул прямо на летное поле.

Техники долго рылись в обломках самолета, пока не разобрались в причинах катастрофы. Оказалось, что во время воздушной схватки осколок перебил жесткую дюралевую тягу, соединяющую управление с хвостовым оперением. При горизонтальном полете тяга еще чудом держалась. Когда же летчик, совершая «мертвую петлю», сильно потянул ручку – тяга лопнула, и машина потеряла управление.

…Передовые части 2-го Белорусского фронта перешли в стремительное наступление. Отбросив гитлеровцев к Ковелю, советские дивизии окружили гарнизон города и продолжали продвижение к Государственной границе СССР. Потеря Ковеля угрожала южному крылу и тылу группы фашистских армий «Центр». Стремясь любой ценой деблокировать и удержать город, гитлеровцы подтягивали танковые и пехотные дивизии. Осажденный гарнизон, насчитывающий до 20 тысяч солдат и офицеров, предпринимал яростные контратаки, нес громадные потери, но не мог вырваться из железного кольца. В городе истощились запасы продовольствия, боеприпасов, медикаментов. Над Ковелём стали появляться немецкие транспортные самолеты и сбрасывать на парашютах объемистые ящики.

Истребители пологовского полка базировались недалеко от Луцка и прикрывали наступающие советские войска.

…Это произошло 3 апреля 1944 года. Всю ночь вьюжила метель. Утром белое небо слилось с заснеженной землей.

Пронзительный ветер гнал поземку. Летное поле заволокла молочная пелена. Затянувшаяся зима разбушевалась, словно пыталась отвоевать у весны еще один день.

В десять часов утра заместитель командующего воздушной армией вызвал Пологова к рации:

– Необходимо вылететь на Ковель, прикрыть наземные части.

– Слушаюсь. Но у нас здесь пурга, не видно ни зги. При взлете рискуем погубить людей и машины, – объяснил обстановку Пологов.

– Синоптики полагают, что пургой охвачен ограниченный район, в том числе и ваш квадрат. Однако на высоте пятидесяти метров погода уже летная, а над Ковелём – солнце. Вылетайте! – генерал пожелал успеха.

Пологов решил вести группу сам. Еще раз уточнил метеоданные с синоптиками и выложил курс. Собрав летчиков, объяснил задание и напомнил, что боковой ветер при малейшем развороте может перевернуть самолет.

– Взлетать смело, по прямой и сразу – набор высоты! – закончил он напутствие.

Механики и техники, держась за руки, выстроились на безопасном расстоянии сбоку взлетной полосы. Они служили как бы ориентирами летчикам: указывали им прямую для разбега.

Пологов поднялся в воздух первым. За ним устремились остальные. Они не знали подробностей разговора командира полка с генералом, но были уверены, что если Пологов летит – значит, нужно лететь.

Взлетели нормально. Предсказание синоптиков подтвердилось – вскоре истребители выбрались из облачной зоны.

У самого Ковеля навстречу пологовской восьмерке вынырнули двенадцать «Фокке-Вульфов-190». Не успел Пологов передать об этом на КП, как на горизонте появились одиннадцать транспортных самолетов Ю-52. Это были грузовые машины с тридцатиметровым размахом крыльев. Они приближались не торопясь, будто плыли. Пологов приказал парам Митикова и Подгорного атаковать «пятьдесят вторых». А сам, использовав преимущество в высоте, с ходу навалился на вражеских истребителей. В сетке прицела заплясал ближайший к нему «Фокке-Вульф-190». На его фюзеляже мелькнула нарисованная желтой краской зубастая пасть зверощера. Завязался бой. С обеих сторон потянулись огненные трассы. Все завертелось в бешеном вихре. От залпа пологовских пулеметов и пушки вражеский самолет распустил по небу темно-серую копоть и, вращаясь вокруг собственной оси, повалился вниз. «Не такой уж

ты ас, коль так быстро оказался в прицеле», – пронеслось в голове.

Сквозь треск и крики в эфире Пологов едва разобрал слова ведомого Баландина:

– Павел Андреевич, я поврежден.

– Баландин, немедля домой, – приказал командир.

Оставшись без прикрытия, Пологов дрался один против трех фашистов. Ему удалось полоснуть огнем по кабине еще одного «фокке-вульфа».

И тут Пологов увидел, что из головного транспортника, точно горох из перезревшего стручка, вываливаются разноцветные парашюты с подвешенными к ним ящиками и контейнерами. Стрелой взмыв вверх, он направил свой «як» на Ю-52.

– Не давай гадам кормить фрицев! – крикнул Пологов и молнией врезался в строй растерявшихся врагов. Пораженный очередью Подгорного, один «юнкерс» уже пылал на земле. После двух атак Пологов послал туда же другого. Остальные начали лихорадочно освобождаться от груза. Большинство парашютов приземлилось на позиции наших войск. Основная задача, кажется, выполнена.

– Командир, берегись! «Фоккеры» слева сверху! – предупредил чей-то срывающийся голос.

С двух сторон командирский «як» настигала пара вражеских истребителей. По плоскостям дробно застучали пули. Павел резко бросил самолет вниз, затем – вверх. Но поздно: из бензобака брызнули светлые языки пламени. «Сбивать огонь или садиться?» Пологов выбрал первое. Последовал каскад фигур, одна сложнее другой. Дважды Павел швырял машину в пике, то с правым, то с левым скольжением – не помогло. Кабина наполнилась ядовитым запахом гари, бензина и паленой резины. Дым застилал и резал глаза. Стало трудно дышать. «Если открыть колпак кабины, пламя разгорится еще сильнее». Пологов почувствовал, как холодные струйки пота стекают по спине. Рваные лоскуты огня уже лизали переднюю часть кабины, обжигали лицо и руки.

Пологов окинул взглядом землю: видны тонкие зигзаги траншей. Но чьи они? Немецкие? Наши? Во рту пересохло. Кашель сдавливал горло. «Надо прыгать!» Он отстегнул ремни и откинул колпак. В тот же миг пламя, вырвавшись наружу, точно раскаленными клещами вцепилось ему в лицо. На руках сморщились и затлели перчатки.

Павел убедился, что преследователи отстали от него. И вдруг он увидел, как справа один из «Юнкерсов-52» идет ему наперерез. Если сейчас прыгать, гитлеровец изрешетит его. «Таран!» – сам себе скомандовал Пологов.

Разгадав намерение советского истребителя, фашист резко переменил курс и пытался улизнуть.

– Врешь, гад, не уйдешь! – сквозь зубы процедил Пологов и бросился вдогонку.

В этот решающий миг Павел вложил всю свою волю, весь опыт.

В наушниках раздались предостерегающие крики:

– Ахтунг! Ахтунг! – визгливо лаял какой-то немец.

– Прыгай же, командир! Прыгай! – надрывался кто-то из своих.

Но Пологов уже настиг врага. Он уравнял с ним скорость и, наклонив свой самолет вправо, срезал винтом хвостовое оперение «юнкерса».

Между жизнью и смертью

Майор Сушко докладывал по рации комдиву, что задание выполнено. Почти все «юнкерсы» сбросили груз над расположением наших частей. Сбито пять самолетов противника: три транспортника и два «фокке-вульфа». Наши потери – две машины. В том числе на базу не вернулся командир полка подполковник Пологов. О нем пока нет никаких сведений.

Рация работала без умолку. О Пологове запрашивали командиры корпуса и дивизии, беспрерывно звонили соседи.

…Раздался жесткий треск.

В то мгновение, когда «як» рубанул винтом по вражеской машине, Пологов оттолкнулся и выбросился с парашютом. Перед его глазами так и застыл этот последний миг: паучья свастика на фюзеляже, застекленная кабина фашистского летчика и его ошалелое лицо с выпученными от страха глазами.

Тугая струя воздуха перехватила дыхание. В наступившей тишине стоял однотонный гул.

Кольцо уже в руке. Возникло инстинктивное желание быстрее дернуть его, но подсознание предостерегало: необходимо падать затяжным, иначе какой-нибудь фашист может полоснуть очередью…

Земля все ближе, ближе… По его расчетам, он пролетел метров пятьсот. «Пора!» – и рванул кольцо. Толчок. Над головой вспыхнул шелк белого купола.

Падение стало плавным. Показались ясные очертания траншей. И снова – вопрос: «Чьи они? Немецкие? Наши?» До земли оставалось метров сто.

Неожиданно из траншей начали стрелять. Трассы потянулись к нему слева и справа. «Где же свои? Неужели конец?» – стучало в висках. Остро кольнуло кисть правой руки, кровь потекла за рукав, теплая капля упала на лоб. «Что делают, сволочи!» – свирепея, выругался он. Еще одна пуля пробила подошву сапога, другая – раскаленным свинцом скользнула по щеке. Секунды тянулись, как вечность.

Но вот и земля, изрытая минами и снарядами. Она показалась ему холодной, неприветливой. Коснувшись ее, он присел от боли в правой ноге. Стрельба прекратилась. Лежа, он освободился от парашютных ремней, вытащил из кобуры пистолет и поставил его на боевой взвод. «Последний патрон для себя», – решил он.

В стороне из-под тонкого слоя снега выпучились грязно-желтые бугорки прошлогодней травы. Заметив неглубокую

воронку, Пологов забрался в нее и прислушался… Ни звука. Тогда он достал из комбинезона индивидуальный пакет и, помогая зубами, с трудом перевязал руку.

Нестерпимо захотелось пить. Превозмогая боль, он снял полуистлевшие перчатки и здоровой рукой жадно сгреб жесткий, точно крупицы стекла, снег. Горсть живительной влаги холодом разлилась во рту. Какой это был вкусный снег…

– Ползи сюда! – вдруг услышал летчик русскую речь. Он взглянул в ту сторону, откуда донесся голос. Метрах в пятидесяти высунулась голова в каске:

– Давай, давай! Не мешкай!

«Свои!»

Оказалось, он приземлился на нейтральной полосе, между своими и вражескими окопами.

В блиндаже командир стрелковой роты дал летчику воды, затем проверил документы.

Пологов хотел сообщить о себе в полк, но ему объяснили, что связь повреждена.

В батальонном медпункте летчик пробыл два часа. Ему сделали перевязку, прикладывали к обожженному лицу и к вспухшим кистям компрессы.

– Вам необходимо подлечиться, отдохнуть. Ожоги третьей степени, – сказал на прощание главный врач.

…Баландин сидел в одиночестве на бруствере пологовского капонира, прикуривал одну папиросу от другой и блуждал глазами по горизонту.

Неизвестный связной самолет сел в середине летного поля и почему-то не выключил мотор. Кто-то высадился из него, и машина тут же взлетела.

На притихшем поле, спиной к младшему лейтенанту, метрах в двухстах, стоял человек в комбинезоне летчика. Прихрамывая и размахивая одной рукой, он направился к командному пункту. В его фигуре что-то показалось Баландину знакомым. Когда неизвестный стянул шлемофон и подставил ветру рыжие волосы, младший лейтенант сорвался с места и опрометью кинулся вдогонку.

– Братцы! Наш Пологов вернулся! У-р-р-а-а-а! – не своим голосом закричал он.

Навстречу командиру бежали летчики, техники, мотористы, оружейники и официантки.

Баландин первым хотел стиснуть Пологова в объятиях, но, оказавшись рядом, увидел, что раненая рука командира держится на повязке, а лицо вздулось от ожогов. Огненно-медную шевелюру – за один день – рассекла белая прядь седины.

…В соседней с аэродромом деревушке расположился медсанбат. Здесь уже пятый день лечился Пологов. Никакие уговоры врачей не помогли: он наотрез отказался ехать в госпиталь.

Как-то днем его навестил замполит Житный.

– Поклон от всех! Лицо уже зарубцевалось. Хорошо! Не зря говорят, что ты в рубашке родился, – шутил он.

По его веселому тону Пологов догадался, что тот явился не случайно.

– Тебя представили к награде. К какой – пока не знаю, – таинственно сообщил замполит. – А о твоем таране уже известно всем. Погляди, – Житный вытащил из кармана свежую газету с оперативной сводкой Советского Информбюро за 9 апреля. Пологов быстро нашел абзац о боях на Белорусском фронте. Там говорилось:

«На одном участке Белорусского фронта летчик Герой Советского Союза подполковник Пологов, патрулируя над нашими позициями, встретился с четырьмя немецкими истребителями «Фокке-Вульф-190». В ожесточенной схватке тов. Пологов сбил два самолета противника. Самолет тов. Пологова получил повреждение и загорелся. В это время в районе боя появились 11 вражеских транспортных самолетов «Юнкерс-52». Подполковник Пологов на своем горящем истребителе врезался в их строй и протаранил один немецкий транспортный самолет. Тов. Пологов выбросился с парашютом из горящей машины и благополучно приземлился на своей территории».

– Все правильно, – сказал Пологов. – Поэтому поговори с врачами, чтобы меня поскорее выписывали…

* * *

После войны Пологов закончил высшие курсы командного состава ВВС и продолжал командовать истребительным авиаполком. Через несколько лег по состоянию здоровья он ушел в запас: старые раны дали о себе знать. Вскоре он поступил на Свердловский турбомоторный завод.

…Более двадцати лет трудился он здесь диспетчером. За эти годы Павел Андреевич по-настоящему сроднился с заводским коллективом. Однако приспела пора, когда врачи заставили бывшего героя фронтового неба уйти на заслуженный отдых.

Но не порывает связи с «Турбинкой» ветеран.

Здесь, в музее трудовой и боевой славы, где собраны экспонаты об истории завода и его лучших людях, он проводит

беседы не только с учащимися ПТУ, молодежью, но и с кадровыми рабочими. Встречается Павел Андреевич и с солдатами в частях Уральского военного округа, рассказывает о тех, кто отстоял священные рубежи земли нашей, кто не пощадил ни крови, ни самой жизни во имя Великой Победы, во имя мира и солнца.

notes

Примечания

1

Наука и жизнь, 1986, № 6, с. 35.

2

Красная звезда, 1986, 6 апр.

3

БАО – батальон аэродромного обслуживания.

4

В то время на истребителях рации еще не были установлены.

5

Истребитель И-153 летчики называли «чайкой».

6

Так фронтовики называли фашистский истребитель «мессершмитт».

7

Скапотировать – потерпеть аварию, перевернув самолет кверху шасси.

8

«Горбатыми» называли советские штурмовики Ил-2.